

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ГОРОДА КАСИМОВА И ДЕРЕВНИ ТЕБЕНЬКОВО.

Тебеньково, как и все другие татарские селения, возникла в связи с образованием Касимовского царства. Чтобы яснее представить себе образ жизни, быт и традиции касимовских татар, мне хочется хотя бы немного приоткрыть завесу давно минувших дней.

А. ГОРОД КАСИМОВ

Стоит он гордо в живописном наряде крутого левого берега замечательной, многократно воспетой реки Оки. Стоит он на том месте, где могучая река круто поворачивает на юго-восток. Она несет свои живительные воды мирно и спокойно на расстоянии 1500 км, приветливо проходя такие древние города Руси как Орел, Калугу, Серпухов, Каширу, Коломну и Рязань. А между ними она идет вблизи множества деревень; величаво минует рощи, дубравы, лесные дачи; после Рязани ласково плывет по Мещерской низменности, стараясь держаться то ближе к ее лесным бескрайним массивам, то шествует по просторным лугам, обильно орошая их обширные поймы в половодье, то пересекает поля и пастбища.

И, наконец, она размашисто подходит к Касимову, внезапно открывающемуся возле вековой рощи гигантских сосен у товарной пристани Забелено. Здесь, будто не желая покидать всегда приветливые перелески и опушки мещерских лесов, Ока тесно прижимается левым боком к последней в этом округе окраине...

Но, к сожалению, такое надоедливое дружелюбие Оки к Лесу привело к потере его красоты, унося в течение веков частицу за частицей, образовав тем самым круто кривой отвесной провал. Не желая расстаться с полюбившимся лесом, она, Красавица-Ока, все еще продолжает стремиться идти влево, оттеснив город, чтобы быть ближе к Лесу. Но подступы города крепки, они сложены из скалистой породы /конгломерата/. Вот почему у города ей пришлось самой круто отодвинуться вправо.

Потом, огибаясь коленом около города, Ока устремляется к младшей сестре Мокше, к селам Елатьма и Азеево, городам Муром, Павловск, чтобы, набрав силу, оказаться в объятиях старшей сестры Волги.

...Думается, что такое местоположение строительства города было выбрано удачно, прежде всего, с точки зрения военной стратегии. Здесь в округе города, Ока вычертила равнобедренный треугольник, с углами на основании Касимов и Елатьма, отстоящих друг от друга на расстоянии 40 км, а его вершину отнесла к устью реки Мокши, бедра которой составляют 120 км. Следовательно, врагам с востока и юго-востока надо было плыть в три раза большее расстояние - Елатьма - устье Мокши - Касимов - против течения, чем дозорному пробежать от Елатьмы до Касимова. Поэтому такой город не мог быть легкой добычей врага, даже если напасть на него внезапно.

Вот с таким замыслом в 1152 году, еще при строительстве Москвы, Юрий Долгорукий и заложил Городец - Мещерский – будущий город Касимов. Он удачно преграждал врагам все водные пути, идущие с востока на Москву, находясь для них на конечной реке – Оке.

В то время, когда строился Городец - Мещерский, в этом крае жили мешяра, черемисы и мордвины. Численное превосходство принадлежало мешаре. Поэтому Приокская

низменность, на ней огромный лесной массив, а в нем сухие болота и сам городец носят названия, исходящие от слова “МЕЩАРА” – Мещерская, Мещерский, Мшары, городок Мещерский.

...И так же тихо и плавно, медленно и спокойно, как Ока движется в мещерах, развивался город Касимов. Медлительность в росте никогда не покидала его. Такое положение объясняется скудностью полезных ископаемых в округе, отсутствием железнодорожной связи с другими городами /до 1960-х годов/ и образом жизни горожан в дореволюционный период. За 800 лет он достиг численности всего лишь 37 тысяч человек, а промышленное производство ограничилось одной старой канатно-сетевязальной фабрики Зайцева и небольшим чугунолитейным заводом в Сынтуле – вот и вся промышленность того периода; да и сейчас мало чем он отличается от весьма скромных заштатных городков.

Тем не менее, Касимов жил в мою бытность оживленной городской жизнью, создавая уют, убранство и привлекательность своими сооружениями, стараясь удовлетворить скромные запросы жителей уезда.

До сих пор у меня остались, самые приятные воспоминания о Касимове... Хотя за свою долгую жизнь я видел много хороших, очень красивых городов с замечательными достопримечательностями, как в нашей стране, так и за границей, но милее для моей души нет другого города, чем мой Касимов. Он тянет меня всю мою жизнь к себе. Мне постоянно хочется увидеть его гордо стоящим на крутом берегу Оки-Красавицы, весь утонувший в кудрявой зелени; хочется посмотреть на его улицы, базары, мечети, церкви, магазины, старомодные торговые ряды со складами-лабазами, пристань, возле которой красовались белоснежные пароходы и стояли тяжелонагруженные баржи, трактиры, паровые мельницы и многое другое, с чем в той или иной форме у меня была установлена связь. Здесь что-то я покупал или продавал, исполнял обязанности комсомола и выборных должностей, бывал в кино и Народном доме, встречал и провожал приезжавших наших на побывку, работал по найму по перевозке грузов. В то время он ничем не был примечательным для меня, а вот со временем в воспоминаниях его прелести стали желанными. Моя связь с городом установилась в мои юношеские годы – 1918-1925 гг. и немного я знал его в детские годы – 1911-1915 гг....

В то время жителей насчитывалось 25 тысяч человек. Центральная улица Ямская вытянулась как струна, на 3 километра от Вознесенского собора, поставленного перед началом крутого спуска к пристани, до Никольской церкви. Здесь собраны магазины и различные учреждения – от собора до Кузнечной улицы. В этом районе здания построены в стиле классицизма. В дни масленицы на Ямской происходили состязания рысистых породистых лошадей, в которых неизменно участвовала и наша Маруська, нередко выходявшая победительницей. На Ямской, от Кузнечной улицы и дальше Никольской церкви жили почти одни ямщики. Они исстари обосновались здесь, построив бревенчатые дома с приличными надворными постройками. Они владели большими наделами заливных лугов на пойменных берегах Оки. Ямщицкая профессия возникла и сохранилась у них вследствие того, что Касимов не был связан железной дорогой. Ямщики доставляли с пристани пассажиров в крытых повозках, запряженных лихими тройками. Зимой они возили пассажиров в крытых утепленных санях, запрягая в них лошадей гусем; развозили их между Касимовым с его селами и железнодорожными станциями Бутылицы, Тума, Сасово и Шилово; поддерживала административную связь уездного города с губернией – Рязанью.

Кузнечная улица сформировалась несколько необычно. Она очень широка с постройками, индивидуальными домиками, садами и проч., а по ее середине еще 'улица' кузниц в два ряда, сложенных из красного кирпича. Кузнецы были большие мастера своего дела: они удовлетворяли все запросы ямщиков, крестьян и горожан. Кузнечная улица – первая улица города для нас при въезде в него. Здесь же находился и конный базар, который собирался по четвергам. На нем в осеннее время продавалась мясница в большом количестве – лошадь, ставшая непригодной для работы, которую татары охотно покупали на убой. Шла продажа и рабочих лошадей, вокруг которых постоянно вертелись цыгане, что-то промышляли в купле-продаже: они навязывали покупателям коня, бегая с ним рядом, или запрягали его, и наваливались гуртом на телегу человек десять, хвалили силу, резвость и всякое в этом роде прочее. Выдумывали они разные процедуры передачи с рук на руки проданного коня, а потом распивали магарыч. О таких цыганах шли толки, что они умеют продать и такого полудохлого коня, которому от истощения или болезни осталось-то жить всего один день, или они уговорят купить такого ленивого, слепого, хилого, какого нельзя даже себе представить.

Неподалеку от конного базара – сенной...

Хотелось бы мне походить и по другим базарам. Вот вдоль огромного, очень крутого и глубокого оврага в один ряд стоят осенью возы с овощами, картофелем, яблоками. Здесь идет бойкая продажа моркови, репы, капусты, свеклы, огурцов, лука; все продается мерами – килограммов 10-12.

На тюремной площади в конце Кузнечной улицы базар зерновых и муки. И здесь все продается мерами. Мера ржи – один пуд.

На всех базарах идет оживленный торг, уговоры купить-продать приобретают самые неожиданные приемы: то иронический смешок, то язвительная издевка, а то и взаимная грубость, или мирные уступки друг другу.

Посмотрел бы я и татарские улицы, оформленные добротными домами на деревенский лад: большая надворная постройка, с вырезными украшениями ворота, палисадники, а позади построек – фруктовый сад. На одной из таких улиц возвышается мечеть с оригинальным минаретом в форме башни периода XVI века, на другой, - древние мавзолеи Шах - Али - хана и Авган - Мухаммед - султана.

Побывал бы я в доме татарского волостного управления, совсем одиноко стоящего на Тюремной площади, в Народном доме; зашел бы и в парк на Ямской, что возле собора; постоял бы на пристани, пристально всматриваясь на быстро приближающийся пароход, который еще издали, подавал волнующий дрожащий низкий голос, извещая ожидающих о своем появлении и требование открыть ему плашкоутный мост. А еще побродил бы просто по тому пустырю, на котором когда-то устраивали сельскохозяйственные выставки, ярмарки. Завершил бы я свою экскурсию на центральной площади, где, сняв головной убор, постоял бы минутой молчания, как стоял 24-го января 1924 года на траурном митинге...

Все эти места мне родные, очень близкие и дорогие, из памяти они не изгладились.

...Я немного увлекся недавним прошлым. Пора вернуться к началу становления Касимовского царства.

КАСИМОВ

Такое название город имеет своим началом имя первого царя Касим - хана, владевшего округом среднего течения Оки, где главным населенным пунктом был Городец - Мещерский. Это произошло вследствие следующих исторических обстоятельств. С 20-х годов XV века начался полный распад социального строя Золотой Орды, разложившейся на ряд ханств. Так, например, в 20-е годы 1400-го отпочковалось Сибирское ханство, в 1438 году выделилось Казанское ханство. Основал Улу - Мухаммед – бывший хан Золотой Орды часть этих народностей – ядро золотоордынцев – преобразовалось в Ногайскую Орду; затем создано Крымское ханство, а еще позднее – в 60-х годах – возникли Узбекское, Казахское и Астраханское ханства. Старший сын Казанского хана Улу-Мухаммеда Махмутек стал первым ханом Казани, а младший сын Касим остался в составе правителей Ногайской Орды.

Улу-Мухаммед проводил враждебную политику по отношению к Московскому княжеству. Касим же держался иного взгляда, и поэтому он был против действий Казанского ханства, считая их неправильными и невыгодными для всех ханств бывшей Золотой Орды. Касим считал необходимым держаться позиции союза с Московским княжеством, активно перераставшим в большое государство благодаря начавшемуся процессу объединения разрозненных княжеств русских земель, что, по его мнению, не могло не привести к росту могущества России. Кроме того, зарождающееся Русское государство основывается на более прогрессивном образе жизни: в нем устанавливается устойчивая и стройная государственность, усилия объединенных княжеств приведут к экономической и военной мощи; социальный строй основан на производительных началах – земля, используется не только для пастбища конских табунов, но и для разведения других видов скота, а главным образом для выращивания хлебных злаков и иных технических культур. В противоположность всему этому Золотая Орда распалась на маломощные ханства, нередко враждующие между собой, что ведет к еще большему ослаблению их; политической основой этих ханств является грабеж, а экономической базой, – награбленная ценность соседних стран и ограниченная продукция кочевого скотоводства.

Касим знал, что одолеть силу казанского хана Махмутека он не сможет, и что, – находясь в окружении знати Ногайской Орды, еще не выражающей лояльного отношения к московскому князю, он не сможет сделать что-либо в пользу своих убеждений – быть в союзе с Москвой.

В связи с таким положением Касим со своим вооруженным отрядом конницы, состоявшим из татар-ногайцев, направился к Москве под видом набега. Прорвавшись сквозь охрану на подступах Москвы, он настойчиво требует открыть ворота и пропустить весь отряд в Кремль, – в противном случае угрожает, и Кремль, и Москву разорить. Узнав о дерзости и смелости предводителя всадников, государь московский, Василий Темный приказывает открыть ворота. Начальный командир конного отряда Касим передает себя с воинами в подчинение московского государя, обещав верно служить в его интересах. Это произошло в 1446 году.

С тех пор, получив сан хана, он и стал называться Касим - ханом, сохранив предводительство над своим отрядом конницы. Со своим боевым, слепо дисциплинированным отрядом он служил верой и правдой Василию Темному. Касим-хан всегда возглавлял в сражениях ударную силу московских воинов, тем самым заслужил безупречное доверие у государя Руси, а вместе с ним, и весьма щедрое вознаграждение...

Он активно и очень жестко поддерживал Василия Темного в его борьбе против двоюродного брата Дмитрия Шемяки, претендовавшего на престол Москвы, считая себя главным наследником деда, Дмитрия Донского, который был московским князем. Касим-хан безжалостно разбил на реке Пахре войско хана Сеид-Ахмеда – какой-то ветви Золотой Орды. Он совершал смелые походы против брата Махмутека. Много раз выступал Касим-хан и против других враждебных сил Московского государства, поддерживая московского государя Василия Темного, приведшего к подчинению Суздальско-Нижегородского княжества, Новгорода Великого, Пскова и Вятки.

В связи с такой деятельностью и большой заслугой, Василий Темный обязывал своего соправителя – сына Ивана III – всячески поддерживать и поощрять Касим-хана. В свою очередь Касим-хан завещал своим царевичам быть в союзе с московскими государями.

Следует признать, что наказ Касим-хана, являющегося правителем царства Городца-Мещерского, строго и честно выполнялись всеми касимовскими царями – потомками первого царя – Касим-хана.

В походах Ивана III против Литвы, завершившихся воссоединением русских городов Чернигов, Новгород-Северский, Гомель и Брянск. Также он оказывал влияние в присоединении Иваном III к Москве Ярославского и Ростовского княжеств, Новгородской феодальной республики, Тверского великого княжества и части земель Вятского, Рязанского княжеств.

Последователями Касим-хана своими отрядами бывали в походах против врагов русского государства. Это в период царствования Ивана III, Василия III, Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова. После Бориса Годунова – с Федора Борисовича Годунова и до Федора Алексеевича Романова – военная роль касимовских татар пошла на значительное снижение... А до этого они, в качестве передовой ударной силы являлись авангардом в числе русской армии. Это в период войн с Речью Посполитой / 1632-1634; 1654-1667 гг./, Турцией /1676-1681/, Швецией /1656-1658/, также они осуществляли активные боевые действия против Казанского, Сибирского, Астраханского ханств.

Все эти походы происходили в тот отрезок истории Касимова, когда он был объявлен татарским царством внутри России. Касимовское царство возникло благодаря особым воинским заслугам татарского отряда, во главе которого стоял Касим. За эти заслуги в 1450-х годах Василий Темный подарил этому отряду в удел Городец-Мещерский, с прилегающей к нему значительной территорией, считая все это царством Касим-хана, получившему одновременно такой высокий сан. С того времени и до 1681 года – более чем два с четвертью века – просуществовало здесь татарское царство, во главе которого стояли правителями прямые наследники Касим-хана.

Одновременно со значением награды Касим-хану и его воинам Городца-Мещерского, московский царь придавал и политический смысл в образовании в этом округе иноплеменного царства: иметь прочный заслон против врагов, идущих с востока на Москву водным путем, что, как известно, было задумано еще Юрием Долгоруким, при основании Москвы на территории своих владений.

После смерти Касим-хана /1469 год/ в честь его памяти Городец – Мещерский был переименован в город Касимов /1476 год/, а округ, на которое распространялась власть царей этого города, стала называться Касимовским царством. После смерти последней правительницы из династии Касимовых Фатами – султан в 1681 году, касимовское царство упразднилось.

Основной причиной ликвидации Касимовского царства явилось следующее. Со смертью Фатами – султан пресеклась династия Касим – хана. Но это, пожалуй, чисто формальная сторона истории. Главной же причиной является то, что военная роль татарских отрядов ко времени кончины последней наследницы Касим – хана все больше и больше слабела в связи с тем, что в организации русской армии произошли коренные изменения в сторону повышения ее боеспособности.

Если в период служения Касим – хана Московскому царству были разрозненные военные отряды княжеств, то в конце XV века создавались поместные ополчения из дворян с холопами, подчиненные первому московскому царю Ивану III. Хотя это и явилось шагом вперед в организации армии, все равно и ополченцы, как и автономные княжеские отряды, были мало подвижны, медленно мобилизуемы и плохо обучены на ратные дела. На фоне такого состояния военных сил Московского царства, конница касимовских татар все еще считалась более боеспособной, играющей важную роль в военных действиях. Она всегда была готова выступить в поход за короткое время, слепо дисциплинирована, хорошо отлажена к сражениям, обладала высокой мобильностью. В середине XVI века Иван грозный создает стрелецкое войско, вооруженное огнестрельным ружьем. Несмотря на то, что численность стрельцов дошла до трехсот тысяч человек против 50 тыс. ополченцев, тем не менее, воины касимовских татар все еще занимали должное место в русской армии, хотя к этому времени их вес уже был снижен в общей массе армии. В завоевании Казани при Иване Грозном, поколение Сибирского ханства – Кучум – хана – при Федоре Ивановиче /1598 год/ и в присоединении Ногайской Орды к России Борисом Годуновым /1600 год/ конники касимовских татар принимали участие, но уже не в той степени, как это бывало в прошлом. После подчинения к Московскому государству восточных ханств – Казанского, Сибирского, Астраханского – и Ногайской Орды значение Касимова, как форпоста против востока, падает. Падение Касимовского царства ускорило еще тем, что на западе России появилась дополнительная военная сила в связи с воссоединением Украины с русским государством /1654 год/.

Наконец, немаловажным оказалось и то, что после смерти царя Федора Алексеевича на русском троне царскую корону разделили малолетние цари Иван V и Петр I, а регентша над ними Софья Алексеевна в то время занималась интригами, и ей заниматься государственными делами было не досуг. Следовательно, после смерти Фатами – султан /1681 год/ и смерти Федора Алексеевича заниматься делами Касимовского царства было некому.

ТЕБЕНЬКОВО

...Получив вотчину Городец – Мещерский с обширной территорией вокруг него, Касим – хан расселял обзаведенных семьей воинов группами по отдельным удобным местам. Резкое различие климатических и географических условий здесь – суровая, глубоко снежная и продолжительная зима – по сравнению с теми от, куда они пришли – с Прикаспийской низменности и с Кавказа – потребовали от бывших кочевников – ногайцев изменить образ жизни; нужно было осваиваться оседлостью, как жили местные племена и народности – мешары, мордва, черемисы и татары, - занимаясь земледелием, сенокосением и разведением разного скота.

Так образовались групповые татарские – из выходцев Ногайской Орды – поселения в пять – восемь деревень вокруг городца, разросшихся благодаря женитьбе воинов на

местных женщинах. При этом следует признать бесспорным то обстоятельство, что пришельцам в мешерский край ногайцам оказались ближе языком, обычаями, религиозным вероисповеданием и до некоторой степени укладом жизни местные татары и мешары. Поэтому вполне уместно и тесная их общность между собой. Если это так, то вполне закономерно и естественно женитьба ногайцев на местных коренных жительницах татарках и мешарках. Вот поэтому ногайцы стали постепенно ассимилироваться с представителями этих народностей Мешерской низменности, обосновавшихся здесь в начале первого тысячелетия нашей эры. Вследствие такой причины, нельзя исключить и того факта, что ногайцы могли жениться и на представительницах других племен, народностей. Но это могло быть результатом отклонений от нормы обычая... В результате ногайцы, мешары и татары образовали татарскую нацию, поскольку в таком историческом деле слабый пол всегда одерживал победу мирным путем.

Думается, что значительно расширились и те бывшие до того селения местных татар и мешар за счет расселения в них воинов касимовских царей. Такими большими поселениями были Азеево, Тустее, Аджурман, Старый Посад и другие.

Также не трудно полагать, что с приходом в Городец – Мешерский ногайских татар, объединенные их усилия с мешарами и здешними татарами стали теснить черемисов, мордву и другие племена, захватывая ими обжитые окрестности. По этой причине они и переселились в восточные районы. Такую же участь постигла и тех мешар, которые отвергли союзы семьи, взгляды на жизнь, и очевидно, с Москвой. Такая часть мешар и переместилась в Тамбовскую губернию.

Образование таких ассимилированных татарских деревень приобрело ускоренный процесс после упразднения Касимовского царства, когда были распущены воинские отряды. Кроме того, для этого в отводе больших сельскохозяйственных угодий никаких препятствий не было. Так возникла и наша деревня Тебеньково...

Если к этим и другим историческим данным, и тем преданиям, которые бытовали в старину, немного добавить правдоподобное воображение, то рождение Тебенькова представится в следующем виде.

...Не стало Фатами - султан – последний потомок Касим – хана, - а регентша Российских царей Софья Алексеевна нового касимовского царя не назначила, как это бывало раньше после смерти правителя.

Таким образом, в 1681 году упразднилось Касимовское царство, распущены татарские кавалерийские части; в связи, с чем прекратились походы для бывших воинов, и теперь уж надо обживаться семьей, хозяйством и тем, кто еще не успел обзавестись ими...

И вот, если бы кто-нибудь наблюдал за похождениями одного из таких бывших воинов, то он бы мог поведать нам следующую историю. Со стороны было замечено, что - то и дело появляется всадник на добром коне в разных районах неподалеку от Касимова. Он объезжал эти места, делал остановки то там, то здесь, оглядывался вокруг себя, нагибался, брал что-то и внимательно смотрел на него. Со временем он все чаще и чаще направлялся в северном направлении от города и тихонько осматривал одни и те же облюбованные участки с частыми остановками. Здесь ездил он вдоль речек, по целинным полям, лесам, оврагам, а потом вновь спускался к реке: напоить коня, покормить его сочной прибрежной травой, и дать ему возможность хорошо отдохнуть; да и самому не мешает пообедать, чем бог послал, запив немудреную еду прозрачной водичкой, а после несложной трапезы можно и соснуть какой-нибудь часок. Потом, через некоторое время, пешком, ведя на поводу своего

любимчика, он поднимался с долины речки, по крутой горке, и шел, спокойно, очень медленно равниной к излюбленному огромному валуну, который не мог не обратить его пристального внимания... «Откуда бы ему взяться в этих без гористых ровных местах, да еще такой огромной величины? Или гора провалилась под землю, оставив на виду только макушку в назидание тем, кто осмелится занять его территорию, де – мол «пусть знают о грозной здешней силе»... Но он воин – потомок предводителя лихих конников Касим – хана, бесстрашные и жесткие походы которого овеяны славой. Ему ли бояться чего-то не известного.... Подошел он к валуну, сел на его уступ, снял с плеча саблю.

Его крепкое телосложение, спокойный и внимательный взгляд, по-своему опрятная внешность выдают дородность осанки. На голове у него островерхая, как шатер восточных народностей, шапка; одет свободно висячем бешметом, обхваченным в талии красным кушаком; на ногах кожаные бахилы. В плечах он широк, а станом – сухопар, ростом достаточно высок. Возраст – средний. В нем все гармонично пришло к месту: в движениях он спокоен, в поступках уверен, в своих решениях не изменен, в думах нетороплив, а в исполнении задуманного решителен. Все это говорит о том, что он за всю свою жизнь успел впитать достаточно много житейской мудрости и показывает присущую ему большую физическую силу. Вся его внешность подчеркивает бывалого смелого воина. Он носит оставшуюся на всю жизнь отметину былой баталии – половина правой брови в сторону уха, отсечена напрочь.... Этот валун всегда располагает его к разным думам.

Сидит он недвижно, и не поймешь, толи он находится в состоянии глубокой задумчивости, толи в воспоминании о прошлом, а может, задумался о будущем. Случайно павший взгляд на меч увел его то на одно, то на другое поле сражения, где чувство опасности и геройства часто и внезапно то сменялись, то смешивались, вызывая острые ощущения в душе. Стал живо представлять исходы походов, оставивших в памяти неизгладимую гордость или горечь. Думы о сражениях возбудили в нем четкие воспоминания о своем участии в жарких битвах.

Мысленно он перебрался отчетливо к полям битв под Пилявцами при Берестечке на территории Литвы; к жестоким боям против войск Речи Посполитой в результате, которой, одержав трудные победы, были возвращены такие крупные города как Ковно, Гродно, и Вильно. Вспомнилась и та кратковременная, но весьма горячая баталия, произошедшая в районе Бреста, где его отряд сильно отличился под командованием воеводы Урусова, разбив наголо литовцев, численность которых превышала более чем в три раза. Ясно представил себе почетный длительный поход на Ригу под командованием самого царя России Алексея Михайловича Романова. А потом живо напомнил ему рассказы деда о знаменательных событиях возникших в Смутное время Руси, связанное с лжецарями... Касимовский царь, как и многие князья, бояре и воеводы, признал Лжедмитрия II за престолонаследника – Дмитрия Ивановича /сына Ивана Грозного/. Для охраны русского царя «Дмитрия» он, Касимовский царь конный отряд стражников снарядил из самых, что называется, сорви – голова. Во главу отряда был назначен такой же смелый, храбрый и безжалостный начальник крещеный татарин Петр Урусов, как и его стражники. Одним из таких воинов являлся дед нашего временного незнакомца, состоявший в подчинении сына касимовского царя. Недовольные знатные люди – князья, бояре, воеводы и духовенство – действиями царя «Дмитрия» постепенно, все больше и больше стали разоблачать его в самозванстве и отходить от него и принимать меры против него. Также поступил в отношении Лжедмитрия и касимовский престарелый царь. Лжедмитрий II, боясь покушения на

его жизнь в Москве, как это произошло с Лжедмитрием I, в окружении стражи Урусова и со своими воинами – казаками, бежал в Калугу – в свою резиденцию, где находилась в качестве жены бывшая жена Лжедмитрия I Марина Мнишек.

Желая выволочь своего сына из - под влияния вора – самозванца, касимовский царь поехал в Калугу к Лжедмитрию II. Когда он явился туда, то за отступничество и нежелание службы сына самозванец приказал его утопить, что и было исполнено казаками. Начальник стражи Урусов и его приближенные поклялись отомстить вору, за убийство своего царя... Урусов пригласил Лжедмитрия II на охоту за зайцами, во время которой и убил его, срубив напрочь голову. Зная мести казаков за это, прямо с охоты весь отряд стражников снялся, и убежал на бойких и выносливых конях, взяв направление, кажется на Касимов, где легко найти защиту. Потом наш всадник припомнил и о том, что Петр Урусов настроил Ивана III и Василия III против России враждующих сил различных ханств, во главе которых стояли Муртаза, Янай, Джаналей, Шиг – Алей, а при Иване Грозном о том, как они участвовали в битвах с отрядами Кайбуллы, Мустафы – Алея, Данияр и Саип – Булата – правителей, не дававших покоя русским землям. Много слышал он рассказов, овеянных легендой побед Касим – хана на реке Битюге, разгромившего полностью на много превосходящую силу астраханского хана Махмата...

Вздрогнувший во сне Саврас обратил его внимание, а потом напомнил ему, что хотя он еще и крепок, и хорошо сохранил свои отличительные внешние черты, но все же изрядно постарел. «Вот сейчас стоит он и спит. Спит он не только, когда стоит. В молодости он не спал не только на ходу, но даже не дремал стоя, а сейчас засыпает, идя шагом, отчего не редко спотыкается, то и гляди можно упасть с него...»

И опять скачкообразные мысли, перемежаясь в разных моментах, как это бывает во сне, пристальный взгляд на Савраса напомнил бывшему воину двадцатилетнюю давность, связанную со своим любимым другом... Это произошло после кратковременного горячего боя с отрядом конницы Малой Ногайской Орды, где-то в бескрайней степи неподалеку от Каспийского моря. В поисках своего отряда, от которого он случайно отбился, набрел на косяк мустангов. Увидев его жоака – молодого саврасого жеребца, - он был потрясен увиденным, сразу же оказался плененным. Татарин, от природы любитель и знаток лошадей, знал, что такой молодой конь может стать предводителем гарема только в том случае, если он очень силен, необычайно смел и крайне настойчив в своих поступках. Ведь известно, что владыкой табуна объявляет себя тот, кто способен одержать победу в результате жесточайших сражений со многими соперниками. «Значит он, этот саврасый мустанг действительно является таким героем. Он – мой. Надо во что бы то ни стало овладеть им». После долгого единоборства с переменными успехами, повелитель повел свой табун к зарослям камыша, где легче было оторваться от преследователя. Он резво, в полный мах карьером бежал по такыру впереди всех, оторвавшись на далекое расстояние. И ... вдруг он всей мощью рухнул в рапу – соленый рассол – последнего участка высыхающего озера, где и завязь без надежды вырваться из такой топкой грязи. Почуввав неизбежность гибели, мустанг отдался на милость победителя, – он не стал сопротивляться, так уж повелось в животном мире.

Крепкому воину и сильному его боевого коню стоило больших трудов, чтобы вытащить его на твердую землю... С тех пор у них завязалась крепкая, неразлучная дружба. «С того времени прошло 20 лет, - думает наш задумавшийся всадник, - а, сколько повидал он, мой Саврас, на своем долгом веку! В каких только трудных и опасных положениях он не побывал?»

Вот он стоит возле хозяина и дремлет... Со стороны, в какой-то момент, кажется, что стоит он, как изваяние на постаменте – валуне. И как будто ничто не выдает в нем живого: он не шелохнется не одной частью тела, не моргнет не разу уже успевшими поредеть ресницами, торчащими иголками – спит он, стоя с открытыми глазами, потряхивая ушами. В нем все выдает былую грацию, необыкновенную силу и огромную выносливость. Саврас мог бежать полным ходом, без остановки семь, а то и восемь – девять часов. Внимательному глазу натуралиста он напоминает действительно скульптурное изваяние. Ему все даровано природой, о чем смеет мечтать только страстные любители, знаток и ценитель лошадей.

В прошлом темно – саврасый, очень строгий и горячий конь теперь уже стар, отчего и стал он белый, как мел, спокойный и смирный в поведении. Сейчас у него отвисла бархатистая нижняя губа, обнажив тем самым оскал пожелтевших зубов с полосками черноту в их междурядье. Некогда светло - русая грива, ставшая при старости шелковисто – седой, волнисто-расплетенными локонами ниспадает занавесью до уровня груди. Такая же челка покрывалом весит до ноздрей, ярко - красных изнутри. Перманентная завивка гривы и челки – результат противоборства хозяина Савраса с Лаской. У полюбившейся лошади Ласки производит весьма замысловатые хитро – сплетения их в локоны, а он, хозяин, каждый раз терпеливо и настойчиво, не жалея времени, волосок за волоском расплетает эти локоны. Длинный очень длинный – до земли – опускается пышным серебряным снопом хвост. Саврас широкогруд, в мускулистом сухопаром корпусе он необыкновенно длинен; мощная шея – короткая, толстая и жилистая – гордо поддерживает большую, широколобую голову. Сильные и сухие ноги, – литые из чугуна, – несмотря на преклонный возраст, не нуждаются в отдыхе, ставя их попеременно свободно, немного согнув на колени, что бы освободить от тяжести тела. Он корноух, а на бедре, где кулаком выдается верхняя часть бедренной кости, клок рыжей шерсти – отметина давнишних сражений его владельца.

Все это свидетельствует о том, что такой конь мог свободно выдержать тяжелые походы, мог оказаться верным другом воина, выручая его от всяких бед в сражениях, мог создавать нужные условия всаднику достичь успеха в ратных делах.

Вот стоит он, Саврас, как вкопанный, широко расставив ноги; в отличие от других стоит он головой против ветра – признак безразличия ко всяким невзгодам... Так стоит он и дремлет.

Внимательный взор нашего всадника вокруг себя пробуждает в нем заветную мечту о своем будущем, о необходимости принять решение по нему. Такая дума приходит к нему все чаще и чаще. Раздумывал разные картины будущей своей и близких ему из потомства жизни. В таких случаях уж не раз приходил он к одному и тому же: «А что если вот здесь у этого камня, поставить дом со всеми подсобными службами?... Для строительства и обзаведения хозяйства, - думал он, - места здешние удобны; вот на этой стороне /на юг/ отличный строительный лес. Он рядом, - до него рукой подать бери, сколько хочешь; и в будущем всем хватит возводить любые и сколь угодно строения да в топливе нужды не будет... Вон там, /в сторону востока/ прекрасная речка в ней вода чистая, как слеза и на вкус хороша; ее приток постоянен, ходить по воду недалеко; всем хватит воды: и жителям деревне и скотине и тушить пожар... А вот здесь /к северу/ тоже отменная речка: она больше, чем та, на всякий случай всегда может служить подстраховкой, да, кроме того, она изобилует рыбой... Обе речки, имеют достаточно обширные поймы, которые вдоволь напоятся в половодье, чем создаются благоприятные условия для произрастания разнотравья, а, следовательно, они будут служить и как отличные пастбищные и сенокосные угодья, - разводи скота

по своему желанию, а главное можно будет содержать много, очень много лошадей. На той же стороне /юго-западной/ со временем представится возможность все больше и больше расчищать землю от леса на пашню,...это дело не будет особенно трудным, - лес-то редкий... Хотя земля здесь и не очень жирна, она несколько к тому легковата, с песочком, но за то не глиниста,... в урожае не откажет, если дать ей нужный уход».

Такие размышления приводят его, нашего бывшего воина, к убеждению о наибольшей выгодности этого места для обоснования своим хозяйством, чем все другие. И он твердо решает: “ Да, быть посему. Буду строить... Здесь, вырастит моя деревня...”

И вот, возле того самого валуна, на котором так медленно, но прочно рождалась идея об изменении образа жизни, построил первый дом будущей деревни доселе неизвестный нам наш всадник.

...Это был воин Касимовского царства Смаг... Оно распространенное имя ногайцев, сарматов и других народностей, живших когда-то в Прикаспийской низменности между Волгой и Уралом под владычеством Ногайской Орды.

Смаг трудно произносится на татарском диалекте, поэтому Смаг перешел на Симаг, а потом трансформировался в Симак, и, наконец, это имя присвоилось в прозвище дома сначала, которое впоследствии стало фамилией – Симакф, а на русский лад, - Симаков.

Вот так от родоначальника Симака и стала разрастаться моя деревня Ибениэ, названная по-русски Тебеньково. В мою молодость, она состояла /22 дома/ почти из одних Симаковых – прямых потомков Симак-бабая.

По соседству с Симаком, а может гораздо позднее, построил дом Иштерек – такой же воин татарского отряда – потомок ногаев, как и Смаг. Исходя, из каких-то сравнений жители дома по прозвищу Иштереэ приобрели фамилию Левашовы. В мою бытность в Тебенькове было 4 дома, из которых 2 дома носили прозвища Балюэ и Иштереэ; для них, очевидно, началом приходиться семья Иштереэ.

Каждый дом в нашей деревне кроме фамилии его жителей наделен еще прозвищем, именем первой главы семьи, построившего этот дом. Например, Азиз эе, что означает ДОМ АЗИЗА, также с добавлением “эе” прозваны: Кайбуш, Махмуд, Муртэй и т.п. Эти прозвища – имена, как уже сказано, хозяев первых домов, которые позаимствованы от имен знатных людей, связанных чем-то с жизнью и событиями касимовских правителей. Так, например; Азиз – хан Ногайской Орды, Кайбуш – царевич астраханского хана, Махмуд – царевич Крымского ханства, Иштерек – мурза Ногайской Большой Орды, который в 1600 году подчинился Москве при царствовании на Руси Бориса Годунова, возведенный в сан князя, Муртаза – царевич Касимовского царства, приближенный государя России Ивана III. Этим именем и называется наш дом – Муртэй эе. Муртаза – наш прадед. Его дом находился как раз возле упомянутого валуна, сгоревшего в прошлом веке, а усадьба сохранилась за нашим домом, построенным напротив ее. Таким образом, остается признать нашего прадеда Муртазу за прямого потомка первого основателя деревни Тебеньково.

Такова вкратце история города Касимова и деревни Тебеньково.

С малых лет я всю жизнь охотился, за исключением периода учебы на рабфаке и институте. В охоте я находил отдых, колоссальное удовольствие процессом подготовки к охоте, самой охотой и от общения с природой.

Думая, что это в какой-то мере моим потомкам представит интерес, я хочу сейчас описать мои “охоты” без ружья, а потом, после каждого раздела воспоминаний задумал описать настоящую охоту.

Итак, я охотился с отцом в деревне Тебеньково.

ОХОТА

Быть охотником я пристрастился с детских лет. Увлеченным охотником я стал в отрочестве, понимающим толк в охоте наступил в годы юношества, охотничий азарт пленил меня на все годы жизни в зрелые годы.

Таким образом, мои детские годы, давшие страсть к охоте, обогатили содержание и смысл жизни увлечениями и наслаждениями, которые я испытывал на охоте. Они возвысили мое счастье, которое постоянно меня сопровождало всю мою жизнь, как в семье, так и в работе.

В силу, каких обстоятельств я стал стойким охотником? Думаю, - это произошло от сильного влияния окружающей среды, в которой я находился в мои детские годы. С тех пор, как я себя осознал, с тех пор помню как, где и на что охотились мои близкие. Это – отец мой, его братья Ахмеджан и Садык, мои братья Фазукай, Ганэй, Кярим и двоюродный брат Абдулла. Все они держали разных пород охотничьих собак – гончих и легавых. Все они считались настоящими и заядлыми охотниками. Отец мой обладал качеством охотника большого азарта, слыл в тоже время хладнокровным стрелком, не допускающим нарушений правил охоты, знатоком повадок дичи. Частые рассказы моих близких на самые различные темы охотничьих событий, сопровождающиеся с большим увлечением, обставленные красочно и романтично – вероятно с добавлениями вымыслов – всегда вызывали во мне живой интерес. Они всегда уводили меня в сказочный мир, являясь такими же интересными, как и сказки, которые не так давно доводилось слушать, на что была, большой мастерицей наша старая бабушка Фатима. Интерес к охоте во мне развил воображение перемежающихся событий на охоте, услышанных от взрослых, с приключениями сказок. Вот все это и явилось первоисточником восприятия страсти к охоте, да к тому же я не был лишен любознательности, очевидно усиливавший интерес слушать про охоту. Если сказанное представляет особую объективную сторону моего увлечения /кроме последнего момента/, то самый главный субъективной причиной, вызвавшей страсть к охоте, явилось влияние на меня отца. Я его страстно любил, хотел быть таким, каким он был для меня неизменным авторитетом. С самых малых лет я питал к нему удивительно нежные, какие – то особые близкие чувства, которые как – бы сливали меня с ним в нечто единое. Не было ни начала, ни конца моим устремлениям, выражавшимся в достижении того заветного желания, которое могло бы сделать меня точно таким, каким был для меня папа мой, поскольку он был мне самым дорогим, самым любимым, самым первым и единственным человеком во всем мире. Вот поэтому я во всем везде и всегда подражал ему, при этом, стараясь почему-то скрыть это от окружающих. Мне казалось, что такое тайное подражание скорее превратит меня в него, и я стану им. Бывало, мы идем вместе, куда – то, я неизменно шел сзади него и ступал след в след; если он шел далеко от меня или уже стало темно, - все равно я ступал в его след, мысленно представляя их, чтобы хоть на минуту не перестать быть похожим на него... Такая привязанность к отцу была, возможно, оттого, что, я, не, знал, материнской, нежности, – мамы, не, стало, когда, мне не было еще и двух лет. А еще возможно и оттого, что меня считали обликом копией отца, и поэтому он был по-мужски нежен ко мне. В дополнение ко всему, сыграло определенную роль и отцовское одобрение моих интересов к рассказам охотников, мои нескончаемые

«почему» в отношении охоты, леса, собак и прочего одобрения особых увлечений его трофеями. Замечая все это, папа говорил: « С Каюма будет толк, он станет охотником, не то, что Хаким.»

Вследствие такой привязанности к отцу, каждый его приезд в деревню становился для меня самым большим счастьем. Он приезжал ежегодно из Симферополя один или два раза только за тем, чтобы вволю поохотится у нас, поскольку нет в Крыму вообще такой дичи или нет там в то время, когда ему хотелось охотиться. Это – вальдшнеп, тетерев, глухарь, рябчик, кроншнеп; также нет там зимней охоты на зайца – беляка, белку, лису огненной окраски.

Наш отец охотился так всю жизнь. Он охотился на близких и дальних расстояниях, используя для этого все времена охотничьих сезонов. Охотился он и с гончими, легавыми и не отказывался походить один с ружьем. С приездом отца в деревню в нашем доме создавались компании охотников; либо приезжали мои братья, либо другие местные жители или приехавшие в другие деревни его знакомые. Вот в таких случаях мои интересы исполнялись полностью, – можно было послушаться про охоту сколько угодно. А когда мне исполнилось десять лет, - я стал, пусть... без ружья, охотником.

... С тех пор я всегда и всю жизнь возбуждался к охоте легко, сразу и просто, что называется с ходу, с неожиданной возможностью сорваться с важного дела. Она всегда была в то же время для меня только эмоциональным увлечением. Сам процесс подготовки на охоту взбудораживал во мне всю душу так, что с этого момента я жил только одной мечтой, превращающейся в фантазию ожидания удачи, и ничто другое уже для меня не существовало: все заботы и дела, всякие прочие мысли и действия обрывались и исчезали с внимания. С этого момента жил одной встревоженностью: скорее закончить подготовку, быстрее доехать до места охоты, оказаться на «своем» месте, которое всегда манит к себе неизвестностью самого процесса охоты. Только дойдя до этого излюбленного места, твоя предохотничья возбужденность останется по ту сторону последнего шага, приведшего тебя сюда. После этого начиналась быстрое раскручивание того самого твоего ожидания, накопившегося в сокровенных тайниках мечты быть на охоте. До отъезда на охоту желания, мечта изо дня в день накапливалась и в результате, вынужденного терпения они как-то спрессовывались. Теперь начинается сам процесс охоты: надо суметь найти объект своей страсти, проявить выдержку перед выстрелом. А итогом всего, позабыв всего себя, по сути, находясь на мгновение в небытие, стараешься сделать меткий выстрел. Но не все выстрелы являются удачными, и это никогда меня не огорчало. Всегда довольствовался тем, что я был на охоте, тем результатом, который доставался мне даже большой ценой: испытывал голод, холод, усталость, бессонницу, физические трудности. Все это оставалось по ту сторону знака неравенства по сравнению с тем испытанным удовольствием от исполнения желания побывать на охоте...

НА ТЯГЕ

Моя охота началась без ружья по вальдшнепам, уткам и зайцам. Это было в те безмятежные годы, когда кончается возраст детства, только что, перевалив первый десяток лет от роду.

Я не знаю: кто из нас приходил, а чрезвычайный восторг – я или Пальма, - когда папа начинал собираться на охоту. Но знаю, что для меня наступало самое счастливое,

самое радостное время, время исполнения долгожданной мечты и грез. Отец говорил: «Ну, Каюм, собирайся на тягу». Это означало, - я должен дать Пальме кусочек сухаря и немного воды. Вот тут – то она, догадавшись, в чем дело, начинала визжать, прыгать, валяться и после каждой процедуры бросалась ко мне ласкаться и лизать мои руки, лицо, выражая тем самым свой высший восторг.

Пальма – чистокровный английский сеттер. У нее огромные уши, будто бархатистые листы, которое то и дело закрывают ей глаза. Высоко поднята голова и все понимающими глазами, широкая грудь на приподнятых ногах, ярко выражали не только ее внешнюю привлекательность, но и наличие огромной энергии, необыкновенной сообразительности в охотничьих делах на бесконечную радость своему владельцу и на зависть многим охотникам. На удивление компаньонам хозяина, она обладала всеми качествами идеальной охотничьей собаки, о которой мечтает вечно каждый настоящий охотник. Пальма была, неиссякаема энергии по работоспособности, – она могла бегать в поисках дичи весь день без единого отдыха. Ее поиски, были поразительно умелые: никогда не допускала каких – либо проскоков и просчетов, если пробежала мимо на значительном расстоянии. Эти качества дополнялись дальним и стойким верховым чутьем и абсолютным послушанием. Ее папа всегда возил с собою: и в деревню из Симферополя, и обратно из деревни. Из всех легавых собак она была у папы самой любимой.

... наступил тот торжественный момент, который ожидался с таким нетерпением и в то же время с какой – то тревогой: а вдруг отец передумал взять меня с собой. Но нет; отец передает мне свой ягдташ. Я с гордостью надеваю его через плечо, выхожу на двор и подзываю Пальму, и она тут как тут. Ее умные глаза говорят о том, что для нее все ясно, все известно.

Стоять на тяге у нас было раз навсегда избранное место. Вот теперь туда я стремился всем своим существом, готов был очутиться там немедленно, в одно мгновение. Но надо было сначала находиться в пространстве и времени. Мы выходили издали и шли по дорожке к нашей усадьбе, некогда принадлежавшей моему прадеду Муртазе. Пройдя эту усадьбу, мы сворачивали налево, и шли по полевой дороге, изъезженной за многие годы глубокой колеей, сильно заросшей неприхотливой травой – сорняком, полынью и цикорием, которым расти было привольно до начала вывоза навоза на поля в середине лета и хлебоуборочной страды осенью. Эта дорога, проложенная между полем и пряслами усадеб, приводила нас после усадьбы дома Иштрэк в долину реки Мудровки. Тут мы сворачивали вправо и легко шли луговой малоезженной дороге в сторону леса, до начала которого нам предстояло пройти одну версту. Скоро разнолиственный лес – отличное обиталище для разных певчих птичек, боровой дичи и прочих пернатых. Здесь, каких только нет деревьев! Он кажется, каким – то искусственно созданным заповедником, к котором то все имеющиеся в нем деревья смешались между собой, то по отдельности сгруппировались кучками и отошли в сторонку, а некоторые предпочли уединение - стоят особняком. Численное преимущество принадлежит березе, но много и осины, сосны, ели, немало липы, клена и ясеня; хорошо прижились в этих местах рябина, черемуха, калина, бузина и прочие ягодоносящие кустарники. Каждый из них – отличный источник питания для многих видов птиц. Краина леса не только опущена густыми ветвями крайних деревьев и рослыми кустарниками, но и окаймлен он оврагом с заметной кривизной, посередине которого тянется ровной лентой ручей. Он утопает в кустарниках волоцкого орешника, липы, рябины и прочих. На стороне, обращенной в нашу деревню, растут березы, образовав, небольшие колонии, а противоположная сторона, – начало леса.

Вот этот овраг пересекает наш путь на охоту. Он всегда оставался для нас обетованным местом: в нем можно было нарезать весной липовой лозы на предмет лыкодрания, чтобы сплести лапти и лукошко, распустить на мочалку, сделать свистульки; всегда можно было найти грибы – весной сморчков, летом маслят, волнушки, рыжики; осенью грузди, опята и орехи поспевали. В данном случае в овраге, в местах увлажненных низин находили вальдшнепа – этой необыкновенно вкусной дичи, которой по изысканности не равных, кажется ни одной другой.

Уж тут Пальма знала свое дело. Она шла впереди отца на 40-60 шагов аллюром, делая поисковые пути челноком, будто вшивала в траву и кустарники невидимую нить, исходящую от ее хвоста. Ее зигзаг - вправо – влево – по 60-70 шагов заканчивается мгновенной остановкой для поворота и тут же она оглядывается на хозяина, или прислушивается: нет ли какой – либо команды, не нарушено ли правило поиска? И вдруг на полном ходу, как стоп – кадр на экране, замирает она на месте в тот самый момент, как только чутьем поймала дичь в кустах можжевельника. Вместе с Пальмой и я замираю, резко присев на том месте, где меня застала ее стойка. У Пальмы заряд нервов ушел в самый конец хвоста, от чего он дрожит, что тебе дрожь стального стержня, а у меня дрожат ноги. Пальма вся, как пружина, готова броситься в том направлении, куда повернут ее нос, тот особый нос собачий, который способен отфильтровать только тот запах из множеств запахов, который принадлежит птице, предназначенной для стрельбы. Через секунду по команде «пиль», она грациозно сделает прыжок, отлично зная в кого. А я нахожусь в шоковом состоянии, не разбираясь, кто вылетит и от куда. Отец идет осторожно, высоко поднимая ноги и, опуская их с какой – то задержкой в таком направлении по прямой линии, проходящий от него - через собаку - на дичь и готов сделать выстрел в любом положении. Пальма все еще в состоянии мертвой стойки, проявляя необыкновенную выдержку. Она знает: «дичь здесь – запах не убавляется, значит, предмет охоты не убегает, надо стоять абсолютно без всякого движения до команды. А будет ли команда, видит ли меня охотник; хочется, ох как хочется посмотреть на хозяина: идет ли сюда. Но посмотреть по сторонам нельзя! Дичь испугается и взлетит». Наконец она слышит «пиль»: прыжок, выстрел. Пальма уже там, нежно берет губами вальдшнепа, несет к отцу моему и кладет к его ногам. Я беру трофей, еще весьма теплого, заворачиваю в длинный клюв крылом и осторожно кладу в сумку. Пальме даю сухарик. Каждый раз после выстрела она начинает горячиться: ускоряет бег, уходит дальше. Ей стоило огромных усилий, чтобы умирить свой пыл и не оказаться не дисциплинированной к сдерживающим командам: «тихо – сюда – назад!»

Здесь, у оврага, начиналась наша охота, но она была только попутной, как – бы на всякий случай, ибо никто не знал – ни охотник, ни его верный друг Пальма – к какому полу принадлежит выстрелом взятый трофей: такие пернатые все одинаковые по внешним признакам; ведь мой папа считается охотником строгих правил охоты, ему нельзя уничтожать самок.

Мы торопимся на тягу. Выходили на лесную дорогу и направлялись к порубке, заросшей молодыми деревьями в 2-3 роста человека – место брачных свиданий самок с прилетающими самцами. Вот уже и солнце совсем низко опустилось за нашей спиной, создавая лучистую клетку на стволах деревьев, а их кроны, - бледно-золотистым светом. Если внимательно взглядеться в чудо действие света в лесу, то можно заметить разные тона лучевых клеток на деревьях. На сосновой коре золотые нити, будто новогодняя елка украшена канителью; на стволах березы кора расчерчена серебристым узором, оттеняющим его белизну и несколько смягчающий

зарубцованные черные раны на ее старом теле; осина одевается вечером в темно – зеленый клетчатый наряд, а хмурый могучий дуб, словно обрадовавшись сиянию солнца, как-то по – своему повеселел, став более светлым, и даже вроде бы помолодел. Лес прекрасен всегда, а вечером он божественно сказочен и с приближением темноты к нему является таинство, – наступает всюду царство ночных существ.

Мы второпях шагаем на восток, а солнце все ниже и ниже становится, его клетки на стволах деревьев становятся реже с густо- желтым оттенком, только вершины деревьев по-прежнему нежно освещены светло – золотистыми лучами. Такое изменение красок леса напоминает нам необходимость поторапливаться: зайдет солнце – начнется тяга. Воздух стал свежее. Это, значит, наступает та самая предзакатная пора, когда ласковое дуновение воздуха приносит нам приятную прохладу. Идем, торопимся. Под ногами чавкает грязевая жижа прошлогодних мертвых листьев. Воздух насыщен от таявшей землей, смесью прелой древесины, листвы и травы.

Идем спешно. Отец не отпускает Пальму на поиски, заставляя идти за собой. Я стараюсь заставить ее следовать после меня, а она и ухом не шевелит, – знает свое место, тем самым лишает моего желания шествовать за отцом след в след. И мне становится очень обидно, хочется плакать. Но я держусь – ведь я мужчина. Но вот, наконец, – то, и порубка! Становлюсь на свое место – под небольшой елкой у большого пня. Пока мы дошли до места, солнце уж опустилось так низко, что оно освещает червонным золотом только кроны высоких деревьев, на которых так упоенно и страстно изредка начинают распевать свои серенады птички сильного пола. Вон на той осине сидит мухоловка и без усталости цокает себе простенькую песенку; “ цок – цэк, цок - цэк ”; цокает до тех пор, пока не дождется прилета вечной подружки. А вот на березе, на самом кончике ствольного прутика, взгромоздилась пеночка и давай распевать нехитрые песни, но в то же время очень мелодичные: “ чилиек – чэлек, чилиек – чэлек – пиинь.” Где - то в кустах малиновка насвистывает нежно – монотонно с оттенком жалобы, можно подумать, - кто-то обидел ее: “ фин – вить, фиинь – виить, фен – вет - вет ”; начав свою песню тихо, она заканчивает громко – очевидно, чтобы услышала приятельница, если даже она очень далека. На ветках сосен бойкие, вечно беспокойные непоседы, во всем смышленные, всегда юркие синицы, которые только и знают перепархивать с ветки на ветку, успокаиваясь на минуту, чтобы спеть призывную песню, сопровождая нежной мелодией: “ тинь – сииннь, тииннь – синь, ” в ожидании своей неизменной подружки жизни он будет петь очень долго, а если не дождется ее, то полетит искать по всему лесу. Вечер становится все гуще, скоро и солнце уйдет до завтра. Последние его лучи брызнули по вершинам деревьев. Громче раздаются щебетание птичек: они торопятся спеть свою радости весне. Их пение усиливается, – создается лесная симфония. Изредка нарушается общая мелодия не в такт барабанным боем, какой – то ревущей трубой. Это где-то близко дружным хором бьют дрозды дробью, сорвавшись с дерева, и рассыпались по разным кустам, и начали перекличку, приглашая своих избранниц, выводя изысканно сладкие переливы. Неожиданно. Тревожно, резко застрекотала сорока, подумаешь их сотни, а увидишь только одну; так она способна нашуметь на весь большой лес, долго не придя в себя. Кукушки начали свою перекличку, которых вряд ли кто перекричит, - а то так закукуется и начнет захлебываться от какой – то спешки. Хор певчих продолжается, хотя он становится как бы реже, тише. Многие из хористов начинают убаюкивать себя на сон. Тише стало потому, что некоторые исчерпали свои песни, другие умолкли, - рядом сидит подружка, а третьи потеряли всякую надежду на свидание. В

лесу стало более сумрачно, еще тише. В хоре певцов стали выделяться щеглы; клопочут они, будто ручей бежит, ударяясь о камни и, падая с них на перекатах.... И они и все другие утихли. Красное, безлучистое солнце закатилось. В этот момент наступил черед реполовов. Я вижу пару сидящих реполовов на макушке рябины. Он начинает свою сложную, многоколенную песню, нежности и певучести, которой нет равных ни у какой – либо другой птички. Сначала она вытянет очень чистый звук, как это может издать только самая тонкая струна скрипки одним волоском смычка, и затихнет. Через секунду он повторит с едва уловимым оттенком новой мелодии и чуть-чуть протянет дольше, подчеркнув окончание несколько резче, будто обдал дробными щелчками хрустальный тончайший сосуд. Потом перейдет на необыкновенные трели, которые чаруют мягкостью и особой нежностью. Так повторяет он это колено 2-3 раза через равные промежутки времени. После этого он издает свист и меланхолический напев, чередующийся на разные лады: высокие и низкие, тихие и громкие, короткие и затяжные, которые легко наводят то на печаль, то на разные раздумья... “О чем он так усердно, необыкновенно нежно и мелодично поет?” – спрашивал я себя. И отвечал: “ Кто его знает. Быть может о том, - я думал, - что вот он вновь на родине”. И реполов считает: “ Все невзгоды перелета остались позади; совью гнездо, выведутся в нем деточки, и я буду стараться изо всех сил добывать им вкусную еду, чтобы они за лето выросли большими и крепкими, выносливыми для дальних полетов в теплые страны”. Поёт реполов и грустно, с какой – то горечью в голосе. И мне, казалось, он повествует слушателям о том, что: “ Многие мои сородичи, а вместе с ними и моя старая подруга, не выдержали трудностей перелета через море, не стало и ее со мной...” Дивные напевы реполова сохранились во мне на всю жизнь. Я часто покупал его осенью, всю долгую зиму ухаживал за ним, наслаждаясь чарующим пением, а первого мая – день рождения жены – я давал ему волю. Реполов напоминает мне далекое детство, лесной шум – гам, щебет, пение птичек – гимн весне. А с весной ассоциировалась охота на тяге, прелести леса.

... Вдруг Пальма уловила звук где-то летящего вальдшнепа; тихо, еле слышно заверещала, грациозно закинула огромное ухо на макушку головы и стала внимательно прислушиваться. Отец, стоявший от меня в 5 – 6 шагах, присел. Слышен характерный: хрр, хрррр – фиить. Ага, вот он летит мимо нас низко, плавно, как бабочка, делая спокойные зигзаги, часто прислушивается к отзыву с земли то одним ухом, то другим, болтая длинный клюв, наподобие обломанной ветки, качающейся на ветру. Вот он разворачивается в нашу сторону. Прошли секунды и теперь четко видно как спокойно, редко и без шума машет вальдшнеп мягкими крыльями. Его позывные стали громче и на фоне темнеющего неба он становится необычно большим. Я замер на месте; думаю: вот сейчас произойдет выстрел, который заставляет все на свете забыть. И вдруг, уловил с земли ответный сигнал на свой зов – хрр, хрррр – фиить – он падает камнем. Отец запрещает нам, мне и Пальме, спугнуть его под выстрел. Он говорит: “ Не надо, пусть осенью их будет больше в лесу”.

В лесу полная тишина. Только изредка, где-то далеко, глухо захохочет филин, – собрался на промысел. Потом совсем недалеко что-то зашуршало по сухим листьям: может – это ёж, а может быть зайчишка – трусишка – то же вышли промышлять еду...

Тишина; это только так кажется для нашего слуха, а в действительности лес живет своей неизменной жизнью и поздно вечером, и ночью, и даже ... круглый год. Только что мы проходили мимо бело – серо – черных кучек, сложенных, будто из коротеньких обрубков хвороста. На мой вопрос, что это, папа говорит: “ Молодец, что ты заинтересовался ими. Это тетерева прятались под толстым слоем снега от холода.

Боясь замерзнуть при сильном морозе, они с дерева бросаются камнем в снег, и глубоко зарываются в нем; под снегом собираются в кучу – так им теплее. Вот и они оставили помет; сколько кучек, столько групп косачей переждало зимнюю стужу. А вон видишь, у березы местами нет коры? Это дятел лечил ее, вылавливая вредных насекомых, червячков и жучков. А ты заметил перед порубкой, под большим деревом, земля усыпана чешуей еловой и сосновой шишек да шелухой от зерен этих шишек? Это белка очистила свой дом от мусора; она всю зиму коротала в дупле, промышляя дары леса”.

...Опять слышно, как вальдшнеп летит над порубкой. И через секунду видишь их то там, то здесь расчерчивающих небо над нами. Затаив дыхание, я заслушиваюсь их перекличкой: “ хрр, хррр – фиить – я небо, я небо, отвечай! Хрее, хрре – феть – я земля, я земля, жду тебя!” Так они, пренебрегая любой опасностью, по зову инстинкта самосохранения вида, находят друг друга, находясь на небе и на земле, тогда, когда в лесу все затихает с наступлением густого сумерка – обстановка располагает к интимности. Пока я следил за вальдшнепами на небе, неожиданно раздается выстрел. Пальма бросается пулей и возвращается спокойно к стрелку, выражая глазами свое удовольствие меткостью стрельбы. Я даю ей сухарик, принимая от нее великолепную дичь.

БУЛАЕВО ОЗЕРО

Приходила долгожданная поздняя осень. Отец вновь приезжал с моей мачехой. Не знаю: возможно, он занимался, какими – не будь делами крестьянского хозяйства, но главным занятием оставалась для него охота и выезды на Маруське. Любимыми охотничьими местами отец считал порубку в некрасовском лесу – весенняя тяга вальдшнепов, - Булаево озеро – осенние зорьки на уток, - владения Никанора, лесничего, в Мещерских лесах, где изобилие боровой дичи и Абляво роще – излюбленное место русака. Как всегда, отец привозил с собой и Пальму.

Вновь, как весной на тягу, сборы на охоту, волнения, радости несказанные – мои и Пальмы – в предчувствии побыть в лесу, на озере, понаблюдать за лесной жизнью. Наконец, наступило вечернее время, когда можно отправляться на охоту: папа с ружьем, я только с сумкой.

В Булаево идти надо в том же направлении, что на тягу по направлению к некрасовскому лесу. Дойдя до порубки, мы сворачиваем влево, и идем напрямик к старой заброшенной дороге, уже успевшей порядком зарости травой и молодыми деревцами. Эта дорога, совершенно прямая и казалась каким – то туннелеобразным сооружением. По ее обочинам старые ветвистые деревья, стоящие часто, как стена, сплелись своими кронами, и образовали плотный свод; отчего здесь всегда даже в любой знойный день сумрачно и прохладно. Дорога вся изрежена глубокой колеей колес и конной тропой; везде поперек их ползут извилистые корневища змеей причудливой различной формы. По ней трудно идти второпях. Она забросилась после того, как какой-то подрядчик по строительным делам прекратил разработку карьера белого камня. Эта дорога и была проложена по просеке до карьера. Потом, свернув еще раз влево, идем по густому ельнику. В нем всегда мрачно, сыро и как-то неуютно. Земля покрыта толстым слоем хвои; на ней нет никакой растительности. Бывало, идешь бесшумно, будто под ногами очень толстая кошма, которая пружинит тебя в разных направлениях так, что начинаешь терять под собой точку опоры. После

ельника входим в мелколесье, состоящее из разных лиственных пород. В нем вскоре уже узнается близость озера: слышны голоса его обитателей, видны направления полетов пернатых, направляющихся туда на водопой или ночлег.

Булаево озеро питается внешними водами лесного чистейшего снега и мощными родниками, образовавшимися под ним. До середины лета оно источает довольно значительный ручей, который иной раз может поспорить с речушкой: кто больше? В озере водится сорная рыбешка – пескарь, плотва, чебак – и множество лягушек, улиток и всякого рода рачков. Оно обильно выращивает травянистую разнообразную растительность: тут отдельными колониями вблизи берегов осоки – кинжалы и по форме и способностью порезать очень глубоко; несколько дальше от берега – щетина кугая, в которой можно спрятаться весьма надежно; отдельными семьями, тесно сгрудившись, заняли свои прибрежные участки ряски, а в середине озера желтые чашечки с плоскими зелеными тарелками кувшинчики собрались небольшими кучками, у самого берега бурно разросся кустарник с множеством кочек.

С утиноного полета Булаево озеро кажется им огромной четырех уступной чашей, представляющей собой кализей античного мира. Вдали вокруг него кольцо могучих темных елей, за ними, уступом ниже, опускаются кругом березы, осины, еще ниже ступенькой пояс мелколесья – ольха, липа, верба, рябина, черемуха, а у самого берега кустарники, представленные ивой, акацией, шиповником; центр – арена лягушачьего концерта, подводной жизни и различного вида состязаний ныряльщиков по ловле съедобного. Вот таким является Булаево озеро, которое в мое детство было живописным, всегда манящим нас к себе, обещая дать вдоволь наслаждения и раскрыть свои прелести. В нем осенью всегда бывали выводки кряковых уток.

Для уток это местожительство приходилось вполне по вкусу: еды здесь много и она разнообразна, спокойствие – полное; до осени никто их не пугает, да и то только с ружьем – мой папа. Для всех обитающих этого озера всего съедобного хватает с избытком. Все лето в теплых мелководьях роятся бесчисленные количество головастика, кругом шныряют лягушата, везде плавают рыбешка, по дну ползают рачки; так что поймать по выбору – дело нетрудное, а сорвать на десерт ряску или водоросль совсем легко. Приволье для уток на этом озере – отменное...

Почему-то мне думалось, что кряковых уток Булаево озера привлекает еще мелодия звуков леса, поскольку они весьма чуткие представители фауны, а, следовательно, у них отличный слух; поэтому утки очень тонко могут чувствовать явления природы, - внимательны в общении с ней. Бывало, стоишь в скрадке, сооруженном в кустарнике ивы на самом кончике мыса, и, пока нет прилета уток, постепенно начинаешь прислушиваться к лесному шуму, представляя себе своеобразной музыкой, как об этом говорил мне папа. Шумит лес на разные звуки. Если в унисон к этим звукам сам начинаешь напевать, и переходить на различные мотивы ... тебе слышится мелодия... Каждое дерево – особое устройство музыкального инструмента, из которых каждое издает соответствующие звуки в зависимости от того, какое давление оно получает воздуха. Ель хвоей звучит дребежаше, а ветками издает глухой гул барабана; береза нежно поет листьями на мотив свиста высокого тона, ветки же усиливают свист разной низкой тональностью – у нее ветки тонки, длины и весьма гибки; осина напевает шелестящими голосами листьев, удивительно послушными малейшему дуновению ветра; дуб больше молчит при умеренных ветрах, ему подавай бурю, ураган – тогда только начнет свою песню речитативом. Все деревья поют по - разному, при этом каждое из них выводит мелодию разную по своей длине роста. Самые лучшие напевы у них на вершине, где и листья нежнее, и ветки гибче. Вот они – то и

являются запевалами на высоких голосах, ветки срединного расположения вторят им через некоторое время на умеренных тонах, а нижние подхватывают последними хоровую песню низкими звуками. Не желая отставать от больших, где-то на задних рядах, вроде бы на задворках, присоединяются к общему хору и кустарники. Они, не осмеливаясь выйти на передние ряды, тихо подпевают взрослым.

Я люблю шум леса, люблю замечать изменения звуков шума в зависимости от изменения времени года... Весной, листья только что распустились; они еще ярко зелены, липки и малы, а ветки очень гибки, – напоены соком. Летом они уже плотно оделись, от огрубевших веток пошли слабые побеги с молодыми листьями. Осенью одежда постарела, – стала жесткой, суховатой и колеблется свободнее. Зимой одежда снята, ветки сухие, и, оставшись без листьев, поредели. Вот и получается, что одно и то же давление ветра вызывает разный шум у каждого дерева в разное время. Мы возвращаемся домой весьма довольные всем тем, что видели, что нас взволновало. В лесу совсем потемнело, все утихло, становилось прохладно. Мне хочется идти рядом с отцом, – не бродит ли поблизости серый злодей? Но желание быть похожим на папу одолевает страх, и я иду, след в след, хотя следов – то и не вижу. Вот и конец леса, а где-то впереди маячит огонек, вечно манящий к себе. Это – огонь окна нашего дома.

С тех пор, как во мне зародилась страсть к охоте в лесу, вместе с ней остался для меня вечный зов леса! Люблю лес в любое время года, и всегда я был готов пропадать в нем целыми днями. Ходил часто и много по лесу: собирал ягоды и грибы, охотился, ездил по дрова и хворосту, искал в нем подходящие деревья, чтобы смастерить трехрогие вилы и двурогие вилки, чекушки для оси телеги, грюк для обвязки сена, снопов веревкой на возу, детали цепа – орудие молотьбы. А еще позднее ездил верхом на охоту, просто смотреть лес. В лесу всегда получал наслаждение. Что может быть лучше, чем, например, в знойный летний день отдохнуть где-то у ручья или на поляне под сенью могучего дерева, сидеть у костра и утолить жажду родниковой водой, а потом лечь на траву, растянуться во весь рост и наблюдать за жизнью леса? Лес всегда зовет меня! Что это?...Наследие далеких предков?...

От неожиданности я вздрогнул. Над головой слышу “кряк” огромного селезня – должно быть старого, опытного вожака – и жужжащий шум его крыльев. Он прилетел на разведку. А вот идет стороной ко мне второй. Папа говорит: “Сиди спокойно, еще прилетят разведать наше озеро, а потом приведут свои выводки”. Я догадываюсь, что их семейства где-то в поле на кормежке. Разведчики прилетают высоко. Долетев до своей обители, они начинают делать в воздухе бесследные спирали. Одни с большого круга переходят на меньшие, опускаясь с каждого раза все ниже и ниже, другие, наоборот, - с малого переходят на большой. Кругом покрякивают, тем самым они выдают себя – уж такова их обязанность, пожертвовав собою, спасти потомства. Все спокойно, ничто не угрожает им, - можно к своим стаям с хорошей вестью.

Вот сейчас уйдет солнце на отдых, накрыв себя покрывалом в форме сегмента, украшенным изумительно красивым цветом, непостижимым ни творением рук человека, ни описанием мастера слова /так говорит мой папа/: от густо - красного по хорде с незаметным переходом до бледно – розового в сторону зенита. С каждым мгновением меняется интенсивность окраски этого покрывала, делаясь, все бледнее, нежнее, исчезая неведь куда его только что виденный цвет. Одновременно уменьшается постепенно, и также совершенно не заметно зрению, гигантская величина покрывала; при этом высота сегмента убавляется медленнее, чем его хорда, а окраска меняется наоборот, бледнеют стороны хорды, начав с ее центра. Смотреть внимательно, как учил меня папа, на такое явление природы, задаваться вопросом “

почему” и давать себе же ответ в унисон настроению – зрелище изумительное. К заходу солнца дуновение воздуха начало ослабевать; от чего лес ровнее и тише стал издавать свои звуки, и как-то он по – своему все больше и больше стал утихать. Скоро остановиться совсем движение воздуха, и тогда лес успокоиться полностью – наступит полная тишина. Вслед за лесом уйдут на покой и певчие птички, которые допивают прощальную песню солнцу, реже перелетают с дерева на кусты, где они будут коротать ночь. Иногда слышно кукование кукушки, вероятно, она созывает молодое потомство для обучения лесным порядкам, правилам полета в теплые края. Она знает, что хотя мачеха и пожертвовала своими птенцами, чтобы выкормить кукушонка, но не научила, как полагается жить самостоятельно в лесу, как надо без мачехи и без взрослых кукушек совершить перелет в Африку; а, вернувшись обратно на свою родину весной, как подложить свое яйцо в чужое гнездо – горихвостке или камышовке. Вот сейчас, я думаю, она и хочет искупить свой грех, дав науку потомству. Слышу: как где-то заухал, захохотал филин, готовясь на ночной промысел. Надоела ему сидеть весь день незримо на ветке: сидеть без движения, без еды, да еще нередко приходится терпеть надоедливых каких – то пичужек, почему-то всегда желающих клюнуть его в глаз. Он даст еще раз сигнал своим сородичам, де, – мол, хватит вам бездельничать, готовьтесь промышленять, наступает наша пора. С наступлением тишины в лесу, и на воде становится тише, спокойнее. Лениво шумят, – галдят уставшие лягушки, квакавшие весь день, желая, перекричать друг друга. Теперь они тише перекликаются. Такое поведение лягушек напоминает позднее время дня на базаре, когда и торговать нечем, и покупателей почти уже нет. Они умолкают еще по тому, что наступает период опасности, – скоро прилетят прожорливые их враги.

...Вот и они появились: на горизонте большая стая кряковых. На фоне зарева солнца отчетливо видны тихие взмахи крыльев, повороты головы в разные стороны – проявление строгой осторожности; я вижу ясно оперение, различающие принадлежность к тому или другому полу; слышу их спокойных разговор между собою. Вожак крякнул и сделал резкий поворот, а вместе с ним одновременно, согласованно все разом сделали поворот, показывая мне красные лапки и белые перья под крылом. Не снижаясь на посадку, косяк удалился прочь. Но вот он опять показался, идет к озеру; теперь летит тише и ниже. Утки делают круги над водной гладью, опускаются еще ниже, летят как можно тише, планируя без взмахов крыльями. И вот шагов за двести от нас бросаются они на открытую воду, подняв свистящий звук крыльев, поставленных в положение тормоза, а затем слышен всплеск от удара грудками о поверхность озера. Как только они прекратили движение по воде так немедленно все замерли на месте, зорко оглянулись вокруг себя, вслушались к звукам; только убедившись в безопасности, вождь крякнул глухо: «можно», все начали купаться, чиститься, пить и нырять, чтобы достать, что-либо вкусного. Напряжение ожидания их приближения под выстрел возрастает до последнего предела: в висках заработали молоточки, в ушах, что-то шуршит. А вот еще стая. Она пролетает над нами низко, идет без опаски на посадку к первой стае.

Выстрел. Пальма бросается пулей в воду, а утки мгновенно брызгам взмывают в разные стороны, подобно разлету дробинки: так удобнее им устремиться вверх, не мешая тем самым друг другу. Но при этом у них никогда не бывает растерянности; они все немедленно берут так круто восходящее направление, благодаря чему редко удается сделать второй прицельный выстрел. В момент выстрела и первая стая сорвалась с воды, будто россыпь гороха оказалась на бледно – розовом горизонте. И

через пять - семь секунд небо очистилось от собравшихся уток в общий косяк. Проходит время - горизонт темнеет. Вновь показалась стая. И еще выстрел. Пальма уже плывет за трофеем.

Зарево угасает, становится уже темно, и мы отправляемся домой. На мои вопросы, папа мне рассказывает по дороге о том, как утки встретят утро. Они просыпаются на зарослях кугая, осоки или в прибрежных кустах. По сигналу утки – мамы выводка все подопечные выплывают на чистую воду и по сигналу – команде разом ложатся в воздухе на крыло. Выводки улетают до восхода солнца, как только чуть брызнет утро. Летят они на убранные поля, чтобы поживиться колосьями ржи, овса, проса. В полдень они полетят куда-нибудь попить, покупаться на 2-3 часа. Потом вновь на поля. Только с заходом солнца, стаи возвращаются домой – в Булаево озеро. После многократных выстрелов они могут переночевать на запасных водоемах, или возвратятся в свое озеро, когда полностью стемнеет. Перед отлетом в теплые поля /говорит папа/, выводки сольются в общую стаю, чтобы свой нелегкий перелет облегчить усилиями большого числа.

Чарующая красота всего того, что связано с Булаевым озером крепко запомнилась мне с детских лет и сохранилась в памяти на всю долгую жизнь.

МЕЩЕРСКИЙ ЛЕС

Ранней весной с большой компанией папа уезжал охотиться на несколько дней в Мещерский лес к леснику Никанору Ивановичу. Компания состояла из родственников нашей семьи и приятелей отца, которые собирались перед выездом в нашем доме с вечера или раннего утра. Иногда приходилось и мне ездить с ними, выполняя роль главного конюха по уходу за лошадьми.

После долгой и тщательной подготовки вереница в 3-4 подводы трогалась в дальний и трудный путь. На каждой подводе 2 охотника, одна или две собаки и прочий скарб, необходимый в охотничьих делах. Всегда выезжали очень рано, еще затемно. Ехали на телегах по полному бездорожью – время такое; конец распутицы: ни сани, ни телега; на дороге местами снег, а то грязь или лужи, а местами, на пригорках, уже сухо. Так что дорога неопределенная, трудная. Но запряженные на каждую телегу парой сильных, кормленных лошадей, позволяют ехать довольно быстро. У коней хвосты подвязаны, отчего их бедра кажутся еще более широкими, они везут бойко легкие телеги, обдавая то и дело нас грязевым дождем. Они чувствуют возбужденное настроение охотников, весело едущих в искушении ожидания предстоящей удачи. Любой мало-мальски подходящий отрезок пути преодолевается как можно быстро. Над крупами лошадей вьется пар - испарение пота от трудной езды, и у них в промежах пена, которая время от времени то отрывается хлопьями, то превращается в жидкость и стекает струйками по ноге. Бегут лошади резво, мерно перебирая мощные ноги, отталкивают дорогу под собой от себя так, что придорожные предметы только мелькают, убегая куда-то назад. Разгоряченные долгим бегом, они держат ровный ход, идут без разбора, разбрызгивая копытами во все стороны то грязь, то мокрый снег или воду, отчего у них животы и ноги мутно-мокрые. Шествие продолжается весело, оживленно: слышен смех, вдохновенный говор, переключка между собой, подтрунивая друг друга; они хотят сократить время езды. Но как бы не хотелось им очутиться сейчас же там, где ждет их то волнующее, к чему так страстно направлены все помыслы седоков, нельзя допускать излишней торопливости. На первой подводе едет царицынский Давлицаров Мустафа – вожак коллективных охот, отличный знаток

охотничьих угодий, признанный стрелок по меткости стрельбы. Он знает толк в лошадях, вся его жизнь, в отличие от других, связана с крестьянским хозяйством. Вот он – то и знает, как надо ехать: на трудных участках дороги дает отдохнуть лошадям, переводя их скорый бег на шаг.

Дорога длинная. С начала нашего пути проезжаем деревню Алешино, затем через 20 километров село Коростино, знаменитое на весь округ тем, что здесь большие мастера делать сани – розвальни и оригинальной конструкции телеги; потом через 10-15 километров деревня Ярыгино, где отменные умельцы древней культуры – гончары, произведениям которых нет равных во всей Рязанской губернии. После Ярыгина въезжаем в долгожданный Мещерский лес, которому, как говорили у нас, нет ни начала, ни конца. Это – сплошь хвойный корабельный лес. По нему надо еще ехать около 30 километров. И только после этого, поздно ночью мы приезжали к леснику Никанору Ивановичу, который жил здесь давно только с женой.

Дом дедушки Никанора стоит от нашего пути на противоположном берегу небольшого озера среди вековых сосен с золотисто-красными прямыми стволами, не имеющими сучков до самых высоких вершин. Это мещерское озеро как бы является у Никанора Ивановича заповедным. На нем живут и размножаются разные виды уток, гоголей, нырков, а иногда и лебедей.

Большой дом всегда приветливо встречал нас. Жена лесника, Матрена Ивановна, и на этот раз начала хлопотать что-то у печки, поставила самовар, а хозяин не успевает отвечать на разные вопросы охотников: “ Ну, как, глухарь еще не кончил токовать? А тетерева продолжают ток? Как прошлогодние тока ожили? Крыжен прилетел уже? Хорош ли был урожай для боровой дичи: шишки, клюква, брусника и т.п.” Все это надо знать охотникам. Вот поэтому они и напали на перебой на дедушку Никанора. Но он человек бывалый, его трудно застать в затруднительном положении в делах охоты. Он всем дает обстоятельные ответы, обо всем растолкует по порядку. Немного умерив пыл охотничьего любопытства, начинаются расспросы о том, как и где он охотился, как его умнейшая собака Тризон понимает хозяина с полуслова, и как она служит ему лучше любого егеря на охоте, ведя его чуть ли не за руки прямо к дичи и т.д. и т. п. ... Между прочим, по этому поводу много велось всяких полу анекдотических сочинений о нем. Мой дядя, брат папы, Ахмеджан написал немало рассказов о Никаноре и его собаке Тризоне, которые имели большой успех среди охотников, а некоторые из них опубликовывались в охотничьих журналах. Ахмеджан-абзей был хорошо грамотным и умел интересно писать. Зная его слабое место, – необыкновенные приключения с Тризоном, особые случаи с ним самим – охотники вызывали его на сопутствующие разговоры. И он начинал всегда рассказывать о них с большим вдохновением о том, что было подобное, а больше и чаще всего не могло быть. В таких случаях его умная, рассудительная, скромная жена, догадываясь, что к чему, не желая углубления его вымыслов, начинала насмехаться над ним, чтобы положить конец байкам.

После этого, беседа переходила на новую тему, тему поучения познать охоту, давать наставления о правилах охоты, как познать повадки пернатых, как надо перехитрить ту или иную дичь. Обычно такие советы давал он “ малоискушенным” молодым охотникам в “ тонкостях ” охоты.

- Никанор Иванович, а как на току обращаться с тетеревами? – Спросит молодой охотник, которому еще по дороге было поручение завести такую беседу.
- Перво-наперво седи в скрадке, не кури, молчи и гляди в оба, Шакир. – Скажет он нашему родственнику из села Болотцы Таканаеву.

- Хорошо. А как отличить петушка от курочки?
- Да ты что? Курочка, петух. Что они, домашние что ли? Никогда не видал ты их? Твой петушок по охотничьему называется черныш. Знать он черный, и есть, ну а курочка твоя, рябенькая – по-нашему тетерка. Тут и разбираться-то нечего. А вот токавика – то надобно узнать. Его, ты, парень, не тронь. Убьёшь, - ток пропал. Он всему току голова. Нет его на току, нет и женок его. Если их нет, то другим кавалерам делать нечего. Вот так-то оно. Тут соображение надо иметь. Он не то, что тебе глухарь. Он есть бессемейный, бобыль какой-то: каждый сам себе хозяин. Его можно бить.

- Понятно. А как его-то, черныша-токовика, различишь, ведь они все черные?
- Да, черные-то они и вправду черные, да вот сметку надобно иметь.

Тут начинается объяснение о том, что токовик – стар, чернота оперения немного поблекла, да и брови уж не такие густо-красные, как это бывает обычно; перья потреплены – он же драчун. Вот так он и отличается от других соперников. А другой старый черныш сюда не прилетит, у него свое семейство, свой ток.

- Ты, парень, смекай, что к чему. Курочку, как ты говоришь, тоже не бей. Нельзя. В одной тетерке ты уничтожаешь целую выводку –10-15 штук. Ясно? А вот что касается, ежели на одном дереве усядутся тетерева в осеннее время, которого будешь стрелять?

Задав такой, с его точки зрения, хитрый вопрос, улыбнулся он в ус и с хитринкой в глазах ждет ответа, чтобы поймать на слове незадачливого охотника.

- Ясно, дядя Никанор, черныша.
- Да нет, не об этом я спрашиваю тебя. Сидящего выше других аль нижнего?
- Я не думал об этом. Наверное, того, который для меня будет сидеть удобнее, чтобы лучше прицелиться.
- Эх ты, голова садовая. Вот, к примеру, ты стрельнул верхнего, и он падает на ниже от него сидящего. Что тогда произойдет?... Вот то-то и оно. И об этом ты толку не имеешь. Испугаются и все улетят. Бей нижнего. Он падает, ежели, конечно, ты метко стрельнул, а верхние, как по команде, уронят головы, говоря что, случилось, что он дурной уснул что ли? Может, клюква приснилась? Так будут они думать и следить за упавшим.
- Ишь ты. Вон оно что!

Заставляет себя так удивляться рассказам Никанора Ивановича Шакир, что он часто хлопывает себя по ногам, соскакивает с места, делает большие глаза. Рассказчик входит в раж.

- А как, ты, сразу побежишь за добычей, аль подождешь?
- ...
- Ты, парень, мало смышлен в тетеревиных делах. Ежели ты побежишь, то все разлетятся, и почитай пропала твоя охота. После возьмешь. А ежели у тебя собака есть, -пусти её, она принесет тебе. Собак они не боятся, когда сидят на дереве. Потом токовик слетит на поляну и начнет распевать свою песню – хвалить своих женок. Конечно, незнамо, какая у тебя собака, а вот мой Тризон, непременно точно узнает, куда упал косач, побежит туда тихонько, а то поползет, чтобы значит не спугнуть тетеревов, и обратно, ко, мне, мол, на, дает в руки. Но ведь это мой Тризон. Поди, таких ты еще...

Так могут идти разговоры до утра, если умело поддерживать повествования дедушки Никанора. У него бесконечный запас необыкновенных случаев на охоте и по глухарям, и по водоплавающим, много интересных приключений, якобы возникших между

дичью и Тризоном. Все охотники признавали его талант в умении преподнести вымысел за правдоподобие.

Я сижу, затаив дыхание, с удовольствием слушаю дедушку Никанора, считая все это очень интересным.

Жарко горит русская печь, где сухие янтарные сосновые поленья трещат на разные голоса, разбрызгивая кучу искр различных форм, ровно фейерверк из настоящего огня: это так смола взрывается, разрывая треском волокна древесины, и загораются брызги ее звездочками. Под печкой и по углам дома безумолку, монотонно перекликаются сверчки: пилят они без устали и нескончаемо одно и то же, издавая звуки писклявого верещания, пилят то шумно хором в несколько рук и ног, то более четко в одиночку. Поскольку у нас в доме их не водилось, а молва о том, что их никто никогда не видел, их пиление, и воображение как это они делают, для меня верещание сверчков представляло интерес. На большом столе, сделанном из очень широких сосновых досок, керосиновая лампа, которая в большой комнате дает в пространстве разную освещенность: от достаточно плотной и светлой вокруг лампы до сумрачно-бледной и жидковатой к входной двери. На лавочках вдоль стены и вокруг стола сидят охотники, переговаривая между собой, и, перехватывая мысли, друг у друга, ведут беседы с лесником. Хозяин дома деловито помогает жене накрывать стол на поздний ужин.

Лошади уже отстоялись, мне пора взяться за свои дела. У Туркая, и Парашки снимаю сбрую, даю сено... Парашка не наша лошадь. Она принадлежит болотцинскому родственнику нашей семьи Таканаеву Шакиру, который приехал на ней к нам накануне. Сюда она шла пристяжной. Хорошо сознавать, что лошадям наступил длительный отдых после трудной, длительной и спешной дороги. Теперь они с удовольствием едят пахучего сена: только в зубах слышен энергичный хруст. Через час они перестанут, есть, – им захочется пить, тогда я дам им по ведру воды, принесенной из озера. Иду к озеру по воду.

Набрав воды в ведра, сажусь на лавочку, что устроена на берегу. Мне хочется узнать ночь дремучего леса. Невольно приковывается внимание к окружающему. Поздняя ночь. Абсолютная тишина. Небо так вызвездило, что там не осталось места для новой звезды новорожденного. Тихо, так тихо, что в ушах шум стоит. И вдруг на озере громко крякнул селезень гоголя. На его зов где-то отозвалась протяжным голосом его подруга. Вновь кругом тихо. Сижу и думаю: “ вот сейчас, сидя где-то на ветке, дремлет матерый глухарь-бородач...Рано утром, проснется он, почешет ноготочком пальчика веки от засохшей за ночь слезы, потом оглянется кругом и полетит на свой ток. Сначала усядется он на толстый сук кряжистой, темно-мрачной сосны, растущей где-нибудь одиночно на поляне или возле берега какого-либо озера – удобно спрятаться от лишнего взора врага, а также в таких местах бывает безопасно созвать гостей к себе. Походит он по суку туда-сюда, проявляя большую осторожность. Все время оглядывается кругом: нет ли, какой опасности. Потом издаст пробный скрежет – тэке; через минуту повторит 2-3 раза “тэке” и на долго замолчит. Пройдут минуты, затем зачастит скрежет. Своим скрежетом начнет входить в азарт, а после прерывисто будет издавать щелчки грубо, будто из трубы. Это его приглашение подруг. Немного погодя он постепенно будет переходить в состояние экстаза: закрыв глаза и, оглохнув полностью, начнет выделывать клокочущие колена. Вот только в такое время, папа будет делать стремительные перебежки со счетом: 1-2-3-4-5-6, и полная остановка на любом месте, никаких движений. Бородач запел, а папа побежит порывисто к нему с такими счетами 5, 10 раз, а может случиться и больше. Последние 4-5 перебежек ему надо будет совершать более порывисто, и останавливаться немедленно, а в открытых

местах сразу бросаться на землю, невзирая на грязь, воду. Ведь он не слышит и не видит только тогда, когда поёт в экстазе, после каждого колена весьма чуток: оглядывается, ищет опасность, он очень строг... Вот отец уже добежал на 50-60 шагов до него и..." Так я, сидя на берегу озера ночью, замечтался, мечта у меня, пожалуй, тоже от дедушки Никанора и разговоров других охотников. Стало зябко сидеть у воды; иду в дом. Напоил лошадей и завалился на сон.

Охотники вставали затемно, быстро одевались и расходились в разные стороны: кто на ток тетеревов, кто пошел бродить по лесу пострелять рябчика, а некоторые подались на озера, где постоят они на зорьке по уткам, отец ушел на глухариный ток.

Я любил вставать перед рассветом, чтобы вслушаться в голоса боровой дичи. Сажу на лавочке у озера и слышу где-то далеко, далеко то там, то ещё где-нибудь слышен глухой глухариный " дог, дог; док-док, " а потом скрежет, напоминающий не то высекание огня кресалом из кремня, не то точение ножа о нож: " тэкэ-тэкэ, тэк-тэкэ, тэкэ-тэк". В отличие от всех других птиц, он – безъязыкий.

А, вот совсем близко поет косач. Он заливается в песне, издавая звуки на очень большую даль. Он тоже начинает изливать свою страсть в песне со скрежета, а потом резко издает: " чууф, чуф-фыш-ш." Повторив это колено несколько раз, перешел в дробные трели низкого тона, можно подумать, что в металлических трубках клокочет жидкость от кипения. Так поет старый токовик, выдавшие виды на своем долгом птичьем веку. Я представляю себе, что этот черныш смело, вступает в драку с пришельцем.

С восходом солнца токование глухаря затихло. Я думаю, что папа, наверное, его уже несет домой, надо пойти его встретить. А косачи еще продолжают свои песни. Но и они скоро прекратят токовать. Природа отвела им на брачные церемонии совсем мало времени – от предзорья до восхода солнца.

К полудню то один, то другой с разных сторон плетутся охотники к дому с трофеями. Наскоро они приводят в порядок снаряжение, кормят собак. Покушав что-нибудь, расходятся на отдых. После сна и чаепития, они расходятся на вечернюю зорьку по уткам.

Поздно вечером, когда все в сборе, наступило для меня очень интересное время. Ужин готов. За столом сидят охотники молча, все они сильно устали за целый день ходьбы и беготни. Аппетитно уплетают отменно вкусный суп из разной дичи. На второе ждет нас гречневая каша, обильно заправленная самыми вкусными кусочками разной дичи: тут и от глухаря, и тетерева, от рябчика и утки. На столе кувшин хлебного кваса и туесок с брагой, моченая брусника, соленые грузди, огурцы и квашеная капуста. Для меня представлял большой интерес приемы принятия пищи. Это не так, как было принято в нашей семье, у наших татар. Тут из полуведерной деревянной миски 8 едоков хлебают щи емкими деревянными ложками, подставив под них ломоть ржаного хлеба. Когда в миске остается одна гущина, дедушка Никанор стучает ложкой по столу и говорит " таскай совсем " - только после этого можно набирать жидкое с мясом. По мере утоления голода и устранения усталости, постепенно у охотников начинает возвращаться бодрость, а вместе с ней все больше и больше повышается у них настроение поговорить об интересных случаях сегодняшнего дня. У каждого возникает потребность излить товарищам свои чувства, пережитые на охоте. Начинается наперебой рассказ каждого на разные темы.

Папа откашливается и начинает говорить о том, что " каак ударит его /глухаря/, а тот ни с места – так и остался на своем суку: и не падает, и не улетает. Думаю " как это так? Что с ружьем? Я его с левого, - он сидит, я еще раз крупной дробью, - сидит и не

шелохнется. Оказывается: первый же выстрел моего франкота был мгновенно смертелен”. Повествование отца подхватывает молодой охотник, Таканаев Шакир; он горячится высказаться: “ во, во! У меня точно так случилось. Еще темновато было; смотрю, сидит черныш на ветке у самого ствола и, вроде бы, прижался к нему и пристально смотрит на меня”. А я думаю: ага! Вон как ты замаскировался! Приложился, и бах его! А он продолжает смотреть на меня, да еще, кажется, посмеивается: де, мол, горе-охотник, не так стреляют. Что за чудо? Неужели мой зауэр подвел? Я рассердился на него, и давай дуплетом по нему. Сидит. Думаю; ну ладно, седи себе – значит как у вас, Мухамеджан абзей – я тебя наповал уложил с первого выстрела. Иду за ним...Фуу ты, черт возьми, оказывается это в поле зрения наложились несколько друг за другом засохшие густые ветки березы”. В разговор вмешивается третий - бывалый охотник Мустафа, - любитель обставлять свои рассказы красочно, обстоятельно, с некоторыми добавлениями. “ Да что там с вашими привидениями. Вот у меня сегодня случилось, я бы сроду не поверил никому. Даа, так вот, стою, значит, я в скрадке и вижу: летит прямо на меня – на штык, значит – и я ударил его: гляжу: никого нет. Куда девался? Нет нигде и только: дальше не полетел – это уж точно, на земле тоже нет... “ Тузукин /из села Торбаево/ подсказывает “ ну ведь твоя лебеда, что тебе пушка. От нее и пуха не соберешь. Наверное...” Да подожди, ты, Только хотел шагнуть, глядь черныш угодил прямо в мою сумку”. Наступает пауза, чтобы втянулся в беседу хозяин дома. Он, поняв это, степенно разглаживает бороду, расправляет усы, обводит выжидательным взором сидящих и начинает: “ Да вот, задремал малость в скрадке... Надыс находился много, пристал маленько. Думаю: подремлю, не скоро ток начнется... Даа, и что ж вы господа хорошие думаете?... Сплю и слышу какой-то визгливый шепот. Никак не разберу: сон или явь? Ан нет, чувствую в ушах щекотно. Даа, открываю глаза... Батюшки мои! Тризон лежит рядом и говорит “ гляди, косачи прилетели”. Вот так-то, Шакир Хабибуллович.” На лицах слушателей сдержанные улыбки. Мустафа пошел по второму кругу. А вот у меня случилось еще такое, что трудно поверить. Не успел дойти до скрадка возле озера, как на меня летит стая уток. Даю дуплет, – одна из них падает камнем в воду, и нет ее. “ Куда же подевалась она? ” - думаю я. Ласка моя туда-сюда, визжит, нервничает, тоже удивляется: “ чудо какое-то”. Несомненно, упала вот так близко от меня, и не стало ее. В чем дело, думаю я?... Гляжу, Ласка нырнула и...с улыбкой несет огромного селезня-крякаша. Потом уж я догадался: подранок нырнул и удержался под водой, схватившись клювом за травинку. Вот бывает же...” Кто-то перебивает его и говорит “ да обожди, пожалуйста; то, что тебе улыбается твоя Ласка известно всем. А вот что касается того, чтобы ирландцы ныряли, как спаниели, что-то не слышно было”.

Подобных рассказов о минувших необычных случаях хватило бы на всю долгую ночь, если бы не сказала Матрена Ивановна: “ Ну, мужики-господа, ложитесь-ка спать, постель готова. А то совсем завретесь”.

Все эти рассказы и подобные им для меня были весьма интересны, и я слушал их с упоением. Потом я их как-то по-своему несколько переиначивал и сочинял в мыслях добавления к ним. Мне нравилось то, как охотники умеют красиво излагать свои повествования. Они умеют облекать свои рассказы по-японски в “ икебану ”, т.е. помочь красивому сделаться красивой. Вот и я, не зная тогда “ икебану ”, старался некоторые устные повести охотников сделать еще более интересным для себя.

Наступило приятное утро. Охотники разбрелись кто куда, а я, напоив лошадей на озере, даю всем им сено и ухожу в глубь леса в надежде увидеть какую-либо боровую дичь. Находить их в своих поисках я еще не умею, поэтому я их и не вижу. Но зато

этот древний, сохранившийся в первозданном состоянии сосновый лес увлекает меня своей какой-то внушительностью и бесконечностью. Лес, принадлежащий владениям Никанора Ивановича, заповедный, как корабельный, состоящий из одних самых красивых сосен. Все они изумительно стройны, одинаковы ростом, очень высоки, у всех стволы одинаковой толщины. Вглядишься в них и заметишь, что они и сами собою все в строгом одеянии из крупночешуйчатого золота червонной пробы; все они и станом одинаковы снизу доверху; все одинаково прямые, как тростинки и до самой вершины они не имеют сучков. И говорок-то у них одинаковый... Шумит могучий Мещерский лес монотонно, издавая звуки миллиардов хвоинок. Сливаясь в единый звук только на кронах деревьев, образуется высоко над тобой какой-то слой пения леса. Так я представлял себе шум этого прекрасного седого леса. Такого шума в других лесах не услышишь. Сочная, темно-зеленая хвоя насыщает воздух незабываемым запахом. Следует себе только представить силу воздействия этого запаха: каждая хвоинка издает ничтожно мало запаха смолы, а когда их миллиарды, то аромат сосны неопишуем.

Мне нравилось слушать работу дятла; после восхода солнца кругом слышна трескотня, словно по стеклу сыплется пригоршнями горох. Дятлы издают такой сильный дробный звук, когда долбят отверстие по сухому стволу, чтобы достать короеда.

Охотники вдоволь поохотились, кони хорошо отдохнули, и я получил немало удовольствия. Пора ехать домой. Перед самым отъездом начинается преподношение подарков хозяевам гостеприимного дома: леснику дают табак, порох, дробь, патроны, а то и сапоги, плащ; Матрене Ивановне – посуда и прочий кухонный инвентарь, головной платок и еще что-нибудь.

ОХОТА С ГОНЧАКАМИ.

На этот увлекательный вид охоты долгое время папа не брал меня с собой. Он считал, что для такой охоты я еще не дорос: она трудна детям, да и не является безопасной в условиях леса и перебежек охотников. Об этом же говорили бабушка и мачеха, считая больше чем достаточной “ хождения на тягу и Булаево озеро; и нечего гоняться за зайцами. Успеет еще...”

Прошел год или два, и подошло для меня то время, когда папа однажды спросил меня: “ Хочешь идти на косога? ” Разумеется, - моей радости не было предела. Думаю, что в то время мне было уже 13 лет. И начал я охоту с гончими без ружья по чернотропу и первой пороше.

БУЛАЕВ ЛЕС.

Настало то радостное время, когда папа приехал осенью из Симферополя в деревню, чтобы поохотиться с гончими собаками. Это было как всегда недели за две перед началом снегопада. С его приездом возобновлялась организация компании охотников. Это – царицынский Мустафа Давлицаров, имевший польских гончаков Вопило и Будило, брат отца Садык, тоже приезжавший на охоту из Джанков, проживавший в Старом Посаде, который держал русского гончака Шумило, торбаевский Тузукин,

владевший Заиру и Вьюгу. У папы были костромичи, Бушуй и Полкан, знаменитый на весь охотничий округ.

Дядя Садык приезжал к нам накануне, а все остальные компаньоны собирались у нас еще затемно со своими гончими. После полного сбора и чаепития, отправлялись в Булаев лес, в котором предстояла охота на зайца-беляка и особой породы лисиц, о которых было много всяких разговоров и домыслов не только среди охотников, но и людей, далеких к охотничьим страстям. Надо сказать, что каждый раз, как только у нас собирались на охоту, про этих лисиц всегда возникали интересные рассказы...

Дойти до Булаева требовалось немного меньше одного часа неспешной ходьбы. После Некрасова леса, в котором весной мы стояли на тяге вальдшнепов, нужно было свернуть налево и дойти до озера Булаево, а потом еще взять направление чуть левее и через 10-15 минут начинался всегда хмурый, темно-густой хвойный лес, состоящий из редко растущих гигантской величины ростом сосен и очень часто растущих старых елей, которые лохматисто обросли мхом и своими черными лапищами укрыли шатром вокруг себя землю так плотно, что в нем создан вечный мрак, отчего там не может, ничего расти. Но зато такие места – отличные убежища для беляков лисиц. В зависимости от характера почвы, здесь представлены отдельными участками и осинник – прекрасный корм для зайца – и молодняк в порубках. Вот почему в этих местах держаться и зайцы и лисицы: в чащобах легко укрыться от врагов и скрыться от преследователей, в редколесье удобно промышлять добычу, находить корм и легко дать стрекача в начальной стадии погони.

Про необыкновенных лисиц всякое говорили. Одни утверждали, что они произошли от гончих собак, благодаря чему они резко отличаются от обычных своих сородичей: необычно они велики и окраска у них иная – огненно-красная. Вот почему таких лисиц гончие собаки гоняют как-то неохотно, вяло, будто они жалеют их. К этим доводам другие добавляли: когда группа гончих гоняет такого зверя во главе с Полканом, то никогда не удавалось никому даже видеть его, де, мол, Полкан очень хитро и умело, отгоняет жертву в сторону от охотника. А третьи объяснили причину спасения хищника тем, что, безусловно, его прародителем то и является сам Полкан... Когда-то, давно, в период молодости Полкана – лет 10, а может и 15 – в Булаевом лесу мор напал на лисиц. И осталась одна единственная лиса в живых... И вот тогда, как будто кто-то заметил особую дружбу Полкана с этой лисой. Вот причина спасения своих потомков от выстрела, вот почему эти лисицы и большие, и весьма выносливые, как Полкан. А некоторые даже находят и сходство с обликом лисиц и Полкана; это уж разговоры не охотников, поскольку де мол, им удастся видеть таких лисиц, поскольку они совершенно не боятся их. В доказательство ко всяким таким разговорам о Полкане приводили пример: чем же следует объяснить такое странное поведение его в гоне булаевских лисиц и сорокинских?

В Сорокине он гоняет весь день лисиц. Он гоняет их даже после того как все его напарники, и охотники покидают охоту, дойдя до полного предела усталости. Он, не отдавшись хозяину на поводок, уходит немного отдохнуть, а потом продолжает преследование до ночи. Преследует он азартно, со всей злостью, присущей ему в тот момент, когда проявляет чрезвычайно большую активность и усердие в погоне зверя. Он был упрям, до крайности, настойчив в поисках и погонях, неистощим, в трате сил гонять зверя. Он всегда гонял зайца до выстрела охотника или до измора его, чтобы жертва стала его добычей, которую неизменно приносил хозяину, а если его уже нет на охоте, то приносил домой. Лисицу же ловить не удавалось ему; та умела обманывать его и спасалась в своей норе. В таких случаях Полкан мог караулить ее у

норы сутками. Он был приземистый, но крупный; морда брудаста, лапы стойки, ноги толсты, а в локотках заметна кривизна, грудь широка, глаза менялись то на злость, то на ласку. Когда он оставался в Сорокине один и гонял лисицу дотемна, за ним ходил дедушка, которому только он и покорялся.

... Некоторые, опровергая происхождение булаевских лисиц от гончаков вообще и в частности от Полкана, говорили и доказывали, что они – потомки волков, при этом увязывая свои суждения тоже возникшим мором в Булаево. И объяснили причину нежелания гонять их по-настоящему: от них несет волчьим духом, и собаки, поэтому побаиваются их.

Как бы то не говорили и не спорили о булаевских лисицах на разные лады, общим для всех было одно: они действительно были необычно крупны, окраска терьера отличалась от других схожестью огненным цветом, очень редко выходили на охотника, и наоборот, они часто показывались всем, кто шел без ружья, при погоне собак, они умело, и хитро сбивали их со следа.

Я не знал: что, правда, а что неправда. Для меня было важно то, что я верил этим красивым, загадочным рассказам, и я по-своему сочинял от себя о булаевских лисицах и пересказывал несколько по-другому слышанное своим сверстникам.

И действительно, в подтверждение к различным домыслам о необыкновенности булаевских лисиц был единственный случай, который произошел перед глазами дяди Садыка и удачный его трофей. Он рассказывал: “ Стою я на номере, – шатре старой ели, – и вдруг совсем неподалеку от меня за небольшой елочкой что-то полосонуло огненным снопом и тут же исчезло. Думаю, наверное, это и есть та самая лисица, которую вчера гонял то один гончак, то другой, ноне все хором, как они гоняют зайца или лисиц в других местах, а Полкан вообще почему-то молчал и только время от времени давал какие-то странные сигналы. Так мы все простояли весь день в своих номерах без всякого толка. Перед уходом домой, затыкала Вьюга. Замечаю: опять ни одна из других собак не присоединяется к погоне, – молчат почему-то. Вьюга потеряла след и умолкла спокойно, будто она обрадовалась своей неудаче. Немного погодя Бушуй, погнался лениво, изредка подавая голос басом. Стою, и думаю ... и вдруг, опять прямо на меня махнуло что-то огненное и каких-нибудь ста шагах от меня исчезло внезапно. Вижу, - Бушуй, подошел к месту, где исчезло огненное что-то, уткнул голову в землю – в нору значит, повизжал тихо, протяжно и удалился прочь. Все ясно: она в норе; надо ждать, авось – да выйдет и направится ко мне. Стою. Жду необыкновенную добычу. Через полчаса где-то далеко застрекотала сорока, смотрю ... у норы, стоит огромный лис. И тут же его заметил, Будило, и сразу же дал спешный голос. Лис бросился в противоположную сторону от собаки, направившись тем самым ко мне на штык. Вот он почти на выстрел ... выдержал время и волнение ... теперь надо стрелять, но не могу снять дрожь в руках - ружьё – болтается, а он стремительно огнем надвигается на меня, и вот-вот полыхнет меня... Вскинул, ружьё, и в тот же момент в 20 шагах стал, как вкопанный, и ... смотрит на меня сквозь ветви елей, а я ... с удивлением на это диво, не веря своим глазам. Как произошел, выстрел, я не помню, – только вижу, он растянулся на земле, затем подпрыгнул высоко, пополз до куста можжевельника, перевернулся 2 раза, конвульсивно задрожал и ... ”

Он оказался необыкновенно большим лисом, с огненно-рыжей окраской шерстяного покрова абсолютно ровного тона по всей поверхности меха. Таких лисиц никто из охотников никогда не видел. Дядя Садык сделал воротник к шубе жены – Нафисы дженгея, которому равного не было ни у кого!

АБЛЯВО (по-татарски Пидай)

Та же компания охотников, которая ходила подстеречь в Булаево необыкновенных лисиц, да все без толку, если не считать единственного случая, приведшего к удаче дяде Садыку, направляясь погонять русака в Абляво и Сорокино.

Абляво расположено на расстоянии 1/3 дороги от Тебенькова до города Касимова. Эта дорога пересекает его пополам. Оно представлено карликовыми березами, отличающимися своим формированием. Они разлаписто ветвисты, низкорослы, очень толсты у комеля с сильно растрескавшейся огрубевшей черной корой и очень тоненькой вершиной с совершенно гладкой белой берестой. Между редкими березами стояли отдельными колониями кустарникообразные молодые березки, а на полянах тысячи стожков – большие кочки, густо обросшие грубой травой, похожей на камыш, но только с очень тонкими стебельками / у нас называли чиём /. Вокруг Пидая – озимые поля. Следовательно, Пидай – лучшее обиталище для русака: тут ему вкуснейшая озимь, рядом Мальчиков овраг, заросший осинником, кора и побеги которого – отменная еда в зимний период, кочки – замечательные маскировочные сооружения, в лабиринте которых он легко уходит от собак, оставив их далеко позади себя. В таких случаях заяц бросается либо в Некрасов лес, если преследует его одиночный гончак, где много молодой поросли березняка – удобно скидываться со следа и прятаться, либо направляется в Сорокин лес, если за ним бегут 3-4 собаки, - там много открытых мест, имеются просеки и дорожки, местами заросли густого кустарника, что позволяет ему стрекача давать и тем самым скрывать чаще, не давать себя окружать врагами. В таких местах, русак, уйдя далеко вперед от гончих, сбрасывает свой след и, пока собаки разберутся в его хитроумных прыжках – петлях, отдыхает, чтобы вновь, как только где-то далеко нападут на его след, пуститься в полный ход. Вот почему Абляво излюбленное обиталище русака и осенью, и зимой. Кроме этого – побега в ту или иную сторону – в Абляво хорошо ему спрятаться в лежке, делая замысловатые прыжки с кочки на кочку зигзагами, неразборчивые лабиринты, самые разнообразные петли и спирали; чем запутаннее следы, тем труднее его найти противникам, и тем спокойнее и надежнее отдыхать, те лучше заметить врага-преследователя и по чернотропу, и по тропе.

Итак, компания охотников и свора гончаков, а вместе с ними и я без ружья направились в Абляво по чернотропу. Перед Абляво охотники пошли врассыпную, собаки разбрелись в разных направлениях. И вот Вьюга залилась лаем, будто кто сильно побил ее – это, значит, - она наскочила на зайца и пошла за ним, пока держа его на виду. Через несколько секунд, как только учуяли дух зверя, присоединились своими голосами: Будило баритоном и Полкан густым басом к тьяканию на высокой ноте Вьюги, а еще немного погода зазвенела не то Заира, не то Стрелка. Настойчивый, азартный хор гончих сразу же определяет русаку направление бегства – Сорокин лес; там можно давать стрекача зигзагообразно между частыми деревьями, где собаки держаться кучно, да и бояться быстро бегать, ударившись об дерево, могут разбиться. Но пока надо петлеобразным бегом и сильными прыжками из стороны в сторону навести собак на ложный след – обратный, самый лучший способ уйти от преследователя – или суметь потерять свой след. Русак пошел мотаться между кочками, кустарниками и деревьями. Вскоре же ему удается сбросить след: собаки умолкли, рассыпались кто куда, от злости на себя начинают визжать, рычать и лаяться между собой. А тем временем заяц уже махнул в Сорокино. Но вот слышен густой бас Полкана; он разобрался в невидимых наследях и, взяв правильное направление, подал

голос и помчался в сторону Сорокина. Тут же разными голосами пошли все остальные за ним.

Охотники делают перебежки в сторону Сорокина, думая пересечь дорогу косою. Отец машет мне рукой: дескать “ иди домой, дело затягивается”. Я остаюсь у Мальчикова оврага и с упоением слушаю гон собак.

Хоровой гон собак! Что еще может быть прекраснее, чем особо приятно волнующее сознания наслаждения, испытываемое от разноголосого хора гончих собак? Я залез на кряжистый дуб, росший у самого изголовья Мальчикова оврага, и с упоением слушал этот замечательный концерт, представляя себе, как бежит русак, делая зигзаги, прыжки в разные стороны, разные повороты и круги, чтобы сбить собак со своего следа, а гончие, высунув языки, держа хвосты прямо, бегут во весь дух, улавливая дух зайца. И я знаю: какая собака, как внюхивается в этот запах; одни из них берут его верховым способом, как, например, Полкан и Будило, а другие низовым, - Заира, Бушуй, Вьюга. При этом первые обладают способностью пересекать след преследуемого напрямик, вторые соблюдают точно очертания следа. Поэтому Полкан и Будило, оказываются немного впереди остальных... Гон идет в лесу Сорокино и довольно отчетливо слышу я редкие мощные басовые сигналы Полкана; Заира и Стрелка издают голоса тенорком часто и четко, пронизывающие все насквозь; Бушуй, вторит им высоким басом, подумавшись, над головой колнот дрова; Вьюга частит звоном колокольчика. У каждой собаки тембр голоса, сила и частота произношения меняются в зависимости от того восприятия запаха, какое они воспринимают. Голосят они по-разному: ату-ату, аяй-аяй, яй-яй, бау-бау. Мерная монотонность баритона, взлеты тенора, раскатистый рев баса, временами, сливавшиеся в неповторимое рокотание изумительных октав создавали такой хор голосов, который то, нарастая могучей силой, надвигался на меня, то, затихая, отдалялся от меня. Такой хор гончих собак забываем. Я и сейчас пытаюсь слышать его, но отчетливо представить не могу – у меня еще в юношестве слух был потерян / вследствие болезни малярией/. Гон собак становился отчетливее и ближе. В этот момент шагов на 150 мимо меня колесом прокатился в стремительном беге русак, а позади него, отстав шагов на 300-400, азартно и весьма энергично бежали гончаки во главе Полкана. Ни по кому неизвестным причинам, заяц прибежал, как всегда он это делает, на самое то место, где он был поднят – в Абляво. Здесь ему удалось скинуть свой след и немного отдохнуть, пока собаки разобрали в лабиринте следов-маликов направление к лежке. Собаки по рас ходящей спирали пошли на круги. И вот Бушуй или Полкан подал голос на гон. Косой помчался в Некрасов лес. Там ему трудно уходить от собак, и он вновь покатился почти рядом со мной в Сорокино; тут же за ним дружно, плотной кучей пробежали преследователи. Через минуту я услышал выстрел, и лай собак прекратился. Интерес закончился, и я направился домой.

Потом, года через три, я приду сюда с ружьем на первого зайца – в Абляво, Сорокино и Некрасово. Хочется сказать заранее о том, что посвященный в этих местах в охотника, призвание в него осталось мне навсегда. После этого я много охотился: испытывал необыкновенные наслаждения, получал колоссальные удовольствия, терпел немало различного порядка невзгод, трудностей, случались и опасности. Охота всегда звала меня...

По-настоящему охотником я стал так. Мне уже 16 лет. Мой старший брат Фазукай абзей собрался на охоту: я подготовил ему, гончаков Карая и Катая / костромичей /, да Стрелку, принадлежавшую Тукузину. Брат спрашивает: “ Хочешь идти со мной?” и дает мне одноствольное ружье, говоря: “ Ну вот, ты уже достаточно взрослый, на вот,

бери. Это будет твое. Помни, - при неосторожности даже незаряженное ружье стреляет один раз. Вот этот “ раз” и может принести тебе беду”. Разумеется, - моей радости не было ни предела, ни конца; ее я, кажется, ощущаю даже сейчас.

Я повесил сумку на плечо, положив в нее кусок хлеба, крупно посоленного для себя, и старые куски для собак, а в руки взял заветное ружье, о котором я так долго и сладостно мечтал. Я его нес на изготовку к выстрелу: ствол на изгибе локтя левой руки, шейка ложа крепко сжата кистью правой руки. Вот оно, мое ожидание исполнено, да к тому же, признан старшим братом взрослым... Он являлся, для меня непререкаемым авторитетом деловитости, представителем Советской власти, сочувствующим к строю большевиков. Брат Фазукай часто ездил в город по делам комитета бедноты села Царицына, являясь его председателем. Там в учреждениях он общался с представителями властей, находился в хороших отношениях с секретарем укома партии Абдуллой Тукузином из Торбаева, который, будучи студентом, принимал революционное участие в Петрограде, в дружественных связях находился с Валеем Худайбердыевым, секретарем партийной ячейки при Татарском волостном управлении, нашим родственником, в добрых отношениях был с комиссаром продналога Михаилом Малышевым и другими. Все они довольно часто бывали в нашем доме, вели оживленные беседы на различные политические темы, о В. И. Ленине, и других его соратниках, о гражданской войне, интервенции, бесчинствах разных банд. Все эти беседы меня чрезвычайно интересовали и я, их слушал, чтобы понять в происходящем. Потом, через несколько лет, с Валеем Худайбердыевым скрестится моя дорожка, приведшая на ту, по которой я прошагал уверенно, не оставив ничего такого, чтобы оно вызвало теперь какое-то зазрение совести... Брата Фазукай уважали односельчане, считались с ним в городе. Вот почему он был для меня авторитетом.

Всеми хозяйственными делами управлял он, а в сельскохозяйственных и домашних делах у него я был главным помощником, вернее я был исполнителем всей работы под его руководством. Брат проявлял ко мне большое внимание: учил работать, воспитывал к трудолюбию, к справедливости и откровенности, относился ко мне сочувственно и заботливо; всегда и во всем предъявлял жесткую требовательность к исполнению своих поручений. Он любил дисциплинированность: четкость и аккуратность в исполнении обязанностей; пресекал всякую расхлябанность, лень и неполноценность в работе. Очевидно, такой характер выработался у него в результате исполнения должности старшего официанта ресторана в Киеве, хозяин которого Ширинский / из села Шэрэн / слыл чрезмерно взыскательным человеком. Я любил брата, в то же время и боялся его. Я всегда стремился при любых обстоятельствах, не считаясь ни с какими трудностями и невзгодами не допустить упреков или замечаний с его стороны к моим действиям. Он навсегда остался для меня наставником быть исполнительным, все делать полноценно, не отказываться от дела и не бросать его, за которое взялся. Брат учил: назвался груздем, – полезай в кузов. Взялся за дело, как хочешь, а его выполняй, не можешь исполнить после этого, - проси помощь или отсрочку; и после этого не можешь, откажись, но не скрывай неисполнение, тогда другой сделает – дело не пострадает. Такое нравоучение запало во мне на все время в незыбленное, основополагающее правило поведения, и вошло оно в мое право для подчиненных мне по работе. Брат Фазукай являл собою отличного наставника: сначала показывал, как правильно надо сделать что-то, а потом показывал, как и отчего может случиться брак; что и как требуется делать, чтобы не получилось плохо. После этого он требовал повторить им показанное и давал объективную оценку

усвоенному. Много давал советов и о том, как надо жить, что надо делать на пользу будущего. Его советы и наставления сыграли для меня весьма важную роль в выборе мною себе дорогу в тот момент критического возраста, когда у юноши возникает трагический вопрос “ что делать, куда пойти? ”. Он оказывал влияние, чтобы я стал комсомольцем, занял общественно-выборную должность, поехал учиться...

Итак, с ружьем в руках, готовым подбросить его навскидку, я иду с братом в Абляво в ясный осенний день. Полная неподвижность воздуха, под ногами гулко отдается замерзшая земля зяби. Потом наши шаги становятся то тихими, то совершенно неслышными – мы идем по густому, абсолютно однотонному зеленому ковру, обильно припудренному серебряным порошком, да кое-где осыпанному алмазными звездочками; местами хрустит под ногами озимь, сплошь покрытая инеем, и только на самых кончиках ее стеблей началось образование капелек росы от поднявшегося солнца на чистом небе. Я иду на охоту. И для меня мир не существует: иду в пространство между зеленым ковром и бирюзовым куполом. Я должен бы созерцать и возбуждать сознание, что справа от нас остается Мальчиков Овраг, где мы весной собираем сильно пахнущие цветы ландыша, волоцкие орехи и землянику; то там, то здесь вразброс пасутся лошади на озими, все это ни замечается, ни зрением, ни воображением и ни сознанием. Идем дальше мерным шагом. И вот стал замечать, наконец-то, как впереди нас энергично бегают, туда-сюда, наши гончаки – Карай, Катай и Стрелка, стараясь найти лежку зайца. Брат показывает мне желтенькие шарики, непокрытые инеем; значит, русак завтракал здесь. А вот и его следы – с озими осыпал иней, но собаки след не берут, – нет уже запаха. Но, тем не менее, это – уж сигнал о том, что он недавно ходил здесь, и он где-то недалеко отсюда... А вот заметно, как он пробежал, сбив иней в местах его прыжков – готовиться терять свой след... Настроение поднимается, шаги наши сами по себе ускоряются... Вот, вот сейчас зальются собаки лаем и визгом, увидев выскочившего зайца, а как только он скроется от них сильным бегом, так гончаки начнут издавать милые для слуха ровные, громкие голоса, которые то расходятся между собой в общем, хоре, то приближаются, а то и вовсе сливаются между собой – не различишь: кому принадлежит тот или иной голос.

Доходим до Абляво и расходимся метров на сто между собой. Наконец-то, впереди нас Катай, поднял бывалого старого русака, который сразу, правильно оценив обстановку, берет курс на Сорокино. Мы быстро и долго бежим туда, а гончие уж давно там дружно, в три голоса – бас, баритон и альт – гоняют зайца. По гону собак чувствуется, что русак не попадет впросак: собаки часто умолкают, теряя след преследуемого; это означает, что бывалый заяц делает резкие зигзаги, большие круги, устраивает замысловатые лабиринты и совершает челночные дорожки, чем самым часто сбивает гончих от преследования. Его хитрости означают, что из Сорокина он убежать не собирается, и не будет возвращаться в Абляво к месту лежки, как это у них вообще принято. Наконец, мы добежали до излюбленного района зайцев, удобного им не попадаться в глаза охотников и, далеко убежав от собак, легко потерять след, чтобы можно было отдыхать.

Я стал у пушистой елочки с моего роста, нашедшей себе просторное место на поляне. Постоял я тут несколько минут, прислушиваясь к гону собак, определяя в каком направлении косою, уходит от них. И вдруг гон прекратился. В тот же момент, как только гончаки замолчали, потеряв след, огромный русак выскочил из чащобы и сразу же сел на задранный вверх хвост и давай ловить ушами шорох бегающих собак, чтобы определить в какую сторону дать стрекача. Я, обезумев от неожиданности, не могу

сообразить: что надлежит мне делать? Придя в себя, не знаю, как надо целиться, позволяет ли расстояние делать убийный выстрел, я нажал на курок и мой русак ... начал беспорядочно кувыркаться. Подбегаю к нему раньше собак и хватаю его за задние ноги. Кричу на весь округ: “ хоп-хоп! Дошел, дошел!” Подбежали гончие; даю им корочки хлеба и передние лапки зайца – таков традиционный порядок в семье отца. Подошел брат: похвалил он меня с первым полем.

С каким особым чувством, неиспытанной доселе гордостью я повесил на плечо первую добычу первого моего выстрела, никто не знал, и мне думалось, - никто так в жизни не испытал. До сих пор помню чудное ощущение теплоты тушки, ее значительный вес; до сих пор отчетливо осталось в памяти воспоминание, как легко было мне вообще, с какой легкой поступью я шел к дому, – будто я двигался на крыльях.

С этого раза в Абляво, леса Сорокино и Некрасово стали моими любимыми местами для охоты по чернотропу осенью и по пороше зимой пока снег еще неглубокий. Для такой охоты я имел двух собак, одна из которых была породы арлекин, а другая, - польская гончая. Их мне подарил брат Фазукай перед своим отъездом в Харьков, которых он приобрел у знакомого совсем еще маленьких. Когда у меня они подросли, я их стал натаскивать. Арлекин оказался толковым и трудолюбивым псом, а Рыжка, испугавшись в первый свой выход на охоту внезапно выскочившего зайца, стала трусливой, да к тому же лентяйкой.

В глубокий и рыхлый снег, когда гончакам трудно ходить, я уходил на лыжах один по следам зайца. След брал я на нашей усадьбе у моей дорожки, проложенной от сарая двора до риги. По этой дорожке на салазках я возил сено скоту и на вешках всегда оставлял клочок самого хорошего сена зайцам. Почти каждую ночь они приходили сюда полакомиться.

Азарт увидеть зайца меня пленил в любое время. И я, идя по следу, пропадал целыми днями. Изучение ночных походов зайца – для меня представляло огромный интерес... Вот он быстро подошел к одной из вешек, поел душистое сено, перешел к другой, думая: не вкуснее ли там, потом вернулся к первой – здесь оно вкуснее, клевер. Перепрыгнул через прясло, спустился к реке Мудровке, здесь он погрыз веточки тальника и почему-то быстро махнул в сторону кладбища. Там у оврага он оборвал веточку осины, погрыз ее кору... Сделал огромный прыжок – кого-то испугался: может, услышал лай собаки, или сигнал петуха о наступающем дне, а может, заметил сову, промышляющую добычу... Сделав несколько дальних прыжков, ровным ходом он побежал к реке Мудровке: здесь пожевал веточку красной ивы, которая не понравилась, – выплюнул, решив полакомиться озимью. Копал он глубоко и видать долго – уж очень захотелось озимь: самая для него вкусная и полезная в условиях зимы. Но не добрался до нее. Пошел к овину Балюэ Фазукай, вокруг которого прошелся туда-сюда, но, не найдя ничего путного, быстро помчался в сторону леса, чтобы сэкономить время на поиски съедобного – ведь скоро утро, надо найти вкусного покусать и укромное, безопасное убежище на весь день. У опушки леса русак поел осиновую кору и, сделав зигзагообразные прыжки, дальним последним скоком забрался на кромку оврага, где сделал лежку. Но что-то здесь не подошло ему: вылез из лежки, потоптался на месте, исполнил свои естественные нужды; прислушиваясь к чему-то, посидел, а затем постоял на задних ногах, и удалился прочь из опушки леса на озимое поле. Вновь покопал без пользы глубокий снег, вернулся к оврагу, подошел к осине, став на задних ногах, дотянулся до засохших листочков на обломанной ветке. Опять дал стрекача – кого-то испугался, уж

такова его судьба: всех и всегда бояться, – ведь у него нет никаких средств защиты и самообороны; единственное его спасение, – скорый бег. Кроме борзых собак никто не может его догнать. Долго шел то по оврагу, то по его кромке, промышляя, что ему бог послал – испуг у него был ложным. У кустика можжевельника долго стоял на месте, становился на задние ножки, вглядываясь по сторонам, ложился не то чтобы отдохнуть, не то быть незаметным, прохаживался много раз взад-вперед – видать нервничал. А вот и подруга прибежала / изящные ножки /, как и положено в таких случаях с некоторым опозданием. После встречи, они резвились здесь: не то танцевали они, не то играли в прятки. И, наконец, они разошлись в разные стороны. Он пошел к опушке леса веселыми прыжками, то и дело, оглядываясь назад, – не зовет ли она его к себе. Немного погодя, свернув круто вправо, косо стремительно, в быстром аллюре направился в Абляво. Что случилось? Раз навсегда обиделся на подругу или кто испугал его? Ага, вон там бросилась лисица на него с куста. Расстояние оказалось недостижимым, чтобы одним прыжком поймать зайца, а вдогонку и думать нечего. Лисица пошла, бродить по лесу, несолоно хлебавши – с обидой на зайца. Она долго стерегла жертву в кустах: снег плотно утопан и подтаявший. С начала она побежала за зайцем рысью, протянув свой след, будто нанизала бусы на ниточку: ровные, в одну линию кругленькие ямки. Бежала, конечно, уж так, приличия ради – характер злой.

Вот мой русак уже в своих владениях – в Абляво. Здесь он пошел тихо, оглядывается кругом, – нет ли какого-нибудь злодея. Вроде бы ничего нет плохого – пора и лежку. Пустился он во весь дух, и прыг в сторону, прыг в другую, еще сильнее вперед, назад; пошел параллельно к своему родному следу и сильнейший скок в сторону под кочку. Здесь ему днєвать – давай углубляться в снег. Улегся он удобно, головой к основному следу, чтобы было видно, кто идет по этому ложному пути-следу. Преследователь пройдет по нему, оставив позади себя хитреца, а тем временем он и даст стрекача, выскочив пулей из лежки... Лежит заяц в снежной норке, являющейся одновременно местом отдыха и наблюдательного пункта; спит в ней, да и смотрит одним глазом, прислушиваясь постоянно длинными ушами, – нет ли где врага.

Исходив немало расстояния за целый день, бывало, возвращаешься домой ни с чем, уставший, проголодавшийся, но за то, сколько вопросов возникало о зайце, как много познал его поступков, хитростей, повадок, но в то же время как много волнующего и загадочного во всех его поведениях. Не меньший интерес вызывался и в разгадке нарысков и набродов лисиц, оставленных за ночь на свежавыпавшем снегу.

Весной и осенью я часто ходил в Некрасов лес на тягу, Булаево озеро на уток. Так я стал молодым, прилежным охотником. У меня было уже хорошее ружьё лебеда с букетными стволами, подаренное отцом; содержал всегда гончих собак. Для папы я оказался хорошим компаньоном по охоте. Такое признание отца – большая заслуга. Он любил спокойного, в меру азартного, достаточно выдержанного охотника. Поэтому угодить ему по охоте уж не так-то было просто. Он любил такого охотника, который готов ходить на охоту в любую погоду, который не сетует на усталость и неудачу. Он не любил ходить на охоту с тем, кто горячится и палит без толку в белый свет, кто проявляет жадность, не разборчив в самках, кто проявляет в поисках дичи лень. Папа считал, что охота – это не добыча, поскольку слово “ добыча ” не подходит для настоящего охотника, любителя природы. Охота – это удовольствие; брать дичь надо умением состязаться честной хитростью с предметом охоты. Он говорил: “ коль стрельнул, то или уложи дичь наповал, или сделай промах, не задев ни одной дробинкой. Весной стреляй только самцов”. Эти наставления отца не остались для меня бесследно. Я ими руководствовался постоянно.

Так с детства я стал охотником; втянулся в одно из самых замечательных увлечений побочным занятием, вернее, - хобби. Думается, что охота для настоящего охотника – бескорыстного, любящего природу, фауну и флору, соблюдающего правила охоты и лишённого жадности к добыче – такое уж духовное наслаждение, как естество испытателю познание природы, писателю и поэту воспеть все лучшее для человека в жизни. Охотник, общаясь с природой, вступает в контакт с ней, а, следовательно, он учиться познавать жизнь фауны и флоры, он, через это знание, воспитывает в себе дух объективности и бережливости к окружающей его среде. Поэтому у него вырабатывается внимательность и повышенная чуткость к окружающим его людям.

Сейчас, когда прошло 60 лет с того былого, сказанного о впечатлениях, возникших на охоте в детские и юношеские годы, трудно все воспроизвести в памяти, - действительно было такое впечатление тогда, или – это плод воображения, ассоциированных с возникавшими позднее новыми мироощущениями, которые рождались в силу различных обстоятельств? Не знаю, может так, а может, и нет. Но что-то, несомненно, было так.

**На этом я заканчиваю повествования об охоте в деревне,
прерванной в связи с отъездом на учебу в 1925 году, когда мне было 20 лет.**

ОТРОЧЕСТВО / В СИМФЕРОПОЛЕ /

В 1916 году, поздно осенью, я уехал из моей милой деревни в Симферополь. Отозвал меня отец. Этот год впоследствии окажется последним годом расцвета как нашего Тебенькова, так и остальных татарских деревень.

Ехал я с телешовским дядей Иваном, работающим в кухне ресторана. Без нас дядя Гриша как раз в ту на Туркае, запряженном в рабочую телегу до ближайшей железнодорожной станции Бутылицы – верст 70-75, что называется полным бездорожьём. Это было то самое время осени, которое называется у нас предзимьем, вкладывающим понятие о дороге: ни сани, ни телега, а всему окружающему, - “ глухая осень”, опустошенность природы.

Из Телешова мы выехали очень рано, еще затемно. Ночными заморозками дорога основательно затвердела и нашему кормленному, крепкому, спокойному Туркаю уж не так, было трудно везти нас троих. В связи с таким временным состоянием дороги, дядя Гриша погоняет коня, чтобы успеть, как можно больше проехать по такой относительно, легкой, дороге, поскольку, с восходом солнца она развезется в месиво грязи – тогда ехать придется тихо, можно опоздать.

Вскоре, спустившись после Телешово в широкую долину, наша дорога пошла извиристо вдоль речки Макаровки, бегущей куда-то змеей. И летняя дорога проложена по форме очертания этой речки. А будущий зимник уже намечен напрямик по долине вешками из темных еловых веток. В отдельных местах, где наша дорога приближается к зимнику, эти вешки в предрассветной мгле, будто волки, устроившие нам облаву, сидят, расставившись, друг от друга неподалеку для охоты. И в самом деле, кажется, будто сидят они, сгорбившись молчаливо, хмурые, темные. А через минуту исчезают они невесть куда, чтобы скоро вновь окружить нас / детское воображение богато, на, выдумки /. И вдруг... опять они появились то справа, то слева, а некоторые, кажется, отступают, чтобы напасть на Туркаю сзади... Туркай, же, наш, трусит, себе, потихоньку, не, обращая, никакого внимания на злодеев, - значит все в порядке, и

думы, пресекаясь от выдумки, отбрасываются вон, придя в реальную действительность безразличием коня.

Стало рассветать, а вместе с ним должно бы и пробудиться все живое. Но что-то взор не улавливает этого? Да ведь пора-то предзимья... Как удачно определено такое время с точки зрения крестьянского образа жизни. Кончилось время листопада. Леса, сады, рощи, пролески кажутся просторными, поредевшими. В туманной дымке раннего утра справа видны совсем голые дальние холмы, деревенские постройки, недавно еще закрытые густыми зарослями кустарников и деревьев. Предзимье – слово меткое: все живое основательно и добросовестно уже подготовилось к встрече зимы. В лесах, что налево от нас, - безлюдье и полная тишина. “Собирать там больше нечего”, - подумал я, вспоминая наше Булаево, чем-то напоминающие эти леса. И почудилось мне сквозь дрему, будто – это наше Булаево, в котором так много мы испытали радости, находя его дары: стоило только не лениться и проявлять не хитрое умение отыскивать их. Вон в том редком березняке и в тех порубках и особняком, вырастающем ельнике наверняка недавно было много грибов – ведь эти места совсем такие же, на которых мы часто находили много разных грибов. Бывало, наш лес томлено стоял под жарким солнцем в дреме, ждал он в свое время – пока не окрепло крыло боровой птицы, и ждал пока дождь, не напоил свою прелую землю. И когда он дождался своего – период колошения снегов, - чтобы потом щедрой рукой, будто заждавшийся весны хлебороб, разбросал кучками сверкающие чистым червонным золотом лисички, на березовых опушках темно-бурые плюмажные шляпки подберезовики посыпал одиночками, крепкими пеньками расставил редко в нужных местах белые грибы. На старых порубках развел многосемейных опят и маслят. В тенистых склонах Некрасова оврага орех поспевал осенью. Аукает в такие дни воздух в лесу у нас. Нам бывало и весело и радостно в нем; мы, ребята, ходили ватагой, а сельчане, - семьями...

Это воспоминание о родном крае нежном и прелестном, вновь наводит на тоску, что было только сегодня ночью, когда садился на телегу, оно пробуждает со всей силой желание вернуться домой, где впервые пробуждались сладостные думы, мечта ожидания чего-то особенного, еще не испытанного. А вот эта пойма речки напоминает наши луга вокруг Мудровки, где ненасытно вдыхал запах скошенной травы, аромат сена, где паслись любимые лошади.

У границы двух губерний – нашей Рязанской и Владимирской – въезжаем мы с проселочной дороги на Владимирский большак у родной для меня реки Оки. Отсюда, с высокого, холмистого берега ее открываются знаменитые заливные луга, по которым разбрелись, словно необычно тучные рыжие коровы, стога сена, то там, то здесь кружат хороводами перелески, непослушно отбившиеся от своих больших лесов Мещеры. А вдаль слева затуманенными утренней прохладой лесной бесконечный массив. Немного погода четко виднеется как Ока, побродив где-то после Касимова по складчатой низменности, вновь устремилась влево навстречу к Мещерскому лесу, рядом с которым она так мирно и спокойно шла от Казани до Касимова. И думается мне: вон там, впереди, они вплотную сойдутся и наконец-то обнимутся, тем самым преградят нам путь, а мне обратно домой! Узнав устремление Оки, лес бросился клином, - отодвигая препятствия на своем пути, - через поля и овраги, чтобы встретить ее. Но нет! Оказалось так, что размахом руки какая-то сила отбросила их по сторонам, откуда так торопливо они шли друг к другу. Они отброшены так, чтобы больше не виделись никогда.

Вечереет. Едем по заливным лугам вдоль Оки. Здесь было соединено все, чем славилась Ока, - вся прелесть этой реки: “поёмистой, дубравной, в раздолье

муромских песков текущей царственно, блистательно и плавно, в виду почтенных берегов”, / из стихотворения Языкова – “ От Оки поклон Рейну ”/

Скоро Меленки. Там ночевка, а рано утром, проехав 3-4 часа, мы окажемся в Бутыльцах, где мы сядем в вагон. И там закончится моё детство!

Ехал я с дядей Иваном в плацкартном вагоне. В Москве была пересадка. Через 6 суток я приехал в Симферополь к моим родителям, уж теперь они жили в другой квартире, постройки греческого типа, принадлежащей вдове Пузановой на Кондукторской улице, 10-15 минут ходьбы до вокзала.

Дом из трех комнат и кухни поставлен на красной линии улицы. На огромном дворе под одной крышей 12 квартир по левую сторону и 8 по правую сторону. Все эти квартиры стандартные: вход со двора в кухню, вправо комната в 12-14 кв. м всего с одним окном во двор. Отец жил в основном доме, а брат его Ахмеджан / для нас Ахмед-абзэй / жил рядом в малой квартире, / по сути, его семья находилась там только ночью, а весь день находилась в основном доме, являясь общей семьей/.

Мой брат Хаким, был отозван из деревни, должно быть на один год раньше меня, и был представлен в качестве помощника к папе, меня назначили на такую же обязанность к Ахмед-абзэю.

Ресторан I класса содержался в компании моим отцом и его братом Ахмед-абзеем. Коммерческую работу проводил наемный буфетчик Федор Иванович / по национальности австриец /, контроль над его деятельностью осуществлял Ахмед-абзэй. Наш отец, являясь старшим хозяином, занимался организационными вопросами и контролем за работой официантов и кухни. Папа, Ахмед-абзэй по очереди дежурили по 12 часов в сутки, / ресторан закрывался с 24 часов до 4 /. В нашу обязанность, Хакима и мою, входило следующее: доставка из кладовой и раскладка в буфет кондитерских изделий, вин, фруктов, папирос и прочее, готовить бутерброды всех видов; выдавать официантам за марки / условные деньги / предметы буфета и выдавать заказ официанта на кухню. Чай и кофе заваривала и отпускала чайница, а марку получали мы. Все это делалось нами, помощниками, в качестве помощи хозяину / папе или Ахмед-абзэю/. К концу дежурства, подсчитывал марки официантов, дядя Ахмед проверял правильность и получал за них деньги от официантов, то есть они выкупали свои марки.

Много хлопот бывало летом, в период курортного сезона. На все курорты Южного берега Крыма и дачные районы, конечным железнодорожным пунктом тогда являлась станция Симферополь. Поэтому, в ресторане после прибытия поезда возникало большое оживление торговли. Господа обедали, завтракали; многие, едущие с семьями на Южный берег, заказывали на дорогу съедобное, выполнением которых приходилось заниматься мне, упаковывая в коробку.

Курортники и дачники обычно уезжали из Симферополя на юг на линейках, запряженных парой коней на дышло; над линейкой натянут тент, на что укладывается багаж пассажиров. На линейку усаживалось от 6 до 8 человек; кучер размещался отдельно на высоких козлах. Такое транспортное средство содержали крымские татары. Кони у них были выносливые и быстроходные. Езда на них по сложным горным дорогам не представляла опасности. Поэтому, за редким исключением, не проявляли желания ездить на автомобилях, которых и было и мало, и не давали удовольствия на них ездить: они страшно тархтели, обдавали сидаков газом, часто ломались, бывали и аварийные случаи, скатившись в пропасти.

Так продолжалось время однообразно, монотонно и без особого интереса к своим обязанностям, если не считать посещения кинотеатра “ Марс”, где показывали

туманную картину, как тогда было принято говорить, поскольку на экране действительно все было туманно с постоянными разрывами изображения белыми линиями, полосками; изредка буфетчик Федор Иванович водил меня на концерты и водевиль.

Шла первая мировая война. Кярим-абзей где-то воевал, о чем писал нашим родителям, Ахмед-абзей выписывал газеты, и у нас за столом читал их. Я интересовался, разумеется, как и все мальчики, военными событиями.

Пришел бурный февраль 1917 года: произошла какая-то революция, царя Николая II заставили отказаться царствовать в России. Об этой революции, о лозунгах различных партий, о Временном правительстве /Керенского/ каких-то большевиков и их главном руководителе Ленине становилось известным все больше и больше из газет, которые читал Ахмед-абзей, и давал он разъяснения о содержании газетных статей. Меня все это очень интересовало. Я пристально, а иногда безрассудно увлекался наблюдениями за происходящими событиями Февральской революции.

Хорошо помню, как бурно и торжественно устраивались демонстрации, и различные манифестации по случаю свержения царя. Нередки, бывали случаи, когда я один или с дядей Ахмедом находились среди демонстрантов и митингующих на привокзальной площади; часто такие импровизированные митинги-споры возникали и в самом вокзале.

Началась компания выборов в Учредительное собрание. По этому вопросу везде возникали митинги с разъяснениями за кого надо голосовать в это собрание. Одни призывали голосовать за №2, другие, - №3, третьи за №7 – каждая нумерация означала ту или иную партию. Вывешивались такие же призывы-плакаты; №7 означал кандидатуру большевика.

Произошла Октябрьская революция. На весь Крым, за исключением Севастополя, находился в руках крымских /татарских/ эскадронцев, препятствовавших установлению Советской власти. Эти эскадронцы появились в Крыму к осени.

Время от времени становилось известно, что через Симферополь из Севастополя промчался в крытых вагонах маршрут матросов в сторону Москвы. Иногда бывало видно, как на платформах проезжали в это же направлении матросы. А потом доходил слух о том, что, не доходя до станции железной дороги, эскадронцы останавливали маршруты матросов, и обезоруживали их, и отправляли обратно в Севастополь. Я не раз ходил к товарной станции, откуда было видно, как на возвышенности стояли конницы, лежали солдаты с пулеметами, но мне видеть сражения не довелось: либо поезд не приходил, либо без боя он возвращался обратно на Севастополь. Не знаю почему, - мне жалко бывало матросов.

Как и почему, я, 13-летний мальчик, татарин, любитель лошадей, сын хозяина ресторана не сочувствовал эскадронцам? Быть может это потому, что молодежи свойственно увлекаться новыми идеями? Возможно потому, что с приходом Советской власти уйдет в прошлое тот путь, уготованный и для меня, как это было для моих старших братьев – Фазукая, Ганея, Кярима и Хакима – мальчик-послушник, официант, буфетчик, повар, содержатель буфета, ресторана.

Я бессознательно был не доволен, идти этим путем. Такое внутреннее недовольство могло зародиться по двум причинам. Первое, я страстно полюбил Тебеньково, и всегда скучал по нему, постоянно хотел быть в деревне. Второе, такое сознание формировалось в результате горячих споров и упреков отца, моими братьями Фазукаем и Ганеем в том, что он, наш отец, Хакима и Каюма направил по проторенной дорожке – буфетного дела. Они говорили: “ Вы нас сделали подобными себе, поставил

нас на морально унижительную работу, оставив не только без образования, но и малограмотными. Хоть младшим сыновьям – Хакиму, Каюму и Абрахману – дайте образование: пусть учатся пока в гимназии, реальном училище, потом можно будет учиться в институте”. Я мечтал под влиянием этих предложений братьев быть то врачом, как знакомый врач Шатров, то заводчиком, что прочили мои братья для меня. И я выпросил с Хакимом у отца начать учебу. Мы ходили на дом старшего телеграфиста, дочь которого преподавала русский язык, литературу. Она пристрастила меня читать сказки на русском языке, а также и повести.

Было слышно, что в городе то там, то здесь возникали со временем стычки между матросами и эскадронцами. Остановка противоборства все больше и больше накалялась; и с каждым прошедшим днем неизбежность каких-то особо важных событий приближалась. Наступил 1918 год. Был не то январь, не то февраль, когда я дежурил в дневное время, меня подозвал Ганей-абзей в зал ожидания II-ого класса, где он содержал буфет, и сказал: “ Если ты услышишь пальбу из винтовок и пулеметов, - быстро закрой буфет, возьми деньги и беги домой; если выстрелы произойдут около вокзала или в вокзале, то бросай всё и убегай домой”. Я, разумеется, насторожился и стал внимательно следить: что делается вокруг. Замечаю: то там, то здесь ходят небольшими группами матросы, увешенные пулеметными лентами, с карабином на плече, у многих, - свисают маузеры. Также оживленно ходят офицеры в форме царской армии. Помню, - матросы ходили по вокзалу из конца в конец и на платформе, при этом демонстративно выплевывали шелуху семечек на пол, за что офицеры делали им выговоры, наносили оскорбления. Вдруг выстрел в зале III-его класса, тут же несколько выстрелов на платформе, а затем пошла перестрелка на привокзальной площади. Я сразу же выскочил из подъезда черным ходом на привокзальную площадь, чтобы, свернув вправо, бежать домой. Заметив перестрелку между подъездом черного хода, где притаились матросы, стрелявшие в сторону парадного хода, откуда стреляли в мою сторону, я замер на месте; в тот же момент матрос крикнул: “ Убегай скорей”. И я бросился мимо них и в момент скрылся за домом начальника станции. Пока добежал до дома, было слышно кругом выстрелы, видел отряд эскадронцев, убегающих на полном ходу, сильно нагнувшись вдоль шеи коней, в сторону степи за железную дорогу. Забежав в дом, я не мог держаться на ногах.

Так с моей точки зрения установилась Советская власть, с некоторым опозданием, и в Симферополе. Мои думы об учебе рухнули, – было не до этого.

Отцу и его брату Ахмеджану предложили безвозмездно передать все имущество ресторана артели официантов, оставаясь при этом на службе в качестве буфетчиков. Дядя Ахмеджан согласился и остался служить. Продолжал содержать буфет от имени артели официантов Ганей-абзей в зале ожидания / уже без названия II-ого класса/. Отец наш отказался от предложенной должности, мотивируя тем, что при таких условиях он не будет свободен для охоты по своему усмотрению.

В начале апреля 1918 года, отец в возрасте семидесяти лет из Симферополя уехал в деревню, взяв с собой и меня. Там осталась мачеха с моим младшим братом Абдрахманом на попечении дяди Ахмед-абзея и Ганей-абзея. За нами приехал демобилизованный с фронта солдат Кярим-абзей. Очевидно, это было сделано так, чтобы легче было ехать до деревни – на железных дорогах в то время, было много беспорядков. До Москвы мы ехали в пассажирском вагоне, а после до Бутылицы ехали долго в товарном вагоне, в котором было холодно, тесно. Встречать нас приехал Барамай-абзей на Чалом. Дорога была плохая: грязь, лужи, снег. На телеге ехали до Тебенкова два дня.

И через полтора года я вновь “ В краю родном, задумчивом и нежном”.

Братья мои Ганей и Хаким должно быть жили в Симферополе около двух лет, после чего Хаким примкнул к кому-то в отряде Красной гвардии и, принимал участие где-то в Туркмении или Таджикики в подавлении врагов Советской власти. Ганей-абзей на короткое время приезжал в деревню, потом вновь находился в Симферополе, а примерно в начале тридцатых годов переехал в Харьков, где жил и работал по буфетной части; уйдя на пенсию, переехал в Люботин, где скончался в возрасте 85 лет /1975 г./. Мачеха умерла в Симферополе примерно в 1920 году, после чего Абдрахман был доставлен в деревню братом Ганеем. Дядя Ахмеджан до своей кончины продолжал работать в ресторане вокзала Симферополь /1921 год/. После его смерти его семья / жена Ашраф и дети Амина, Умар, Усман, Шамиль и Алима/ приехали в деревню и жили одной семьей с нами.

Уж так заведено у татар – после смерти брата, его семью должен содержать брат, являющийся старшим среди других. На основе этой традиции уж давно проживала в деревне в нашей семье жена с 4 детьми умершего брата отца Валея, приехавшая из Петербурга в 1910 году. Она, жена дяди Валея Фазылла-абстутэй, жила в общей нашей семье до своей кончины /1922 г./, а дети оставались с нами. Кстати, мне припоминается то, что в одно и то же время, сколько был нас, детей. В 1921 году нас было: Хаким, я, Абдрахман; дети Валея-абзея: Наима, Мадина, Махузья; дети Ахмед-абзея: Амина, Умар, Усман, Шамиль и Алима – 11 душ! И жили мы мирно и спокойно, чему мы были обязаны нашей бабушке Фатимы. Она, как матриарх, умело наводила нужный порядок среди нас, если и возникали изредка конфликты различного порядка.

В это же время приехал брат Фазукай из Львова с семьей / жена Амина-джингей, дети Алим, Ася и Алия/. Приехал и брат мой Кярим-абзей. Была жива бабушка наша, отец третий раз женился; жила постоянно и сестра наша Махинур. Таким образом, общее количество членов нашей семьи составляло 17 человек. Такой численностью жили года полтора. Брат Фазукай потом отделился, – получил в наследство хозяйство родственницы бабушки Абэсчичи’э, затем отделилась семья дяди Ахмеджана; братья Кярим, Хаким, возвратившейся с Средней Азии, сестра Махинур в разное время поразъехались в другие города. После Отечественной войны Хаким вновь поехал в Симферополь, но вскоре был сослан вместе с крымскими татарами в Узбекистан, где он работал поваром в Алмалыке, заболел туберкулёзом и там же скончался, но до этого он был реабилитирован. Сестра Махинур вышла замуж в Харькове за Фатиха Таканаева. Муж ее после возвращения с войны больным умер, а сама, бездетная, продолжала жить там же, позднее перешла к брату Ганею; умерла в 1975 году. Фазукай-абзей с 1924 года работал по буфетной части в Харькове, после ухода на пенсию жил в Люботине, где и умер в 1968 году. Кярим-абзей жил в Харькове, там же скончался в 1972 году, его жена и дети продолжают жить там же. Брат Абдрахман после службы в армии, работал в Харькове мастером-наладчиком станков, участвовал в Великой Отечественной войне, после чего вернулся в Харьков, работал мастером производственной практики студентов строительного института, сейчас он на пенсии, живет там же с семьей. /1980 год /

Я живу сейчас в Ленинграде, нахожусь на персональной пенсии, со мной жена Зоя, в Ленинграде дочь Лина /работает в институте “Механобр”, сын ее Илья студент политехнического института /на 5-ом курсе/, живет он с нами. Дочь Алия тоже в Ленинграде, живет с мужем Михаилом Кураевым, сын их Артем – школьник 9 класса. Сын Володя с семьей живет в Алма-Ате, /подробности моей семьи будут сказаны позднее/.

ЮНОШЕСТВО /д. Тебеньково/

После приезда из Симферополя в 1918 году в свою родную деревню, когда для меня еще не закончился период отрочества, я стал полноценным помощником у старшего брата Фазукая по ведению крестьянского хозяйства...

Я – внук крестьянина, сын содержателя крестьянского хозяйства, сам занимался с отроческого возраста крестьянством. Пахал, сеял, косил, молотил, любил коня, ухаживал за скотиной. Трудился, что называется, до сладости пота. Одолевал большие трудности и всякие невзгоды, наслаждался результатами своего труда. Общаясь с природой, – охота, собирательство даров земли, интерес к пению птичек, образу деревенской жизни и всей той идиллии, чем так увлекался – я жил увлеченно, деятельно, в надежде на что-то неизведанное. Все это – радость результатами труда и приятное восприятие от общения с природой – возвышало настроение до фантазии с розовым оттенком, что, наверное, и возбуждало поймать синюю птицу.

Мне думается, что мои внуки, их дети и внуки вряд ли испытают красоту того крестьянского образа жизни, которую мне довелось впитать в себя. Вот поэтому так подробно я и описал им свое детство и отрочество, проведенные в деревне и приступаю к описанию своего юношества периода деревни, чтобы помочь им хоть немного восполнить через себя этот пробел, если он окажется у них, то есть захотелось мне приоткрыть для них завесу, чтобы они хоть мысленно представили себе нашу молодость.

В качестве помощника по работе сельского хозяйства я обязан был летом кормить лошадей на выпасах и ночном, водить их на водопой, рубить хворост для русской печи, ездить в лес за хворостом и жердями, заготавливать банные веники и метлы для гумна, липовые веники для ягнят, дежурить ночью по деревне с колотушкой, обрабатывать скошенную траву на сено, вывозить навоз в поле. Все это являлось самостоятельной, раз и навсегда, установленной работой, когда мне было 13-14 лет.

Начиная с 15 лет, я помогал в меру возможности косить, подавать снопы на воз и одонье, метать сено на стог, бороновал вспаханную землю. Начал пахать / вдвоем с братом на 2-ух лошадях/, пилить дрова в лесу, возить дрова из лесу, колоть дрова, выкидывать навоз из конюшни и накладывать его на телегу, молотить цепом и т.п. Вот неполный перечень работ в летнее время.

Зимой я должен был кормить и поить скотину, готовить дрова и топить печи; из колодца, что во дворе Амин, таскать на коромысле воду, очищать двор от снега, заниматься и прочими делами.

Из всех работ зимнего времени я любил скотину кормить и топить печку. Кормил скотину 3 раза в день. Рано утром, до своего завтрака, ставил большую корзину на салазки, брал веревку и шел я в ригу за кормом, шел по собственной моей зимней дорожке, наподобие настоящего зимника. Она отмечалась по обеим сторонам вешками из березовых прутьев, чтобы не провалиться в глубоком снегу. Уже подходя к риге, я вдыхал свежий зимний воздух, напоенный тем особым ароматом, который бывает только в деревне, так незабываемо его жителю, вложившему свой добровольный, безотказный труд, чтобы его результат превратился в нечто пахучую надежду, благодаря чему твои любимые лошади получали бы удовольствие, как это ты получаешь от вкусной еды, например, - кази. В риге всегда по-своему пахло приятно янтарные снопы ржи, красномедная солома гречихи, бледно-латунная овсяная солома и главенствующее над всеми темно-зеленое сено. Поскольку все эти съедобные корма

находятся в одном помещении, то невозможно различить по отдельности: что из них и как пахнет, - слышен только в прямом смысле букет ароматов, как это бывает в татачных и фруктовых магазинах. Но все же тому, кто усердно, от души трудился вырастить хлеба, кто неизменно проявлял заботу и надежду получить высокие урожаи хлебов, кто с огромной озабоченностью убирал выращенные зерновые, дав полностью созреть всему колосу, не допустив потери зерна и порчи его – тому даже малое и незначительное мило душе; поэтому ему этот результат труда кажется дорогим и близким, он относится к нему бережно и любовно к своему достоянию. Вот при таком отношении к своему труду можно различить запахи составляющих общий букетный дух: ржаная солома еле заметна, отдает березовой стружкой, просыная – терпкий запах смоченной пыли, овсяная солома напоминает о себе слабым запахом свежeweымытого пола сосновых досок, а гречишная, - издает какой-то нежно-сладкий дух, какой бывает только на пасеке; более явственно отдает свой букет прелестного аромата сено.

...Корзина набита сеном для лошадей и овец, сдвоенной веревкой с деревянным крюком на конце обвязана какая-либо солома для коров. Сей же час наводится полный порядок: все засоренное сгребается и подметается в соответственную кучу, затем они укладываются по своим местам. В риге чистота, как в зале нашего дома. Поддерживать всегда такую чистоту требовала от меня бабушка. А с ней, как известно, шутки бывали плохи.

Скотина, проголодавшись за ночь, жадно, с хрустом поедает корм. И ты удовлетворен тем, что дал им удовольствие, - ведь ты их любишь, они твои, семьи кормилицы.

После своего завтрака лошадям давал только что принесенную воду, а коровам и овцам поило. Так каждый день по три раза: кормежка и водопоение.

К вечеру немного уставший, немного замерзший я с удовольствием топил печи, принесенными с мороза дровами. Любил топить сосновыми дровами. Бывало, сидишь у печки и наблюдаешь, как загорается полено, и с треском молниеносно вылетают искры, будто на небе падают звезды; по мере горения цвет пламени меняются цвета по-разному у каждого полена, и получается красивое разноцветие в печке. Также по-разному меняются цвета догорающих углей. Сидишь, любуясь зрелищем огня, что всегда бесконечный, раз привлекает внимание человека, и впитываешь его теплоту, наслаждаешься запахом горящей смолы.

Хороша зима в деревне по-своему: работы тяжелой мало, да и вообще мало. На душе спокойно: скотина убрана, впрок питание и семье, и скотине заготовлено, в доме тепло – нет тревоги особых забот.

По всей крестьянской работе моим учителем был брат Фазукай-абзей. Он характером был горячим и сурово требовательным, но при этом всегда проявлял справедливость, опекал от излишне тяжелой работы. Зная, что я прилежно и честно исполняю свои обязанности и отдельные его поручения, он старался в меру возможности выделять меня в семье покупками одежды, обуви, а в периоды затруднений питанием, дополнительной едой в поле во время работы. У него крутой характер сочетался нежной заботой и мягким отношением. Я никогда на него не обижался, но боязнь не вызвать в нем раздражения ко мне неполноценностью выполненной работы, - сопровождалась уважением к нему.

Думаю, что вот такое наше взаимоотношение, справедливая требовательность ко мне послужили основой развития во мне самоанализа и критической оценки в содеянном. Такое формирование в характере развивало во мне прилежание к работе, честность и полноценность исполнения дела, за которое я брался, считая, что: назвался груздем, -

полезай в кузов. Вот этот груздь я нес всю мою жизнь в своем кузове. За все за это я чрезвычайно премного благодарен моему брату Фазукаю. Да, его воспитание и формирование во мне такого характера дали и давали всю жизнь мне благо.

В 1921 году, когда мне исполнилось 17 лет, старший брат Фазукай отделился от нас, считая, что теперь я смогу сменить его, приняв на себя обязанности основного содержателя семьи. По существу, нельзя было считать его отделившимся, поскольку кроме лошади Чалого он от хозяйства ничего не взял.

Таким образом, теперь я должен был не только выполнять всю крестьянскую сельскохозяйственную работу, но стать ответственным за благополучие большой семьи. Отцу минуло 70 лет, он страдал одышкой, да, кроме того, не был приспособлен к сельскохозяйственной работе. Занимался он мелкими слесарно-столярными делами по ремонту. Дав мне полную свободу действий, он никогда не вмешивался в мои дела. Отец мой много охотился, ходил рыбу ловить, собирал дары леса.

Брат Абдрахман подключался в качестве помощника ко мне, но в меньшей мере, чем это делал я, т.к. теперь у нас была одна лошадь /Парашка/.

Бабушка Фатима-абэкэй, которая в то время легко и бодро завершала десятый десяток лет своей жизни, безупречно продолжала выполнять роль матриарха. Она всем распределяла обязанности, всем давала разовые поручения, всем и во всем указывала, если кто-либо хоть немного уклонялся от раз навсегда установленной для каждого обязанности, всех мерила и всех объединяла в дружбе, умело, создавая атмосферу взаимного уважения между всеми членами семьи. Словом: она – всем советчица, судья и глава. Её мудрые советы в решении сложно-запутанных вопросов, не подлежащие к обсуждению поведения, изысканно тактичные замечания, неумолимость отступить от своих приказаний, создали в нашей семье ей культ личности. На протяжении всей долгой жизни – 105 лет от роду – бабушка оставалась незыблемым авторитетом, весьма уважаемой личностью семьи, да и не только нашей семьи, так к ней относились семьи ее сыновей Ахмеджана, Ибрахима и Садыка, которые жили отдельно. Она была и на деревне первой советчицей в семейных и общественных делах. Она любила двор, гумно, скотину, птиц; в них и для них всегда находила себе работу. Была она набожна: ежедневно 5 раз отправляла намаз, никогда не пропускала уразу /говенье/ в рамазан. Знала бабушка много и отчетливо о старине, что для меня являлось своего рода курсами в удовлетворении моих желаний знать обо всем.

Мачеха Айша, третья после умерших Шахиры и Махиры, занималась приготовлением обедов и прочими домашними делами. Она – тихая, ко всем приветливая, к нуждам и запросам членов семьи она относилась внимательно, желая их исполнить; постоянно и искренне заботилась угодить всем своим беспокойным трудом.

Снискав к себе большое уважение своим добрым отношением, все домочадцы относились к ней должным образом: слушались беспрекословно, стремились ей помочь в чем-либо, почитали, как родную. Советовались с ней, просили в чем-то позволение, для чего она не была лишена мудрости.

Сестра Махинур /старше меня на 5 лет/ имела обязанность по уборке комнат; стирке белья, мытье посуды и полов и прочее. Во всех этих делах к ней подключались в помощь наши двоюродные сестры-сироты /дети брата отца дяди Валея и Фазыллы-абстутэя/. Махинур любила вышивки и вязанья кружева, которыми она украшала полотенца, скатерти, постельные принадлежности. Играла хорошо на гармошке. Махинур была красива и стройна; обладала мягким, веселым нравом, ко всем проявляла чуткость, ласку, внимание, была готова помочь любому своей нежной

добротой, трудом, материально; отличалась необыкновенной учтивостью, тактом и выдержкой.

Двоюродные сестры – Наима, Мадина, Махузья – как я уже говорил, помогали сестре Махинур, /они были моложе меня/ по домашним делам; а в период уборки сена, работы на току, вся семья принимала участие.

Содержателем вот такой семьи – 9 человек – я и стал с 17-летнего возраста на протяжении 5 лет. Физически я был здоров и крепок, прилежания к работе и умения вести дела хозяйства мне не нужно было занимать, – брат Фазукай оставил мне в этом деле хорошее наследие; ответственность за судьбу семьи никогда не покидала меня. Думаю: все это явилось в основном достаточным, чтобы оправдать свою роль содержателя большой семьи.

Но это для меня выяснилось в какой-то мере потом – спустя несколько лет. А вот в момент ухода от нас содержателя семьи, брата Фазукая, я не знал: смогу ли обеспечить благополучие моих родных всем тем, что и как это бывало при старшем брате, - ведь ему было 40 лет, а мне всего 17! Сельскохозяйственную работу я знал, – меня эта сторона не тревожила, а для содержания хозяйства и семьи требовались заработки, работой вне своего хозяйства – эта сторона меня беспокоила. /правда, брат Фазукай говорил отцу, и мне, и бабушке, - буду помогать по этой части Каюму, “ втяну его на заработки”, - говорил он. И свое обещание выполнил с честью.

Тревога моя о судьбе семьи мобилизовало меня безотказно заботиться о ней, часто отказываясь от многих увлечений, свойственных юношам.

Итак, назвавшись содержателем моих родных, я взялся быть ответственным перед ними.

ПОЛЕВОДСТВО.

Поскольку экономической основой крестьянского хозяйства является полеводство, а всему голова – хлеб, то вся работа и главная забота хлебороба в полеводстве направлена на выращивание хорошего урожая и удачную обработку его до сусека. Это приобретает особое значение, если, как это у нас, посевные площади ограничены, а сама земля не балует урожайностью – она супесчаная, легкая, с большой фильтрующей влагу способностью. Вот это основополагающее в жизни крестьянина мне пришлось испытать сполна и горечь всяких неудач, и радость душевную достижением приличных результатов неустанного труда, оставшись один на один со всеми капризами природы, её возможностями.

На семью в 9 человек своего хлеба не хватало. Вот отсюда, я и должен был в таком раннем возрасте впитать в себя вечные стремления землепашца о достижении максимально хорошего урожая и тревоги в достижении этой цели, сохранности выращенного хлеба.

УРОЖАЙ.

Чтобы получить его наибольший, надо было очень долго, очень много вложить безотказного труда, труда с предельной отдачей энергии вне всякой зависимости от погоды, настроения и даже состояния здоровья; нужно было не только хорошо обработать тебенковскую землю, но требовалось и умение обращаться с нею. В этих целях мы вносили органическое удобрение с максимальной сохранностью его питательных качеств; вспахивали землю и бороновали её в такое время и так быстро,

чтобы как можно больше сохранилась её влажность до всходов посева, и чтобы они, образовав тень, укрыли землю против высыхания её. Для этого пахали и бороновали землю 2-3 раза, превращая ее на поверхности в плотное состояние, а под низом этого плотного слоя, - легкое, рыхлое состояние. Для посева отбиралось самое сильное зерно: крупное по величине, тяжелое плотностью. Посев зерна вручную – горстью, набирая его из лукошка, – требовал большой сноровки в равномерности распределения и густоте всходов. Требовалось умение правильно определить глубину захоронения зерна в почве в зависимости от её влажности и температуры. Желание получить приличный урожай, нам нужно было для одного гектара земли пройти 140-150 километров, из них 120-140 держа соху навесу, по нескончаемым бороздам... Парашка идет вдоль борозды ходко, но с натугой. Влажная земля отблеском отливается лемехом бесконечной лентой, пока не дойдешь до конца загона, а ты идешь по только что, образовавшейся борозде, не спуская глаз, боясь допустить огреха. Твоя лошадь вся в поту, но и ты не отстаешь от неё, желая не допустить излишней трудности ей захватом не нужной глубины, – вот и держишь соху навесу. По мере продвижения твоей борозды вперед, - сзади тебя вереница грачей, галок, скворцов, наперебой промышляющих пищи для своих птенцов. А ты идешь и радуешься тому, как пласт борозды опрокидывается плотно на только что, пройденную борозду, предвещая сохранить в почве влагу, питательные элементы навоза и превратить под этим пластом в удобрение всякую запаханную растительность. Дошел до конца загона по только что, вскрытой тобой кормилице, приятно чувствуя её прохладу, и не замечаешь того, как напряженно руки держали соху навесу. Только теперь почувствуешь облегчение в руках: лошадь остановилась, пласт с лемеха сброшен, лемех, поиграв зеркальным блеском, переставлен на другой сошник. Моя Парашка, поняв законченность выполнения мною этих элементов пахоты, сама совершает разворот на 180 градусов и сразу же, напрягаясь всем корпусом, наваливается в хомут, чтобы, отдавая в него свою силу, сделать еще новую борозду. Она идет ровным ходом, только в самом конце загона поторопится, зная, что пока я сброшу пласт, переставлю лемех, с ней сделаю полукруг, ей представится немного передохнуть. Так челноком, туда-сюда, пашешь землю, делая за длинный день, 35-40 км, а то и 50 км. К обеду или поздно вечером Парашка заметно устает, много потеряла влаги потом, да и голод уж начинает одолевать. В результате, - у неё иссякает запас силы – пора дать отдых...

Если Чалый был неустанным в работе, но опасен в беге, могущий перевести его на разнос, неудержимость, то Парашка, как и все старательные, безотказные лошади, могла дойти до полной отдачи всей энергии. Она была меньше среднего роста, не обладала, как Чалый, Туркай или Усман силой. Но своей старательностью в работе, она выполняла ту же работу, что и они. Вот почему надо было внимательно относиться к ней, чтобы не довести до полного изнеможения. В противном случае она станет, и не сможет сделать даже ни одного шага, если бы и применял понуждения на это любыми средствами – у неё не было бы силы, для этого; она не смогла бы долго есть – не было бы и на это силы, - даже разжевать кусок хлеба.

В своих трудах Дарвин говорит, что в мире только 2 животных способны отдавать силу свою до последней капли – это человек и лошадь. Мне не раз доводилось замечать в лошади такой безоплатной отдачи последней силы. Такое происходило в тех случаях, когда конь больной, заморен бескормицей или хозяин безразличен к состоянию коня. /замечал у некоторых в деревне, и тогда, когда я работал в Лениногорске/

Итак, чтобы дать отдых Парашке, да и сам порядком заморился, – рубашка на спине мокрая, идешь домой героем, вдыхая с удовольствием пот коня, ведь мы оба поработали на славу, до обоюдной усталости; но, невзирая на это настроение у нас бодрое: Парашка сделала 500 борозд и ни разу не сбилась с борозды /это подстать Чалому, Усману/, и теперь предстоит получить порцию овса или месиво, /смоченное сено, обильно перемешанное мукой/, а я горд тем, что и сегодня материализовал свою надежду на хороший урожай.

Так изо дня в день пахать, пахать и еще много дней пахать и бороновать, делая ежедневно до 35-50 км, постоянно помогая своей Парашке, держа соху на руках.

Наступает время сева. Взмахом руки рассыпаешь золотые зерна в землю, и каждый раз думаешь: хорошо ли рассеял, будут ли ровные, дружные всходы. Убеждаясь тем, думаешь, будет ли год урожайным. И с каждым взмахом руки, надеешься на урожай.

Посевы надежд закончены. Длительный, изнурительный твой труд как бы спрессован в них – надеждах, поскольку он, твой труд, по видам полевых работ наслаивался друг на друга во взаимных связях, венцом которого явился процесс сева. Теперь наступает период бездействия на урожай, и твои надежды на него более тревожны до жатвы хлебов. Все зависит от природных условий! Тут уж сеятель не причем. Вот он и думает, и гадает: вдруг до всходов озимых земля высохнет, тогда зерно не даст ростка...так недалеко и до заморозков; в таком случае за зиму много зерна погибнет, весенние всходы будут редки, земля высохнет с весны – урожая не видать. А что, если всходы задержатся, и в момент образования ростков ударят ночные морозы...все пропадет! Может же быть и так: всходы хорошие, но ростки не успели куститься – ударили морозы, выпал снег, и в этом случае хлеба будут редки, влага в земле не сохранится. Может случиться и так: озимые взошли дружно, кустились хорошо, но досрочно наступили большие морозы, а снега все нет и нет...корни наморозятся – не быть урожаю. А вдруг да...мало ли что, может...тогда гибель посеvu – не бывать хлебу... Семья останется в нужде и голоде.

Вот почему сеятель, затаив сокровенную надежду, с нетерпением ждет всходы посеянного, наблюдает: в каком состоянии озимые входят в зиму. Осень прошла благополучно, зима наступила нормально – опасность минула. С весны вновь возвращается тревога за озимые, а немного погодя наслаивается она и за яровые.

Постоянная тревога о судьбе урожая приковывает внимание хлебороба в течение всего лета. С наступлением весны твой спрессованный труд прошлого лета как бы начинается теперь в обратном направлении, посвященный на получение хорошего урожая. С постоянной надеждой начинаешь следить, как кустится озимая рожь и яровые злаки, замечаешь быстрый рост толстого стебля, а через некоторое время стебель пошел в темно-зеленую трубку, которая сможет удержать тяжелый колос. Смотришь: немного погодя, после благодатных дождей, трубка выбросила большой четырехгранный колос. Пройдет совсем немного времени, и в погожие дни дружно зацветет сначала рожь, после овес, просо и гречиха. Знаешь, - цветение – начало наливу. Пристально замечаешь, как изо дня в день влажная земля наливает зерно своим магическим живительным соком, как все ниже и ниже кланяется тебе колос, отяжелев от своей полноты хорошим питанием земли. Видишь постепенное изменение цвета стеблей ржи: густо-зеленые стебли начинают все больше и больше бледнеть, приобретая сначала червонно-золотистый оттенок с переходом перед жатвой в золотые соломки.

Скоро жатва. Небольшое дуновение ветра нежно колыхает ниву, будто золотое море волнуется тихо, очаровав твой взор до волнения души. Нива торопит хлебороба к жатве.

Вот и наступает только теперь конец разворачиванию твоего труда, вложенного для блага семьи.

Так наступает конец разворачиванию твоего труда, вложенного добровольно, с большим увлечением и старанием.

Все это, происходящее в поле, радует твою душу, дарит несказанное удовлетворение тебе, поскольку кажется, исполняется твое заветное желание о хорошем сборе урожая, что вдохновляет на еще большее прилежание к работе ради благополучия твоих домашних.

Но может оказаться и обратное. Если за лето в нужное время не выпадут обильные дожди то тебеньковские земли, легко фильтрующие влагу /песчанистые/ дадут худшие урожаи, чем в соседних деревнях. Рожь и просо не будут куститься, стебли их будут низкорослыми, зерно ржи не нальется до полного веса. Труд сеятеля останется вознагражденным. Может случиться и так: благоприятное лето вырастило урожайные хлеба, но перед жатвой ливневые дожди положат их на землю, а затяжные забьют колос в землю – зерно на корню начнет преть и расти. Вот почему крестьянин так тревожно надеется не только на хороший урожай, но и на удачную жатву.

Итак, наступила жатва. Какое это слово ёмкое! Как оно волнует сеятеля, как много в нем значений горечи, радости и неопределенности! Тревога не покидает полевода от начала жатвы и до конца жатвы. Для него важное значение имеет правильность определения, как первого дня жатвы, так и последнего, чтобы полноценно и без потерь собрать урожай. При этом надо иметь в виду, что эти два волнующие хлебопашца вопросы противоречивы между собой. Погоня за максимальной полноценности сбора урожая – дожидаться полной зрелости зерна во всем колосе – может привести к осыпанию самой сильной, крупной части зерен колоса. Дело заключается в том, что процесс налива зерна в колосе происходит по времени снизу к верху. Если, боясь осыпания зерен нижней части колоса, начать досрочно жатву, то в верхней части колоса зерно окажется тощим, маловесным. Поэтому приходилось выбирать золотую середину, в зависимости от погодных условий. При устойчиво сухой, жаркой погоде жатву начинали с того времени, когда зерно в средней части колоса почти затвердело. В таком случае, у основания колоса зерно еще держится крепко в оболочке шелухи, а в конце его созреет до полного веса в снопе; что произойдет за счет впитывания живительных соков стебля и колоса.

Жатва осуществлялась серпом быстро, интенсивно, с какой-то особой жадностью, чтобы не допустить увлажнения снопа ни росой, ни дождем. Снопы укладывались в крестцы /17 штук, крест на крест/, которые хорошо проветриваются, благодаря чему солома и колос легко высушиваются, - происходит дозревание и сохранность зерна. Только после окончания этого процесса – дозревания – снопы вывозились на гумно, где мы складывали в риге на скирду.

Теперь уж можно считать: твой хлеб в сусеке, - никакие погодные условия не страшны! Обмолот произойдет в хорошие погодные условия осени, – обычно это наступило в бабье лето.

Наконец-то, вот он, твой раскрученный, некогда сжатый длительным временем, труд, - вновь приобретенная надежда твоя на будущее.

Вот теперь и кажется, тебе сладостным свой пот, который до этого, быть может, по недомыслию не раз приводил к состоянию досады и огорчения, вызывая обиду на свою судьбу земледельца.

Как бы не старался делать хороший урожай хлеба, все же его не хватало до нового урожая. Причинами чему являлись: земля не достаточно плодородная сама по себе; минеральное удобрение не вносилось в землю, агротехника была отсталой – трехпалая система, вспашка сохой, зерно для посева не выводилось в зависимости от агрофона, да к тому же семья большая /9 человек/.

Поэтому я был обязан поздно осенью и всю зиму работать на своей лошади по найму, чтобы мог купить или за работу получать хлеб; изыскивать другие возможности для приобретения его. Кроме него всегда немало нужд в семье, деньги нужны для покупки других продуктов питания, предметов домашнего обихода, хозяйственного инвентаря, мало ли чего прочего. Вот и приходилось работать дополнительно к сельскохозяйственной работе. Возможно, поэтому во мне возникали страстные желания добиться высоких урожаев хлеба.

Правда, все эти виды заработков не были, как летом, очень тяжелыми для меня, но являлись они достаточно изнурительными, требующими терпеть невзгоды различного порядка.

ПОЕЗДКИ ЗА ХЛЕБОМ.

Я уже говорил: своего хлеба не хватало. Вот и приходилось промышлять хлеб насущный. Как это делать, мне в наследство оставил отделившийся от нас брат Фазукай. В свои поездки за хлебом он брал меня, своего подручного по сельскохозяйственным делам, с собой.

После окончания полевых работ, поздней осенью в компании в 2-3 подводы мы совершали поездки в села и уездные города Тамбовщины, в которых устраивались большие базары. Там покупали рожь, пшено, конопляное масло за те деньги, что появлялись от продажи чего-либо или от работы, чем приходилось заниматься по найму в относительно свободное летнее время. Или приобретали эти припасы обменом на стекло, чугунные изделия домашнего обихода. Это совершалось следующим образом. Со своим хлебом ездили за оконным стеклом в Гусь-Железный, а за чугунными изделиями, - в Сынтул. Такие промышленные товары рабочие получали вместо зарплаты, хлеба они почти не сеяли. Домой возвращались через 2-4 дня. С этим товаром – стекло, чугунные горшки, паровые утюги, сковороды, предметы печки – или с деньгами отправлялись в Тамбовскую губернию – Сасово, Шацк, Моршанск /уездные городишки/ и Дворики, Алгасово /торговые сёла/. В этих поездках моими товарищами бывали: Шаркю'э Гэрей /тебеньковский/ и царицынские однокашники: Шакир Кузахметов, Исмаил Дуймакаев, Абдулла Давлицаров.

Приехав под базарный день в намеченный населённый пункт, останавливались в постоялом дворе, где всегда находились скупщики наших товаров, с которыми мы и договаривались о продаже или обмене их. В базарный день тем или другим путем приобретали нужное нам и возвращались домой.

Оставив дома масло, пшено и часть ржи /муки/, остальное либо продавал на базаре в Касимове, либо возил в Гусь-Железный или Сынтул на обмен промышленных изделий, чтобы на них вновь в тамбовской стороне обменять на хлеб или продать там, а потом купить себе то, что нужно.

Поездки в Тамбовщину были довольно долгими – километров 250-300, что занимало у меня 10-12 дней с коротким сном в ночлегах постоянных дворов или у знакомых моего брата. Такие поездки обычно совершали с середины сентября по ноябрь, а потом, переждав бездорожье, повторял еще такие челнокообразные пути с конца декабря до февраля.

Таким образом, на стыке двух смежных месяцев мне удавалось совершить 5-7 поездок. С февраля цены на хлеб повышались, и ездить за ним становилось невыгодно. Начиная с февраля, я нанимался извозничать грузы между Касимовом и Рязанью, то из леса в Касимов, то еще что-нибудь и куда-нибудь.

Эти поездки в Тамбовскую губернию во мне оставили приятные воспоминания, представление о которых может вызвать определенный интерес.

Мои первые поездки за хлебом, происходившие на стыке сентября-октября, совпадали с тем замечательным периодом года, который так ласково именуется деревенским народом – бабьем летом!

Вянет земля – приходит бабье лето в осени; можно подумать, - оно вступает в спор со сменщицей и всячески доказывает, как еще оно в силе.

Бабье лето! Соль поэтично оно! Как в нем много проявляется деревенская идиллия. Насколько с ним связано воспоминаний о красоте деревни. Это, пожалуй, самое прекрасное время года для крестьянина: дивная красота природы, блаженство отдыха и созерцание материализованного труда. В эту пору у крестьянина закончены все работы в поле, на лугах, в лесу; наступает отдых всем, приходит веселье; начинаются свадьбы, праздники, гостеприимства; продажа излишков, покупка нужного.

Все это гармонирует стоянием отличной погоды: сухо, нет жары, нет холода, кругом тихо. Осень, подарив людям бабье лето, вселяет им приятное настроение, но в эту пору и не забывает своей обязанности: что и как надо изменять явления природы.

Листва как-то незаметно бледнеет, ссыхается и осыпается с ветвей. Всюду можно любоваться пунцовыми вязами, и побагровевшей черемухой, и золотистыми липами, и желтыми кленами с верхушками, подернутыми как бы алым пламенем; по опушкам лесов или закрайкам болот осинник стоит одетый во все цвета, от светло-лимонного до малиново-красного. Поразительно разнообразны цвета у голубки; какие-то темно-красные, голубовато-фиолетовые и сизо-зеленые краски придают её кустам совершенно фантастический вид. Сильно запестрели уже березы, скоро их примеру последуют другие породы деревьев. Когда все это ослепительно ярко высветит и пригреет солнце, говорят у нас: пришло бабье лето.

И оно последним ярким, хотя уж холодноватым, как блеск слюды, сиянием солнца, с чистой синевой неба, промытого прохладным воздухом, с летучей паутиной и палым, повялым листом, засыпающим опустелые воды и поляны. Березовые рощи стоят, как толпы в хороводе девушек, в шитых золотым листом полушалках. В такую пору бойкими голосами начинают перекликаться зимующие у нас синицы, дрозды, защечбечут пролетные стайки щеглов, чижей, зябликов – и осеннего безмолвия, как и не бывало. Вот какие чудеса делает у нас бабье лето.

Дневной отдых мы устраивали где-нибудь на укромно-живописном месте: на берегу речушки, у какого-либо ручья или возле опушки рощи, дубравы, чем характерен этот край. Это бывало неподалеку от населенного пункта, но с неприметным условием наличия хорошей кормежки и чистого водопоя для коней.

Порядком, уставшие кони сначала с удовольствием разминают натруженное тело, повалившись вволю на траве, потом они долго потягиваются, чтобы полностью расслабить мышцы; они, почти, прикоснув ноздри к воде, с недоверием, внюхиваются,

в незнакомом для них месте, и только после этого большими глотками напиваются досыта студеной водой. Сделав глубокий вдох-выдох, отходят в сторону, чтобы жадно отщипывать сочную прибрежную траву, удивительно ловко перебирая ее бархатисто-нежными губами.

На каком-то живописном месте горит у нас костер: варится каша, закипает чай. Каша из пшена Тамбовщины особенно вкусна, она обладает замечательным ароматом и вкусом. Насладившись ею вдоволь, можно и понежиться на солнышке, ласковом и нежном, что бывает в эту пору, пору бабьего лета.

Бывало, лежишь под кустиком и чувствуешь полную тишину дня, только временами слабо шелестят под тобой опавшие листья и сухая трава. Лежишь и всматриваешься в осень на кустарниках, деревьях, на которых она, золотая осень, так мастерски искусно разукрасила красками дивных цветов их листья, недавно бывшие в зеленом наряде. Вокруг тебя полнейшая тишина, ничто не отвлекает твоего внимания шумовыми звуками, если не считать милый слуху крестьянина хруста на зубах коней перемалываемой травы. Когда лошадь энергично ест корм, - она набирает силу для предстоящей работы, в данном случае в тебя вселяется уверенность об успешном твоём продолжении твоего пути.

На кустах и деревьях нет уже того гомона и суеты разных пичужек, которыми такие места изобилуют с ранней весны до осени. Им осень напомнила своими действиями на природу и погоду о приближающейся грозной поре, и пернатые теперь собираются в стайки и большие скопища, чтобы тренироваться к дальним полетам, – покинуть свою родину. Только изредка, бесстрашные оседлые синицы, да вездесущие воробышки, юрко перемещаются в кустах, промышляя себе что-то нужное, а то, наклонив голову, любопытствуют одним только общим глазком на тебя, незваного пришельца к их владениям.

Тишина от беззвучности воздуха, усиленная голубизной чистого неба и яркостью солнца, особо располагает ко сну, расслабив тебя от всего – всякого дела и прочих дум.

Лежишь и созерцаешь в полу сознании на небо, не задаваясь вопросом: какое оно, где оно начинается и где кончается? Пристально всмотревшись на небо, начинаешь замечать, как повсеместно на нем находятся, оказывается тихие, медлительные паутины “пряжей богородицы”, - будто беззвучно мирные жители воздуха, которые то плавно перемещаются с места на место, обмениваясь своими обителями, то некоторые из них мирно – чинно, не спеша, удаляются куда-то, делая замысловатые лабиринтные пути, как будто прячут концы в воздухе, а то все сразу тронутся с насиженных мест, можно подумать, - испугались кого-то. Это очень маленькие паучки-летчики пустились в дальние путешествия. Размножившиеся за лето, эти паучки для расселения забираются на кончики стебля травинки или на веточку, выпускают пучок легчайшей паутинки, и, отделяясь вместе с ней, переносятся на большие расстояния, даже самым незаметным потоком воздуха. Долго и пристально смотришь на них, смотришь, исключив всякие думы из головы. И овладевает тобою дремота.

И вдруг твое полузабытьё, окутанное спокойной дрёмой, пробуждается сладостным звуком, долетающим откуда-то издалека до твоего слуха. Обращенное к небу внимание улавливает спокойные переговоры между собой журавлей. Они где-то летят в направлении юга. Судя по многоголосью этих удивительных, так прекрасно поэтизированных птиц – милых для слуха курлыканий – должно быть стая очень большая. И вот, вдали горизонта, будто на бредущем полете, в нашу сторону

направлено острие огромного треугольника, а позади него еще несколько кажущихся все меньших и меньших треугольников. Это наши журавли покидают общую с нами родину...

Незабываемое, замечательное зрелище – организованный полет журавлей! Стаи журавлей высоко на небе растянули цепочки треугольников, которые движутся непрерывно один за другим, равномерно размахивая сильными крыльями. Стройные шеи и длинные ноги у них вытянуты по одной прямой линии, и вся масса этих грациозных птиц, как бы плывет единым строем, не мешая, друг другу в воздухе, изредка переговариваясь гортанным голосом. Вот они, строй за строем, пролетают гордо, в то же время как-то уныло, надо мной. А там, где-то далеко от меня, вдруг возникает суматоха у первого строя, они чем-то взволнованны, в разнорядной закурлыкали. Что же это могло случиться? Может быть, внезапно водоем с мочажинами /любимое место кормежки/, или сбились с курса полета, и по цепочке передана команда вожака об изменении направления полета, не нарушая строя, а может быть изнуренная долгим полетом, молодежь запросилась на отдых? Кто знает? Но тревожное курлыканье вызвано не без причины... Отлет журавлей почему-то всегда наводит нас на какую-то нежную грусть. Всегда становится по-особому жалко провожать их куда-то в неведомую даль. Загадочно их курлыканье. О чем они говорят, что выражают они этим “ курлы-курлы ” осенью? Прощаются ли с нами, или успокаивают нас обещанием скоро вернуться, – как только станет тепло? А может, они жалуются на вынужденную разлуку с нами, чреватую со всякими опасностями на трудном пути?

Всегда загадочное курлыканье журавлей уводил меня в их таинство, уводил куда-то в далекое прошлое, и еще более в неведомое, - туда, куда они, так вытянувшись, устремлены в будущее. Что там для них?

К журавлям у меня с детства возникло особое близкое чувство. Мой отец говорил: “ Я никогда не стрелял по журавлям. Мне жалко убивать таких красавцев. Вы бы только хоть раз увидели их весной, как они токуют в брачном наряде – до чего же в этот момент они смешны, наивны и забавны! Тот, кто любовался ими в таком состоянии, он никогда не подымет на них ружья. Они достойны всяческого уважения. Надо их беречь”.

Я унаследовал благородное чувство отца к журавлям, чем бесконечно я всегда гордился. Сколько бывало случаев на охоте встретиться с ними, никогда я не стрелял по ним; даже тогда, когда возвращался с охоты, несолоно хлебавши.

...Бывало, едешь в Тамбовщине по ровной, как стол, без колеи черной дороге, будто только что уложен горячий асфальт, и наблюдаешь за работой ветряка, возле которого выстроилась очередь подвод приехавших крестьян молотить зерно. Здесь мы делаем остановку, чтобы обменять свой товар на хлеб...

Подъезжаем к селу. Вон там, в риге идет молотба. Мы и туда заглядываем, – не состоится ли здесь обмен... Молотба тамбовских крестьян, отличается от нашей. Эта одна из тяжелых крестьянских работ производится здесь вшестером. Здоровые мужчины и не менее здоровые женщины, становясь по трое в ряд лицом к лицу, и так усердно молотят цепями снопы, что в них не только не остается зерно, но и сами они превращаются в хаотическую массу в ворохе.

Среди ритма сильнейших ударов бит, сила удара ведущего выделяется своим уханьем, будто снопы стонут более жалобно, чем от ударов других молотильщиков. Молотба вшестером требует от каждого строгого соблюдения ритма ударов, большой траты силы. Стоять в стороне и смотреть как ловко, играючи, работают

молотильщики, - восхитительно и нельзя досыта не налюбоваться: бывшие, только что, одинаково стройные снопы в момент превращаются в бесформенный ворох измятой соломы, а под ним, как мелкий ураганный дождь осыпаются буро-золотые зерна. Работа у них спорится, настроение веселое, которое непрерывно поддерживается ведущим то остротами, то подтруниванием, а то крепким мужицким словом. Если стоять в стороне и все это пристально наблюдать, вслушиваться в ритмы ударов и в различие звуков от них, - нетрудно воспринять музыку труда: цепи в умелых трудовых руках, издающие ритмичные различные мелодии, меняющиеся с определенными интервалами в тембре, можно представить себе и "наличие" различных музыкальных инструментов. Различие тембра и мелодий разных оттенков зависят от волнообразных сил ударов, состояния обмолачиваемых снопов и слаженности ритма ударов.

Как-то раз я пробовал втиснуться музыкантом в состав такого оркестра, но от неумения "играть", я сразу нарушил ритм, за что немедленно был исключен ведущим и поднят на смех всеми работающими, - мы умели молотить вчетвером.

В селениях тех кругов Тамбовской губернии, в которых мне доводилось бывать - крупных, длинных, в 2-3 версты - севооборот осуществлялся на полях огромных массивов. Это, прежде всего, сёла Дворики, Алгасово, Шацк и другие. Едешь, бывало по грунтовой дороге, словно натянута черным покрывалом, совершенно розовой глади, а где-то по обеим сторонам восхитительные пары, которым нет ни начала, ни конца, ни края. Видишь только бесконечно длинные ленты-борозды плуга, ровно и плотно уложенные в безграничные ряды, которые черным блеском отражают солнце масленично-плотной поверхностью.

Смотришь на эту черноту земли, пропитанную будто дегтем, невольно возникало желание с доброй завистью иметь такую и нам /ведь наша земля песчаная/. Едешь и любишься черноземом, думая о его могучей силе родить большой урожай.

Пары - последняя полевая работа осени. В наши поездки она бывала уже законченной в самом отличном виде - ровно, чисто, аккуратно.

Осень давно уж внесла существенные изменения в образе жизни пернатых, продиктовав им свои права. На парах заканчивают им свои права. На парах заканчивают последние дни жировки перелетные птицы грачи и скворцы, промышляя все что, может, подходит. Они давно уже обучили своих потомств самостоятельно находить пищу. И теперь они сбились в большие стаи с распадом семейств, чтобы сообща и готовиться к перелету, и держать дальние пути. Для чего происходят коллективные облеты окрест: укрепляют крылья, тренируются к выносливости, приучают молодняк к законам стаи.

Вот вожак грачей дает тревожный сигнал, и стая мгновенно взлетает в беспорядке, в воздухе шум, гам, суета: все о чем-то галдят; орут просто. Летают они хаотично, мешая, друг другу, и никак не могут построить нужный строй полета. Наконец, только властные и настойчивые окрики стаю в относительный строй и на определенное направление перемещения в воздухе. Несколько утихает также ее гвалт, вероятно исчерпав запас ругани. Налетав положенное время по сигналам вожаков, стая опускается где-нибудь на отдых или на кормежку.

А вот скворцы быстры на реакцию. Достаточно одного сигнала на подъем, как моментально все ложатся на крыло, подумаешь, ураган смел их с лица земли. И удивительно то, что по какому-то особому чутью все они синхронно, упорядоченно держатся в воздухе в прямолинейном направлении. Все, как один, в единое время меняют курс полета. Стая долго будет мотаться молча на небе быстро плывущей

черной тучей, то и дело, закрывая солнце своей массой, а потом, где-то далеко впереди она внезапно бросится огромным комом на озимь поживиться чем-нибудь.

Вот доезжаем мы до очаровательных, безбрежных озимых. Это черный колоссальный бархат, густо нанизанный ворсом зеленого шелка. Яркие, сочные, ровные ворсинки, как будто стрижены под ежик, торчком тянутся к солнцу бабьего лета. Пока оно дарит благо, ростки торопятся укрепиться в земле, набрать силу от неё, чтобы весной порадовать сеятеля дружным ростом, хорошим кущением, обещая большой урожай.

Едем долго, наблюдая за повадками птиц, за красотой окружающей нас природы. Вечереет. Пора остановиться на ночлег у того села, на околице которого чем-то заняты женщины. Они, нагнувшись в разные стороны, передвигаются кто куда, производя какую-то работу: и только изредка на секунду выправляются, чтобы вновь нагнуться. Подъезжаем ближе к ним. Оказывается это они, пестро одетые крестьянки, с босыми ногами, высоко подобранными подолами за пояс на боку, перестилают стебли конопли на мочажине вдоль речки, чтобы они хорошо сопрели, а еще лучше, - сгнила соломка внутри. Только в таком случае становится возможным теребить стебли конопли, отобрав начисто волокна по всей длине. Кудель будет отменной, а значит домотканое полотно, канат, мешковина будут прочными.

Наблюдать за обработкой конопли мне было интересно, поскольку такой культурой мы не занимались.

Ночуем у наших знакомых. Избы, надворные постройки у тамбовских крестьян совершенно иного склада против наших рязанских. У них все строение представляет собой единую постройку всего комплекса недвижимого хозяйства под одной соломенной крышей. Четырехстенная изба, продолжением которой /по красной линии устроен крытый/ двор-сарай с воротами с улицы; во дворе-сарая встроены конюшни, коровник, овчарня, погреб. За таким комплексом, - огород, гумно с ригой. Изба – из 4 стен жилище – с окнами и на стене противоположной стороны от двора-сарая. Вход в избу со двора. Таким образом, изба служит кухней, столовой, спальней и временно зимой овчарней для ягнят, и телят, и для поросят. Внутренняя обстановка состоит: из нар вдоль стен, снабженных окнами, на стыке которых, - стол со скамейками, у глухой стены, - большая русская печь, возле которой подвешены полати. На полу, - лохань, над которой умываются, моют посуду, бросают в неё все съедобные отходы; содержимое лохани – пойло для коров. Посуда деревянная и черепичная. На стене вешалки для одежды и в зимнее время для сбруи. Полати, нары и надсводная часть печи служат предметами для сна; внутренняя часть нар является местом хранения разной утвари, одежды, обуви и продуктов питания. Русская печь выполняет комплексные функции: обогрева, приготовления пищи, сушки носильных вещей и зерна, теплой постели; под печкой полое, сводообразное пространство для инвентаря по обслуживанию печи. На Красном углу – иконы, обставленные лампадами. Над столом подвешена трехлинейная керосиновая лампа. Стены надворных построек сооружены из третьесортной древесины или оплетены прутьями и обмазаны глиной; да и сама изба сложена не из таких добротных сосновых бревен и досок, как это делается на Рязанщине. Такая примитивность в строительстве дома и надворной постройки в тех местах Тамбовской губернии объяснялась отсутствием подходящих лесоматериалов, поскольку там нет лесных массивов, а Рязанская область богата ими.

Но риги у тамбовских крестьян – полная противоположность к своим жилищам. Они капитально строительством, опрятны содержанием; сделаны прочно, добротно, удобно в них работать, обеспечивают они полную сохранность собранного урожая, обмолоченных отходов для кормления животных. Порядок в риге поражал своей

опрятностью, чистотой: все виды соломы аккуратно сложены в отдельные скирды; мякина и колосья ржи, проса, овса уложены отдельно в свои закрома; инвентарь молотьбы – цепы, грабли, метла, деревянные лопаты, совки, загребала, – висят и стоят на закурках; ток изумляет своей чистотой, ровной поверхностью.

Тамбовский крестьянин с большой любовью относится к полю, отлично понимает землю; отсюда, и награда ему большая – земля дарит высокие урожаи. Также он любит то место, которое принимает результат его длительного труда – ригу. Поэтому так заботливо он относится к риге, проявляя надлежащий уход.

Тамбовский крестьянин во многом отличался от наших способом обработки земли, укладом домашнего быта и характером в общении с людьми. Нам было известно, что в тех уездах, в которых мы приобретали хлеб, совсем недавно свирепствовала банда Антонова /1919-1921гг/. В народе много бывало разговоров и всяких толков о зверствах этой банды. Когда мы останавливались на отдых в селах Моршанского уезда, например, в селе Дворики, нам хотелось узнать о бесчинствах антоновщины, но приютившие нас своим очагом, проявившие всякое добродушие от бесед на эту тему неизменно уклонялись. Эти крестьяне вообще очень склонны делать добро человеку, они сдержанны, серьёзны, малоразговорчивы, рассудительны. Такое их поведение замечалось во всем...

Я любил ходить по базарам уездных городов или больших сел Тамбовщины. Бывало, ходишь и все замечаешь, что и чем отличается от нашего, касимовского базара. Вот распряженные очень высокие ростом лошади, привязанные у задранных оглобелей к передкам саней. Они лениво разжевывают овсяную солому, или мелким хрустом энергично перемалывают овёс, /у них сена почти нет/. Нам кажется странным видеть такого коня, у которого необычно длинные ноги, на короткой шее огромная голова, не пропорциональна к росту короткий корпус. Это – аргамаки; очень сильные рабочие лошади, обладающие достаточной резвостью в беге. На санях с предметами продажи чинно степенно сидят крепкого покроя мужчины, привезшие на базар свои излишки. Они продают зерно или муку ржаную, крупу, конопляное масло, кудель конопляную и всякую живность. Казалось, что тамбовские крестьяне все одинаково хорошего достатка; одеты добротно: на голове – мерлушковая шапка, одежда из дубленой шубы, подпоясанной кушаком, поверх шубы – овчинный тулуп с огромным воротником, на ногах – длинные валенки, а на руках – кожаные рукавицы с шерстяными варежками внутри. Не признавая мороза, сидят они тихо, мирно, зная цену своим товарам. Они никогда не торговались, не навязывались продать, не уступали цены, не хвалили свой товар. Зная это, с утра мы занимались изучением спроса, предложения, не зная в то время закона рынка, – цена – есть функция спроса и предложения. Поэтому покупку совершали в разное время дня исходя из того: мало или много предлагается то, чем мы интересуемся, и, конечно, при этом, учитывали: мало или много покупателей /спроса/. Но, не обладая опытом против спекулянтов, нередко мы попадали впросак, допустив оплошность в оценке этого немудреного закона рынка.

Интересны, бывали беседы у знакомых мне татар в Алгасове Сасовского уезда, у которых часто ночевали. Здесь разговоры шли в плане давно минувших событий с оттенком упреков касимовских татар за дружбу и услуги русской знати, московским царям. Такие беседы проводились с алгасовскими мешарами и моим братом Фазукаем. Они себя считали ревнителями ислама; обиженными на касимовских татар, которые некогда вытесняли их из насиженных мест; многие касимовцы добывали себе богатое положение, приняв христианство, на основе чего они говорили: “ Ай, что там

говорить-то, ведь у вас половина татар крещенных. Ваш Касимов был нашим городом, он назывался городом мешчерским /Городец-Мещерский/.”

И теперь в Алгасове, узнав от нас о том, что касимовские татары живут намного хуже, чем прежде, намекали нам: “Прежние преимущества для вас кончились”. Они же, мешары Тамбовщины, вечно занимались земледелием и жили как раньше, так и теперь без нужды, поскольку им перестраивать образ жизни не потребовалось, как это произошло для касимовских татар.

Дальние поездки в Тамбовскую губернию, а также в Рязанскую, /о чем я расскажу, скоро/ привлекали мое большое внимание, видя там различие, новое или непривычное для меня в вопросах ведения сельского хозяйства, быта, образа жизни и прочее. Я внимательно наблюдал за всем этим...

Теперь я думаю, что такая моя наблюдательность в юношеские годы – плод наставлений умудренной жизнью бабушки Фатимы. Она говорила: “Каюм, смотри и всегда всё замечай и думай: что к чему. Как вести наше хозяйство, учись у Балю’э Фазукая; он – отличный домострой. У него всё самое лучшее, самое правильное, чем у кого-либо”. Другой раз бывало, скажет: “Учись у Кондакова Трофима-бабая /алёшинского/ как ловко, производительно он работает в поле, на сенокосах, в лесу со своими внуками, твоим сверстниками. Вся его семья справная в работе. У него все получается ладно и хорошо”. Иногда: “Ты замечай и вдумайся: как разумно и умело ведется хозяйство у бедного русского крестьянина. У него на покупку чего-либо денег нет, но все необходимое для крестьянского дела есть. Вот ты и приглядишься, как он оборачивается, какую смекалку проявляет. У него всё простое, экономное, но вполне целесообразное”. “Над бедностью не насмехайся, а задавайся вопросом: почему это у него такое”, - поучала меня бабушка.

Вот я и находил ответы на свои вопросы: нет лесов в Тамбовской губернии – примитивны постройки; есть хлеб – хорошие риги. Крестьянин бедный – всё необходимое для земледелия умело, сделано своими руками.

...Такие поездки за хлебом вначале я совершал с братом Фазукаем, когда он жил с нами и являлся главным содержателем семьи, и после того, как он отделился от нас; потом я ездил с моими товарищами из Царицына по знакомым мне дорогам, ночлегам и базарным селам. Так что уж теперь я, по сути дела, стал старшим путеводителем, организатором покупок.

Поездки за хлебом в Тамбовщину не причиняли физических трудностей; они морально меня вдохновляли, поскольку я исполнял обязанность обеспечения домочадцев питанием, что мне удавалось тем путем, о котором счел нужным изложить.

Эти поездки вызывали значительный интерес наблюдениями за жизнью крестьян окружающей среды.

Так что ездить в районы Тамбовской губернии я всегда хотел. Особенно тогда, когда туда возил стекло на обмен; рожь и пшено, приобретенные условно “на после обмолота”, привозились с наступлением зимы. В таких случаях, туда, бывало, едешь налегке; едешь быстро, весело, любуясь резвостью и выносливостью своего коня /особенно на Чалом/. Идет он, что тебе паровоз: все быстрее и быстрее, задрав высоко голову, только изредка он, повернув голову в твою сторону, посмотрит: не держишь ли ты кнута, чтобы его слегка хлестнуть? Так бежит он под стать машине, ускоряя свой ход. Обрато едешь домой с грузом в 30-40 пудов, и тоже все время любишь, как твой конь старается везти твоё добро в гору, через ухабы или по глубокому снегу.

Большая часть приобретенного хлеба приходилась на долю покупки за деньги, которые приходилось зарабатывать, нанимаясь перевозить грузы либо у себя в городе, либо в форме извоза между Касимовым и Рязанью. О чем мне тоже хочется рассказать.

РАЗГРУЗКА БАРЖ.

Я уже говорил о том, что своего хлеба всегда нам не хватало. По этой причине нужно было зарабатывать деньги для покупки его и, конечно, удовлетворения разнообразных нужд семьи, хозяйства.

Я нанимался артелью разгружать баржи с развозкой по назначению в городе Касимов. Такая работа производилась в летнее время между основными сельскохозяйственными работами – после посевов яровых, вывозки навоза и до начала сенокоса.

Артельщики 5-6 человек из деревни Алёшино и наши – мой брат Фазукай, Балю'э Фазукай и я, собирались рано утром на выезде из Тебеньково. Поздно вечером возвращались по своим домам. В полдень довольствовались своими харчами, иногда обедали недалеко от пристани, где стояла баржа. В это время давали отдых лошадям, и кормили их. Городские организации нанимали нашу артель на довольно выгодных условиях для нас. Дело в том, что эта работа считалась тяжелой: мука в пятипудовых мешках, соль в шестипудовых рогожах, подъем от берега Оки до складов Торговых рядов очень крутой.

Работа организовывалась следующим образом. Двое, ловкими движениями, клали груз в 5 или 6 пудов /100-116 кг/ на спину несущих, которые шли поклажей туда и обратно свободно по нескончаемому кругу. 6-7 мешков /кулей/ и воз готов; подвода отводится в сторону, уступив удобное место для укладки воза следующей подводы.

Работа была тяжелой и изнурительной как для нас, так и для лошадей, особенно трудно приходилось работать в жаркий полдень. Трудность возрастала к концу разгрузки баржи, поскольку с её дна приходилось подниматься с тяжелым грузом по крутому трапу. Поднявшись на борт баржи, следовали до берега по сходни. Нести груз по довольно зыбкой сходни требует особого умения от грузчика. Поэтому, прежде чем начать разгрузку баржи, мы уделяли большое внимание к её устройству. Она сооружалась нами из широких половых досок /в 2 дюйма/ с упорами в нескольких местах козлами; при этом важно, чтобы степень прогиба рядом лежащих двух досок была бы строго одинакова.

Правильно установленная сходня облегчает нести поклажу, если умеешь пользоваться ею. Когда идешь по двум параллельно уложенным доскам, наступая каждой ногой на доску, то по очереди доски сходни прогибаются в ритм твоему темпу хода, и тут же доска выпрямляется, как только приподнятая нога наступает на другую доску, которая теперь прогнется. Таким образом, ритмичная работа доски /верх-низ, верх-низ/ наподобие рессоры по очереди приподымает твою ногу и тем самым она снимает 1 из 3 основных составляющих траты мощности на осуществление работы при ходьбе, так как когда человек идет, то он производит собственно работу, непрерывно осуществляя подъемы и опускания своего веса. Эти подъемы и опускания, равны разности высоты между положением ноги в гипотенузе /вытянуто вперед/ и ставшей потом вертикальным катетом /прямого треугольника/.

Это – момент, когда нога пересекает линию корпуса. В данном нашем случае, преодоление этой высоты и осуществляется механической силой колебательной

деформации доски. Но чтобы себя облегчить, используя такое свойство сходни, надо уметь ходить по ней; при этом очень важно не сбиться с ритма прогибов рядом лежащих и не нарушить согласованное свойство в этих прогибах. В противном случае не мудрено и упасть, потеряв равновесие в непривычном движении. Поэтому всякое встречное движение по доскам идущего с грузом категорически запрещалось, также нельзя было догонять его, пока он не перешел за козлы-опоры следующего пролета. Встречное движение грузчику происходило мимо сходни по земле, а с берега на борт баржи, - по крутому трапу.

Привыкнув правильно ходить по сходне с поклажей, работа облегчилась, поэтому наш артельщик, Иван Клыкгоняк брал на спину 2 куля соли /230 кг/. Он считался силачом. Но, глядя на него, все удивлялись: откуда берется у него такая сила? Сам он был среднего роста, необычно костляв, ноги заметно искривлены, но в плечах он раздался вширь. Часто приходили грузчики-профессионалы пристани нанимать его что-нибудь вынести с парохода. Он это выполнял охотно. Думается, что делал он это не ради какой-то бравады, а чтобы дополнительно заработать, был он бедным крестьянином.

Мне помнится такой случай, связанный с проявлением необычной силы Клыкгоняка, отлично ходивший по сходне. К пристани причалил пароход. Подходит к нам хорошо одетый гражданин, и обращается к нам с вопросом: “ Кто из вас Клыкгоняк?” Глядя на нашего Ивана-силача, этот пажон что-то замялся, видимо подумав: “Сказать, – не сказать; больно уж невзрачен ваш силач, вряд ли сможет поднять?” Но, не услышав категоричного отказа на свой ответ: “ Пудов этак 18, а может и 20”, стал он уговаривать Клыкгоняка, вынести с парохода и отвезти пианино, обещая хорошо заплатить и поставить четверть вина на угощение артели за помощь ему. Ну, тут уж ни без корысти, конечно, все артельщики стали уговаривать его взяться, показать силу, заработать на славу. Договоренность состоялась. И все пошли смотреть на Ивана и помочь ему. Вшестером взвалили пианино на спину нашему невзрачному на вид Клыкгоняку, слегка крикнув, подвинул свой груз немного выше резким толчком, схватился обеими руками за веревку, и сказал: “ Отходи!” Все, собравшиеся на невиданное зрелище, смотрели, затаив дыхание, как ловко шел наш Иван. Некоторые ротозей говорили: “ Как бы не упал? Сможет ли донести до телеги? Говорят, - больше 20 пудов! Ты смотри, - столько лошадь не увезет. Зачем для него настлали сходню другую?” А наш Иван идет себе, будто играючи, по прогибающимся доскам. И впрямь, думается, - нет предела красоте человеческого труда! Вот идет он и несет на себе более 300 кг, что тяжелее себя в 6 раз! Все поражены проявлением силы человека! И пианино на дрогах!

У меня осталось самое приятное воспоминание о работе в этой артели. Все были дружны без корысти в работе, взаимно помогали друг другу; были спаяны общностью в исполнении общих обязательств по выгрузке баржи. Дисциплинированность любого артельщика не желала лучшего; все были за одного, один за всех. Во всем этом проявлялась огромная заслуга нашего старшего постоянного Федора Рябова /из Алёшина/. Он любил аккуратность в работе, себя не жалел в общих интересах артели. Он был доволен нами, мы, - им. Он находил работу нам, он договаривался об условиях оплаты за работу, исключив полностью свою заинтересованность сверх своей доли. Вот такое взаимное понимание и делало успех в нашей работе. Иногда Рябов, получив какие-то просьбы или указания от наших работодателей, толково, в форме совета или просьбы обращался к нам о важности выполнить какую-то работу дополнительно или внеурочно. Все единогласно соглашались с ним и исполняли охотно. Например,

надвигается дождь, и чтобы не намочить соль, досрочно перевезти ее на склад, или раньше обусловленного срока потребовалось освободить баржу. Во всех таких случаях работа у нас кипела. Соревнуясь между собой за наибольшую производительность собственного труда, входили в азарт; без суеты, с огромным подъемом все торопились; никто не допускал лишних движений; каждый старался в чем-либо помочь товарищу; кругом слышен хохот, смех, выкрики; слышны веселые замечания, подтрунивания, а то и властный окрик за бестолковость в чем-либо.

Мне думалось, что так слажено, без всяких помех, безукоризненно организовано могут работать в артели только крестьяне. У них, только у них считал я, развито чувство товарищества, в которое вложено проявление смысла: один для всех /Рябов/, все за одного /мы/.

Иногда мы нанимались артелью разгружать баржу, доставившую пшеницу. Ее возили на городскую паровую мельницу, обратно, - муку на те же склады Торговых рядов, куда доставляли соль, муку.

Артель наша состояла из тебеньковских Балю'э Фазукай и меня, а из Алёшина были: Федор Рябов /староста/, Иван Клыкгоняк, Бокарюкин Михаил, Кондаков Федор и еще двое, фамилии которых я забыл. Эта артель без изменения состава работала из года в год на этих заработках и извозе грузов между Касимовым и Рязанью в зимнюю пору. Я состоял в ней с 1920 по 1925 год, когда мне было 16-20 лет.

Этой же артелью возили дрова из Мещерского леса на канатно-сетевязальную фабрику, что стоит на отшибе Касимова; о чем я и хочу повести свой сказ.

ДОСТАВКА ДРОВ НА ФАБРИКУ.

В составе алешинской артели я всю зиму возил дрова на канатно-сетевязальную фабрику бывшего Зайцева, что находится на окраине г. Касимова. Из тебеньковских в составе этой артели состоял Балю'э Фазукай и я.

Каждую ночь в 2 часа Фазукай-абзей бывало, постучит в окно папиной комнаты, чтобы разбудить меня для поездки в лес за дровами. Желая, чтобы я поспал еще дополнительно 10-15 минут к тем двум часам, которые я имел, папа запрягал Парашку, а тем временем мачеха моя Айша хлопотала над моим завтраком, весьма скромном по качеству и по количеству. Как только выезжал Левашов Фазукай, так моя Парашка сама трогалась на длинный и трудный путь, очертания которого составляли очень высокий равнобедренный треугольник с основанием Касимов – Тебеньково, а вершина его находилась где-то в Мещерском лесу.

Все артельщики, дожидаясь, друг друга, собирались на выезде из Алешина. Ехать впереди вожак устанавливалась очередность, в обязанность которого входило: держать дорогу, обгонять подводку или давать дорогу встречной подводке, едущей с поклажей, следить, чтобы кто-либо не отстал, регулировать скорость движения лошадей: труском, рысью, шагом. Был установлен порядок, держаться каждому артельщику за определенной подводой. Я ехал всегда за Фазукай-абзеем и впереди Ивана Клыкгоняка. Это объяснялось целесообразным действием чувства стадности лошадей, да пожалуй, и наших. Такое выражалось тем, что позади идущая лошадь без управления ею будет действовать абсолютно и точно так, как и что делает впереди идущая. Таким образом, все лошади повторяют всё то, что и как управляет вожак, которому спать не положено, а все остальные не управляли своими конями – спали. Но при монотонном движении – шагом, труском – спали и лошади. Между прочим, чтобы

на таком в полусонном состоянии не допустить какой-либо оплошности в изменении хода, конь никогда, не позволит вклиниться чужому коню, а некоторые настолько, относятся ревностно к контакту между собой, что не дают возможности седоку передней подводы идти сзади, своих саней – затопчет: нельзя разъединить общности животных. И мы, зная такой общности среди наших коней, сразу же, как только выезжали Алёшино, засыпали, зарывшись в сено. Спал я довольно чутким сном, прислушиваясь одним ухом к движению моей Парашки. Спал до тех пор, пока не станет очень зябко. Как только замерз порядком, - слезил с саней и бегом, пока не разогреешься. Но бежать мне за своими розвальнями мне не удавалось: жеребец Клыкгоняка не допускал разъединения с Парашкой. Мне приходилось обгонять свою лошадь, чтобы бежать впереди неё. Согрелся хорошо, и опять уткнулся в сено; сразу же дремлет, а потом дремота начинает все больше и больше одолевать тебя в сон. Хотя ты и не борешься с ним, но все же есть что-то такое, которое в сонном твоём состоянии приковывает внимание, заставляя прислушиваться к скорости движения саней и их скольжению. По звукам скольжения дубовых полозьев ты чувствуешь состояние дороги, скорость бега лошади. Постоянно заботливое отношение к своей кормилице заставляя тебя в сонном состоянии чувствовать, как одолевает она ухабы, как ловко объезжает перекаты, оттолкнув бедром оглоблю так, чтобы сани направились на противоположную сторону от них; спишь и в то же время замечаешь, как твоя лошадь совершает обгоны чужих подвод или встречных, идущих с грузом – стремительно, бойко плывет она по взрыхленному глубокому снегу – невольно открываются глаза, чтобы с гордостью полюбоваться Парашкой, а также сзади плывущим Калмыком. Тут же сон берет свое, и ты засыпаешь без чувств. Еще проходит некоторое время, и тебя вновь пробуждает в сознание скрип саней...

Полночь в дремучем лесу. Мороз усиливается. Кругом полное безмолвие. По бокам дороги, а то и над тобой лохматые ели стоят торчком так, будто нарисованы условно в сказочном образе – белые конуса. Под стать им наши кони, которые все, как один, становятся белыми, одеваясь инеем – замершим потом. Вокруг все белое, только на небе то мельтешат звезды за сеткой стройных елей, да сосен огромных зеленовато-желтым отблеском, то они с миганием сверкают между облаков, словно дождем брызжут на параде. Кони бегут ходко, свободно и легко, - дорога накатана полозьями саней до стекловидной глади, отчего в лунную ночь ее матовый отблеск полос тянется далеко, так далеко, что они сливаются где-то в конце света. А по ровной и чистой дороге мерно и однотонно скрипят сани глуховато низким звукам.

Монотонность вокруг дороги и скрип саней, бодрящий морозный воздух с запахом смолы легко уводят тебя в приятный сон.

Другой раз в этом лесу в поземку слышишь в дреме пение саней на разные голоса, отдаленно напоминающее на вой волчат. Поземка меняет состояние дороги, которая заносится местами то рыхлым снегом, то средней плотности, а то таким тугим, что тебе песок. Вот на такой дороге сани издают разной тональности звуки: высокие, тенорком на чистом, подметенном месте; баритоном на неплотном снегу, а басовитым, каким-то хрипящим голосом на пескообразии. Тон этих звуков различимо меняется также и от скорости скольжения полозьев и от различия качества их, а также от веса груза, от отшлифованности полозьев, от температуры снега на дороге... Да, сани поют! Только надо вслушаться к ним сквозь сон и немного добавить по своему воображению, тогда твой слух отфильтрует нужную тебе мелодию от звуков вой волчат... И тебе слышится в полусне чистый, нежный напев мелодии хорошо обкатанных полозьев, приобретших такую превосходную полировку поверхности,

блестящей, как зеркало, и твердую, как сталь... Начавшееся беспорядочное воображение этих звуков снега под тобой начинает убаюкивать ко сну без чувства и ... засыпаешь крепким сном.

“Вставай! Приехали”, - будит дежурный вожак. 8 часов утра. На кронах деревьев чуть-чуть замечается приход утра в лес. Нами пройдено 50 верст.

Я подъезжаю с Фазукай-абзеем к поленнице. Парашке даю ароматное сено, и начинаю укладывать в розвальни полсажени сосновых дров, напиленных шеверком и расколотых пополам. Воз уложен, надежно обвязан, Парашке даю порцию овса, и принимаюсь за свой скромный завтрак, состоящий из ломтя ржаного хлеба, тонко намазанного маслом и нескольких штук картошки в мундире. Проходит немного более часа, лошади успели поесть и отдохнуть; теперь в трудный, дальний путь с грузом в 40-45 пудов. Парашка у меня была старательной и надежной в работе, ехать за ней она не мешала подводам, и сама не отставала от передних. Шли пешком: кто сзади саней, кто впереди своей лошади, как и я, постоянно /Калмык не позволял мне идти за санями/. Только местами, где продолжительный уклон вниз, по сигналу дежурного жоака садились на сани и ехали тяжелым труском.

В 3 часа дня приезжали в деревню, почему-то расположенную в лесу, где делали остановку для отдыха и кормления лошадей, но и сами обедали в одном из домов. Обед варила хозяйка этого дома из наших продуктов: муки ржаной, пшена и картошки, купленные на артельные деньги. Наш обед, если его так можно назвать, состоял из хлеба, сваренного из очень малых количеств муки, пшена и картошки, но безмерно большого количества воды. Вот со своим хлебом мы и хлебали эту жижу. Так немного утоляли голод, и достаточно обогрелись в жаркой избе.

Через час вновь в путь. Через некоторое время выезжали в поле. Здесь дорога довольно трудная: часто приходилось преодолевать подъемы, встречались ухабы и перекаты, а в поземку, - тугой снег, что тебе песок. Лошади шли только шагом, нередко очень тихо, шли, натужено, в поту. Такой путь держался до самого города, а перед ним предстояло одолеть очень крутую гору.

На фабрику приезжали поздно вечером, проехав еще верст 25-30 после обеденного отдыха. Дрова складывали в поленницу, после чего приёмщик замерял привезенные дрова и заносил в книгу. Работа закончена, и устремлялись домой полным ходом. Дома оказывались около 12 часов ночи.

И сейчас, отец, желая дать мне как можно больше времени на отдых, распрягал лошадь, кормил, поил ее, готовил мои сани к поездке. И ждал сигнала Фазукай-абзеев, чтобы разбудить меня около 2 часов ночи и отправить меня вновь в путь-дорогу...уж который раз так!

Так ежедневно, за исключением воскресных дней, всю долгую зиму совершал 100-110 верст! Это огромная нагрузка и для лошади, и для человека. Она особо трудна, если учесть, что все происходило в зимнее время, когда надо было терпеть невзгоды стужи, бурана, поземки, да к тому же сами питались весьма скудно. Но хорошо кормленные крепкие кони, да наше здоровое состояние выдерживали такой трудности. А самое главное было то, что мы имели большой стимул к этой изнурительной работе: фабрика оплачивала нам высоко за нашу работу, выполнять которую желающих она не находила. Мы получали за работу деньги, муку, пшено, овес.

Перевозкой дров на фабрику я занимался в юношеские годы 2 или 3 зимы.

АРТЕЛЬЩИК ОБОЗА КАСИМОВ — РЯЗАНЬ.

Поскольку Касимов не был в то время связан с железной дорогой, то вывоз и ввоз товаров в зимнее время осуществлялись обозам между Рязанью, Муромом, Владимиром и другими городами.

Та же артель была сформирована для разгрузки барж и перевозки дров из дальнего леса на бывшую фабрику Зайцева, всю зиму возила грузы из Касимова в Рязань и обратно. Иногда эта работа являлась периодическими поездками в промежуток, возникающийся во время доставки дров на фабрику. В Рязань возили чугунные изделия, мешкотару, канаты; в Касимов привозили муку, соль, крупы, растительное масло, селедку и прочее. Рейс совершался за одну неделю /расстояние до Рязани 150 км/. 3-4 дня давали лошадям отдых, сами занимались домашними делами, которые никогда не кончаются в крестьянском хозяйстве.

И опять в дорогу. Ехали мы с раннего утра 5-6 часов; давали отдых лошадям, кормили их, и сами принимали пищу. После 2-часовой остановки, вновь держали свой путь в течение 8-10 часов; после чего останавливались на ночевку. И днем, и на ночь делали остановки у одних и тех же больших крестьянских домах...

Такие большие избы или 5-стенные дома, как правило, отличались от тамбовских изб строгой опрятностью и безукоризненной чистотой, в них бывало тепло, они просторны, обставлены необходимой домашней обстановкой; а самое главное, что согревало нас и располагало к большому удовольствию отдыха после мороза, пурги приветливое и доброе отношение хозяев дома, проявление их заботы о нашем отдыхе и лошадям находился вполне приличный крытый сарай, достаточно утеплены.

В домах дневного отдыха и, особенно, ночлегах завязывались интересные собеседования с хозяевами и их соседями и житье-бытье; происходил обмен опытом и знаниями в крестьянских делах, и гадали о будущем. При этом рязанские крестьяне всегда и все ожидали лучшего с большой надеждой, хотя основа настоящего того периода устраивала их вполне.

Наша дорога оставляла значительное впечатление своим разнообразием: ехали довольно бойко по глади Оки, то неровно ехали по волнообразной поверхности заливных лугов, то проезжали дремучие дубравы, то находились на равнинных полях, часто въезжали в деревни; некоторые из них состоят только из построек красного кирпича, большинство же поставлены из добротных сосновых срубов. Дома обставлены с обширными надворными постройками. А некоторые деревни, – видать очень бедные, – построены только избами 4-стенными, крытыми давно уж соломой, большинство которых стоят с большим креном в сторону, или утонувшие в землю. Встречались деревни с густо насаженными деревьями по улице и большими садами на задах домов; на улице – колодцы-журавли, а на околице – ветреная мельница – неизменный атрибут деревенской идиллии, в центре на возвышенности – церковь, поодаль – кладбище с тесно одинаковыми холмиками, отмеченными разнообразными крестами. Во всех деревнях по вечерам – гулянки молодёжи: бойко играет гармонь, лихо распеваются частушки, а то кто-то пускается в бравый пляс: веселье, хохот, визг, сдержанный смех, подначки, колкости. Все это оживляет деревенский зимний вечер, оттесняя куда-то назад недовольство, обиду или какие-то невзгоды у селян. Краснощекие девушки в длинных, мастерски сшитых оранжевых дубленках, все края которых опушены овчинным мехом, а в талии – частый перебор в складках. Обуты они в чесанки из поярковой шерсти, головы у них кокетливо укрыты нарядной шерстяной

шалью, собранной внутрь стоячего воротника. Парни одеты в черные куртки из дубленой овчины, замысловато опушенными краями, да карманами, хлястиками и нагрудными полосами; шапки у них – барашковые, на ногах – валенки с длинными голенищами... А вон там едет мужичок в розвальни, погоняя порядком, уставшую лошаденку. Здесь выпустили коня поваляться на пушистом снегу после трудной поездки. Вдали, виднеется, как резвятся собачки, выпущенные погулять. Где-то шумят ребятишки, вероятно, не поделившие какой-то спор между собой. Недалеко плавно, будто летит грациозно на крыльях-коромыслах, статная молодка, запоздавшая, вовремя, принести воду домой.

Пока доехали до следующего села, - наступил поздний вечер. На улице осталась одна молодежь, вечно веселая, неугомонная: и слышится то там, то здесь протяжно-пронзительный, сильный голос беспокойной матери, голос с мелодичной интонацией: “Манько-о-о-у-у!!”... “Ду-у-ся-а-у-у!!”

Все это для меня было новым, очень интересным: русская зима, русские деревни, русские обычаи. Поэтому, эти поездки были не только интересны мне, но они приносили много и познания. Я узнавал новый для меня образ жизни рязанских крестьян; замечал иной уклад жизни семей рязанских русских людей, отличающегося от нашего татарского и несколько привычно русского вокруг нас обычаями, традициями, способом ведения сельского хозяйства. Прислушивался с большим вниманием к тому, что тревожит их, чем довольны, что их не устраивает, в чем нужда и довольство, как преодолевают они всякие недостатки, как добиваются высоких урожаев на тощей земле. Словом, все интересовало.

Я всегда увлекался крестьянской смекалкой, мудростью делания из “ничего” что-то полезное, необходимое в крестьянском хозяйстве, обходясь тем самым без покупного. Изворотливость русского крестьянина в ремесле поистине поразительна: она предельно рациональна к его покупательной способности, – он делал в те трудные годы все из того, что окружало его в природе. Так он делал избу и надворные постройки, баню и хранилище продуктов, сани и телегу, соху и борону, сбрую и всякий инвентарь, предметы домашнего обихода и широкого потребления, одежду и обувь.

Все это с исключительной силой втягивало меня в русло такой жизни, которая не должна быть страшной для меня, для содержания большой семьи, за что я взялся со всей ответственностью, ибо я смогу проявлять такую же находчивость, как они, чтобы найти выход из самых трудных положений.

Вот сейчас я с благодарностью вспоминаю свои учения у своего брата Фазукая, соседа Балю’э Фазукая, алешинских крестьян – артельщиков, с которыми мне приходилось работать, у рязанских и тамбовских крестьян, к разговорам которых доводилось прислушиваться и замечать их сноровку, жизнотворность. И я очень серьезно старался перенять их житейскую мудрость, потому что все это как бы, метко импонировало к моим сокровенным устремлениям, освещало мечту и главную задачу добывать благо для семьи; в то же время быть во всем экономным и расчетливым в затратах средств, расходовании денег, быть приобретателем для семьи. Отсюда, развивалась во мне тенденция делать из “ничего”, плохого, испорченного, пришедшего в негодность, - делать что-то полезное, нужное; всегда находить потребное для дома.

Истоками такой тенденции были подражательные привычки, похожие на своего рода собирательство. Вот так я и был, одержим еще с отроческих лет такой привычкой: найти то, что нужно не только сейчас, но может пригодиться когда-нибудь.

С охоты ли я возвращался из леса, или ходил по грибы, или ягоды собирал, или лошадей пас у опушки леса, - никогда не возвращался без ничего. Всегда искал в лесу что-то полезное, и находил его: пригодное сделать чеку на ось телеги, двурогую вилку для скидывания снопов, много роговые вилы для метания сена на телегу и стог, детали цепа – орудие молотьбы, - считал нужным прихватить подходящие деревья для устройства окосья, граблей; там же делал березовые веники, метлы; приносил домой лыко, бересту, мох, черенки и прочие разно фасонные, искривленные, крючкообразные древесины – мало ли что может потребоваться для хозяйства?

...Сильные, кормленные лошади давали нам в таких 7-дневных поездках хорошие заработки деньгами и натурой – мука, крупа, овес. В местах отдыха наше питание /артельное/ было достаточно приличным. Поездки в Рязань не вызывали особых трудностей ни нам, ни нашим лошадям, как это бывало изнурительным возить дрова на фабрику, находясь дома всего 2 часа. Ехали мы в Рязань с небольшим грузом /10-15 пудов/, оттуда же везли тяжелый груз /40-50 пудов/, поскольку дорога тянулась большей частью по Оке – ровная, гладкая, скользкая; и мы ехали, сидя на возу.

Итак, в Рязань. Погрузив сани-розвальни поклажей в Касимове, мы спускались сразу на Оку, которую, тут же пересекали и ехали, примерно, 2 часа по заливным лугам. Проехав рабоче-крестьянский поселок Лашму, вновь спускались на Оку. Поздно вечером приезжали в село Ерахтур, где ночевали, если поздно выезжали из Касимова, или следовали дальше, сделав короткую остановку. После Ерахтура держали дорогу сначала по полям, а потом вновь спускались на Оку. Проехав 2-3 часа по реке, выезжали с нее и пересекали густой, темный лес; за ним въезжали в деревню Копаново, где останавливались на короткую ночевку или на обед. После Копаново спускались на Оку; проехав 5-6 часов, поднимались в село Деревенское /родина К.Э. Циолковского/, здесь ночевали. Отъехав немного, проезжали деревню Старый Киструс, затем слободу и делали дневку в селе Панино. Потом проезжали Половское, а затем Гавердово и останавливались на ночь в селе Вышгороде. На следующий день проезжали деревни Кораблино, Козарь и дневали в селе Льгово. На третий день мы отправлялись в Рязань через села Новоселки и Дядьково. В Рязани ночевали в постоялом дворе. Рано утром на складах грузились и отправлялись на обратный путь.

Так мы ездили всю долгую зиму, наблюдая за жизнью крестьян, познавая природу. Один цикл совершался за 7-8 дней.

Я уже отмечал, что поездки бывали интересными, не вызывавшие особых трудностей. Но при всем этом случалось, и терпеть трудности, из-за погодных условий... На 2-ой день нашего обратного пути, после обеденного отдыха, не успели спуститься на Оку, как начался обильный снегопад с ветерком. Прошло некоторое время, как начался буран; сначала обычный, а со временем он стал все больше и больше усиливаться с каждой минутой. Наконец, он стал показывать свой злой характер...

БУРАН! Какое это емкое, суровое слово! Какое это грозное явление природы! Как он много приносит несчастья людям и всему живому в мире, нещадно расправляясь с каждым за допущение малейшей оплошности в своих поступках в борьбе с ним. Борьба с такой стихией природы, как буран, требует проявление мужества, спокойной расчетливости и хладнокровной рассудительности, чтобы не допустить роковых ошибок поспешностью, страхом. Ибо за незначительные промахи, растерянность буран обойтись с каждым весьма жестоко!

До сих пор, о чем идет сейчас речь, мне не раз приходилось испытывать серьезные невзгоды бурана. Но случалось так, что удавалось выходить победителем благодаря

выносливости и силе нашего Чалого, ил близости жилья, где всегда в крестьянском домике находишь уют и тепло очага. В таких случаях всегда высоко ценил удачу поединка с бураном, – не переоценивая свою борьбу. Приходилось слышать от людей о том, что в буран кто-то на Оке пошел под лед с лошадей, кто-то чуть не утонул на окраине Оки, у кого-то лошадь провалилась в прорубь, и сломала ногу; было известно и то, что много случаев замерзших в поле, обессиливших неумением спастись от наказания бурана.

Все это и вспомнилось мне на Оке, где настиг нас необыкновенно сильный буран. Он сметал начисто с молодого льда снег, создавая нам встречное, вдвое уплотненное сопротивление движению вперед. Ярится ветер, бросает он пригоршнями снег в лицо; надо льдом змеится колкая поземка. От порывов такого ветра, вызвавшего неистовый буран, вздрагивают наши груженные сани, а между копыльями полозьев он – повелитель черной силы – охрипшим басом воет, страшно ревет, хохочет, торжествуя предстоящей победой над нами. Он грозно угрожает нам. Но пока, издеваясь над нами, играет с нами, пугает нас и лошадей, создает вихрь, круговерт, отчего на хвостах и гривах коней играет он, забавляется, издавая пронзительный свист пляски, озорства, чтобы, исчерпав последние силы их и нас, легче было расправиться с непрошеными путниками. Лошадям, да и нам идти приходится на пределе сил: дышать трудно – ветер дух забивает; нельзя глаза открывать ни нам, ни лошадям – в один миг залепляет их снегом. Сумрачность вечера он превратил в сплошную мглу, накрыв тьмой, – и пришло то состояние, когда ничего не стало видно. Наступила уплотненная чернотой ночь. И началось светопреставление, что ад крошечный.

Буран торжествует, приготовив для нас впереди неминуемую опасность! Где же ему не торжествовать, если не здесь, где неограниченное приволье на открытом, ровном пространстве большой реки и заливных лугов, не имеющих для озорства и коварства никаких препятствий: нет деревьев, строений, нет даже шершавой земли; есть лед, а под ним глубокая вода, да к тому же грузы тяжелые, кони и люди уже замучены им, а молодой лед еще тонок! Где ж ему, если не здесь, содеять свои черные дела! Ведь впереди для нас, идущих вслепую, приготовлено самое страшное!

Мы потеряли дорогу, поскольку ее не стало – снежный покров сметен с поверхности льда. Не видать ничего и не слышать никого, кроме сплошной, уплотненной стены-мглы; слышны только угрозы бурана. Делаем остановку, чтобы посоветоваться: как быть? Впереди могут быть полыньи на быстринах и окраины на берегах; можно наскочить в проруби и в места круговоротов, над которыми лед бывает тонкий. Не успели остановиться, как под ногами лошадей затрещал лед!

От неожиданности, лошади бросились в разные стороны. Стоять на непрочном льду нельзя – длительной нагрузки не выдерживает. Вожак, Балю'э Фазукай дает команду: “Держитесь, дальше друг от друга, откликаюсь счетом: второй, третий и т.д.” Но кони ни на шаг не отстают от передних, лезут на сани – боятся. Лед начал трещать на ходу, лошади шарахаются из стороны в сторону, создавая тем самым и без того еще большую опасность провала под лед. Вожак, Левашов Фазукай, говорит: “Мы едем в теснине, должно быть проехали мимо Половское, здесь течение быстрое, лед тонкий. Поворачивай назад!” Теперь впереди брат Фазукай, за ним Клыкгоняк, а потом я. Пока разворачивались, лед затрещал угрожающе, – лошади сразу бросились по сторонам. При малейшем треске льда, они тревожатся, храпят, приседают и кидаются, куда попало; идут осторожно, часто-часто перебирая ногами, будто скользят на коньках; строго прислушиваются к звукам под ногами, поводя ушами в разные стороны. А буран знает свое дело, – издевается над нами пуще прежнего за неподчинение его

коварству. Мой брат Фазукай-абзей кричит Левашову Фазукаю: “Надо выезжать на берег, направо, в овраг. Теперь ослаб после нас, дальше ехать нельзя.” Все согласны с таким выводом и предложением.

На самом берегу небольшая закраина. Это серьезное препятствие. Но строгие кони, почуяв землю, энергично, безудержно берут это препятствие и крутой подъем берега, чтобы скорее избавиться от страшного льда. С каждой минутой ехать становится все труднее и труднее: снег углубляется с каждым шагом, возрастает его плотность, увеличивается крутизна подъема по глубокому оврагу. Коням трудно тащить тяжелые сани: они то проваливаются по брюхо в снег, то розвальни так наклоняются, что они ползут на креслах, а то застревают на кустах.

Но все это теперь уже полбеда – и мы, и лошади чувствуем своего спасения, что прибавляет всем нам дополнительную энергию, перейдя, как говорится, на второе дыхание, чтобы преодолевать трудности, которые при обычных обстоятельствах считались бы непреодолимыми. Кони бойко, нервно рвутся изо всех сил вперед, подальше от трескучего льда. Из-за огромной трудности нашего продвижения вперед у многих не выдерживает упряжь: у лошади Рябова дуга трещит, у Калмыка Клыкгоняка гужи рвутся, у кого-то супонь порвалась. Лошади стали мокрыми от пота и таявшего на разгоряченных телах снега. Какие бы не были сильные наши кони, как бы не старались они идти вперед, подальше от Оки, все же, отдав последние силы, они начинают останавливаться на отдых. Видим, - дело идет к тому, что, дойдя до полного изнеможения, скоро они совсем откажутся передвигаться... тогда долго они не смогут придти в себя. Кони устали, конец оврага не виден, впереди замечается крутой подъем, снег все глубже и туже; значит, нет смысла биться зря. Совещанием решили: стоять на месте до утра.

Распряженные кони укрываются попонами, тулупами, растираются жгутом сена и сбиваются в кучу, став задами против ветра, принесшего злодея бурана. Они тесно жмутся между собой, - так теплее им. От еды пока отказываются, – слишком много пережили они от страха. Надо им успокоиться, и отдохнуть; все еще продолжают похрапывать, нет-нет, да поводят ушами, топчутся на месте: не трещит ли под ногами. Но, со временем, близость спокойных людей, распряженное состояние и ослабление бурана, немного успокоившегося тем, что он загнал нас в ловушку, приводит наших добрых, милых сердцу коней к успокоению. Они начинают поедать сено.

Время нескончаемо тянется долго. Тревога провала под лед снята; кони отдыхают, самим делать нечего, начинает сон одолевать. Но спать нельзя: после большой траты силы, в морозную ночь при пронизывающем ветре легко и просто замерзнуть насмерть. Кто-то о чем-то говорит, не разберешь в полусонном состоянии. Брат Фазукай часто будит меня, отвлекая чем-нибудь, желая отвлечь от сна: то посмотреть лошадей, есть ли у них сено, или переложить обратно мешок муки, который он положил на мои сани, когда его Гнедая стала останавливаться и другими делами. Ночь долгая, и она становилась мучительной.

Наконец-то, начинает рассветать. И буран начал понемногу умерять свою злость, излив на нас весь свой запас на Оке, а теперь ему с рассветом нечего делать – нас, не победишь.

Оказалось так, что оставалось-то выехать из оврага совсем немного, а там большое село. Сначала мы сами протоптали дорожку до выхода из оврага, потом лошаадьми утоптали ее, и только после этого, запрягая на каждые сани по две лошади гуськом, выезжали в поле. Потом, найдя нужную нам дорогу, мы направились по нашему маршруту, в Касимов.

ИЗ ПРОЧИХ РАБОТ ПО НАЙМУ.

Мне хочется закончить мои обязанности по содержанию семьи описанием доставки бревен из леса в Касимов для строительства дома.

Такую работу нашел мой сосед Балю'э Фазукай нам на двоих. Один рейс Тебеньково – лес – город – Тебеньково мы совершали за 16-18 часов. Работали мы осенью, когда полевые и прочие работы уже были завершены.

Сосновые деревья, отмеченные таксатором, мы пилой валили на землю; обрубали сучки, и надо было ствол, длиной 20-25 метров положить на передок с задком. Такое дерево весит пудов 30-40.

Фазукай говорит: “Ну, как мы положим ствол комелем на передок: надо поднять вдвоем 20 пудов?” Я отвечаю: “Как-нибудь рычагами”. “Нет, - говорит он, - надо поднять лошадью”. Я не могу догадаться: как лошадь может поднять бревно?

А это было осуществлено так: лошадь заводиться вдоль ствола в сторону вершины так, чтобы обратной стороной ось передка оказалась над ним /стволом/, а колеса, - по обе его стороны. Хитроумно обвязывается ствол к оси веревкой, конь разворачивается на 180 градусов с таким расчетом, чтобы одно колесо уперлось на конец комля, а другое в этот же момент накатывается на дерево. И, в тот момент, когда происходит соприкосновение колес к стволу, лошадь должна делать разворот по спирали, идя немного вперед. И дерево оказывается на лицевой стороне оси. Все это требует умение обвязки и смекалку разворота коня.

Комель на оси. “Ну, а как теперь вершину положим на задок, она ведь весит 15 пудов?” - спрашивает Фазукай. “Рычагами”, - отвечаю я. Но именно как, я не догадался. “Вот смотри, как я один положу”, - говорит он.

Снял одно колесо, и стал рычагом накатывать ствол на ось. И так далеко до колеса подвинул его, затем, подняв рычагом, ось на уровень втулки колеса, одна рука продолжала держать рычаг, а другой надел колесо на ось. Воз в 30-40 пудов, а то и больше, нагружен за 5 минут! Мои попытки помочь ему, Фазукаю, были отвергнуты, говоря: “Стой, смотри и учись”.

Этот пример я привел к тому, что после того, как из деревни уехал мой брат Фазукай-абзей в Харьков, и я остался в семье на полной самостоятельности. И было бы не к кому обращаться за помощью, за советом, если бы не вызвался Балю'э Фазукай стать моим наставником. После моего брата, это он мне во всем помогал, учил. Учил он умно, доходчиво и толково. Я уже говорил о том, что он был авторитетом для всей деревне. Поэтому его учения являлись для меня высшими курсами по ведению сельского хозяйства и достижению лучших результатов. Доходчивость его метода учения заключалась в вызове творческого отношения к познанию тебе неизвестного. Когда обращались к нему с вопросом: как это сделать, или как это сделать лучше, он говорил: “А ты как думаешь? Подумай сам, а потом я тебе объясню”. Как пример, я уже привел случай погрузки ствола большого дерева /пудов в 30-40/ одному с помощью лошади на передок.

Он учил: как уложить дрова на сани и обвязать их, чтобы на перекатах они не рассыпались: как и с какой стороны держать розвальни, чтобы они не покатались на перекатах /помочь лошади/; как нужно укрепить оглоблю к копыльям саней, чтобы при выезде из ухаба не задушить коня; как сеять просо в отличие ото ржи. Во всех таких и тому подобных вопросах он всегда задавал сам контр вопрос, а потом

соглашался с тобой или давал объяснение с толкованием: почему надо так, почему не так.

С малолетства он был приучен к крестьянской работе. В отличие от своего брата Валея и всех других сверстников односельчан, он один в деревне занимался земледелием лично сам. Может, это объяснялось тем, что он имел физический недостаток от роду: правая нога не сгибалась в колене, находясь в полусогнутом состоянии. Наделенный обширным познанием в делах полеводства, скотоводства, умудренный огромным опытом умения все делать с максимальным толком, был вдобавок трудолюбив, да к тому же обладал он необыкновенно большой физической силой. В работе он не щадил себя, работал всегда много, производительно, до полной усталости. Работать умел умно, изобретательно, смекалкой.

Он был среднего роста, сухопар, необыкновенно широк в плечах; все тело его состояло из развитой мускулатуры; огромные кисти рук всегда бывали на ладонях мозолисты. Рыжий покров лица придавал розоватый, мягкий оттенок ему, отчего он казался добродушным и отважным: каковым он и был в действительности.

У меня сохранилось самое светлое воспоминание по делам ведения сельского хозяйства и содержанию семьи в раннем возрасте о моем брате Фазукае и соседе Фазукае Левашове /Балю'э/.

Так шло время. Занимался со всем старанием полеводства я; зарабатывал своим и лошадиным трудом деньги и продукты питания для семьи, в чем сейчас я имею моральное удовлетворение до конца жизни, а все трудности, разные невзгоды остались позади без каких-либо вредных последствий для здоровья. Признаю, что большой труд, большая ответственность перед семьей /9 человек/ приучили всю жизнь работать с максимальной отдачей своего труда, знания, времени; моральным кодексом чему являлось признание того, что на моем месте, возможно, другой был бы более полезным нашей Родине. Поэтому я всю жизнь учился быть как можно более полезным.

Время шло своим чередом. Как бы я не был занят круглый год физическим трудом, заботой о семье, все же нет да нет, грезы увлечений к прекрасному полу приходили, что стало охватывать меня по-настоящему с 16 лет.

ГЕЛЬСЭМ.

Описывая тебеньковские дома и жителей их, я обещал повествовать о своем влечении к Шаркю'э Гельсэм Симаковой. Обещанное полагается исполнить.

Мне 15 лет. Впервые я был увлечен Костровой Айша... Первый богач города Касимова Костров – содержатель магазинов, хозяин меховой фабрики по выделке каракулевых мерлушек – владелец нескольких домов – переселился в нашу деревню с семьей после конфискации всего имущества. Это было в 1919 году. У них было 4 дочери, из которых двое младших по возрасту доводились мне сверстницами – Айша и Зайнаб. Из всех девушек, которых я знал, почему-то по особому мне понравилась Айша. Мне безудержно хотелось её видеть, и чувствовать что-то такое, дающее наслаждение, особое удовольствие, возвышенное настроение, легкость на душе. Когда мне удавалось видеть ее случайно или на посиделках, - невольно любясь ею, я старался показать ей свой небезразличный взгляд на нее, что совершенно явно чувствовал и я с её стороны.

Так продолжались наши взаимные объяснения взглядами довольно долго; может год или немного больше. Потом семья Костровых переехала в соседнее с нашей деревней село Царицыно, после чего видеть ее мне не удавалось, если не считать то, что иногда видел только через окно, когда проезжал через это село. Желание видеть ее долго не покидало меня. Так мое влечение, не развившись более в серьезное, как птичка, не пойманная мною, улетела.

Впервые по-настоящему я полюбил Гельсэм, но и она оказалась для меня синей птицей. Мне 16 лет.

Ловил я синюю птицу долго; ловил мучительно, испытывая какие-то страдания и огорчения; испытывал радости и счастья. Но так и не сумел достичь своей затаенной цели. Она действительно оказалась для меня синей птицей!

Впервые серьезно, с искренней преданностью, доселе неиспытанным чувством я полюбил Гельсэм. Что явилось изначальной искрой, воспламенившей во мне бесконечные желания видеть её, перехватить её взгляд, излучающий какие-то особые магнитные силы, которые на сердце волнительно, обливая его каким-то теплом? Не знал я, что явилось первоначальным возбудителем такого сильного влечения к ней. Но не знаю, что в таких случаях мои случайные взгляды моментально исчезали, не давая мне познать тайну в её глазах. Видя её где-то, встречаясь случайно и с целью, я любовался ею с трепетным волнением безмолвно, тайно при себе. Думал о ней всегда, думал с трепетом души, мечтал видеть её еще и ещё, бесконечно много раз, постоянно. Мечтал о ней, представляя её красоту, образ, взгляды. Ах, эти взгляды! Они сводили меня с ума, – кружилась голова. Для меня она стала единственной, стала явлением моего идеала! Я потерял голову, не находя ни малейшего повода на объяснение взаимности с её стороны, тогда как я уверенно чувствовал и безошибочно догадывался о том, что ко мне ни одна девушка относится с чувством увлечения или любви. А Гельсэм оставалась непроницаемой, загадочной в своем отношении ко мне.

Не проявляя взаимных чувств к нашей тебенковской Бану'э и царицынским Акмаевой Ашраф, Костровой Зайнаб /сестра Айши/, я продолжал любить безмолвно Гельсэм, любить тайно не только от своих товарищей и её подруг, но и от неё самой. Почему так?

На это были несколько причин. С малолетства я был в высшей степени стеснительным, несколько замкнутым, неразговорчивым. Видимо это, объяснялось в свою очередь тем, что я картавил на букву “р”, отчего считал себя неполноценным. Картавя на “р”, меня дразнили, что заставляло переживать. Это уже было проявлением самолюбия. Такое понимание себя, сдерживало не только объясниться с любимой в возрасте уже 16-ти лет, но позволяло без слов открыться ей в любви. Я от роду не был назойливым; боялся быть таким, поскольку я осуждал назойливость среди своих сверстников, знакомых. Поэтому, не зная, наверняка, её не безразличие ко мне, я избегал подобия назойливости к ней – даже проявления слабой незначительной настойчивости своих чувств. Моя любовь к Гельсэм была искренне-чистой, возвышенной, идеализированной. Считал, что она такая, которую надо только так любить, не допуская помыслов проявления когда-нибудь грубой силы. Считал, - она достойна вечной любви, любви такой, которая не подвергалась бы трансформации: любовь – уважение – почитание – хорошее отношение – привычки приличия. Все это привело меня к идеальности любви: вечно любить, если даже не будет взаимности. Мечтать, наслаждаться стремлением к её любви; с волнением заставлять себя чувствовать её любовь к себе, тем самым чувствовать высшее наслаждение души. Это

в свою очередь привело меня к боязни потерять свой вечный идеал, если бы мои признания были бы ею отвергнуты.

Были ли у меня основания бояться порыва своего идеала? Да, по-моему, были. Я себя считал не парой ей. Она в действительности была очень красива, являлась дочерью очень богатого Симаква Валея, содержателя до революции в Петрограде ресторанов, гостиницы, мельницы и меблированных домов, приехала из Петрограда в деревню в 1918 году, будучи гимназисткой старшего класса, так что она была не только хорошо грамотной, но являла собой воспитанную, образованную девушку. Поэтому, я считал её для себя не доступной. Кроме всего, когда её подруги прочили ей меня в ухажера, в будущего мужа, и дразнили тем, что она любит меня, и наоборот, - я люблю и страдаю по ней, - она ничем не выдавала себя – ни положительно, ни отрицательно.

Без конца мучался я гаданием: любит, не любит. Так и не смог разгадать. Много фактов знал я о том, что я безразличен ей, но знал и обратное; главное – она не позволяла ухаживать за собой ни одному парню; была очень сдержанна, умела владеть собой.

Без конца анализировал себя: за что она может полюбить меня, и за что может отвергнуть мою любовь. И я находил и то, и другое.

Вот так, любимая Гельсэм оказалась для меня синей птицей, – я уехал учиться на рабфак.

В КОМСОМОЛЕ.

Себя я считал сыном крестьянина по происхождению, крестьянином по призванию. Я пахал землю, сеял зерновые злаки, убирал урожаи, косил траву на сено, выращивал и содержал лошадей, коров и овец, заготавливал топливо, зарабатывал деньги и продукты питания, чтобы содержать семью из 9-ти человек, когда мне было всего 15-21 год.

Под влиянием оставшегося в памяти впечатления обо всем этом, я описал о своих юношеских годах, проведенных в деревне, возможно с излишнем увлечением, а также лишней детализацией крестьянской работы, поездок на дальние расстояния. Хотелось описать и трудности того образа жизни, который выпал на долю нашего поколения в первые годы послереволюционного периода.

Так я поступил потому, что мои потомки теперь не смогут испытать крестьянского образа жизни, той деревенской идиллии, тех отношений между крестьянами, которые были в мои юношеские годы. Вот поэтому я и хочу, чтобы они через меня знали какие трудности и невзгоды окружали нас тогда, и какую красоту природы, какую прелесть деревенской идиллии мы ощущали.

...Живя в деревне, работая на благо семьи, любя чисто, нежно и возвышенно Гельсэм до поры до времени я удовлетворялся своей жизнью. Но время шло своим чередом и оно начинало оказывать на меня действия, которые заставляли задаваться вопросами: а что дальше, как быть в будущем, что делать на будущее? Со временем начинал сознавать, что моя удовлетворенность результатами своего труда, целями и задачами, которыми я занимаюсь, нельзя считать их единственными и постоянными; так прожить всю жизнь неинтересно. Должен быть и другой интерес, или другой образ жизни. А какой? Долго, мучительно долго путался в своих ответах, вступал сам собой в противоречия. Думал укрепить хозяйство, сделав его примерным, продуктивным, обеспеченным; обогащаться побочными заработками; жениться и отделиться, как сделал брат Фазукай, оставив семью моему младшему брату Абдрахману; пойти по

стопам отца и моих братьев – буфетному, ресторанному делу – и мои братья уже возобновили для себя такую работу. Но все это, за исключением последнего варианта, образа жизни, способы существования не изменяются, а буфетное дело не интересует меня. Касимовские деревенские татары, работавшие до революции по ресторанной части: кто официант или буфетчик, кто содержатель ресторанов и гостиниц, кто владелец магазинов и прочих торговых заведений, не смогли или не хотели поддерживать былое благополучие деревенского хозяйства. Сразу же после революции они все приехали в деревни, где без наемного труда сами не умели и не хотели вести сельскохозяйственную работу; а бывшие до этого способы заработка ликвидировать. Вот поэтому их хозяйства пошли в упадок.

С объявлением НЭП, а многие разъехались вновь по разным городам, где работали по привычным им делам /официант, буфетчик и прочее/. Упадок таких хозяйств продолжался до полной самоликвидации. Например, в 1958 году, когда я впервые, через 30 лет, был в деревне, в Тебенькове осталось всего 3 татарских дома – Левашовой Махузи, Левашовой Хадичи и Симакова Ганея; 2 дома сезонно проживающих – Азимова Шаха и Симакова Шамиля Ахмеджановича. Все остальные 8 домов проданы. Дом Симакова Валея занят под медицинский пункт. Остальные 8 домов проданы на вывоз. Так что образ жизни дореволюционного периода наших татар теперь стал совершенно непригодным, да и раньше, когда я работал в ресторане станции Симферополь помощником у дяди Ахмеджана, у меня не было призвания идти по пути моего отца и старших братьев, избравших себе ресторанное дело. Еще тогда я мечтал учиться в коммерческом училище, чтобы быть заводчиком.

...Живя в деревне, работая на семью, в ранние юношеские годы, удовлетворяясь результатами своего тяжелого труда, со временем все чаще и чаще стал задаваться вопросом: все это только для себя и моей семьи. И убеждался, что он не может быть и не должно быть конечной целью жизни, как мне казалось раньше.

Чтение газет, продумывание слышанного о революции, выводы о судьбе деревенских татар Касимовского уезда, явившихся до революции полукрестьянскими, полухозяевами торговых предприятий стали меня все больше и глубже убеждать в том, что я для людей, как они, ничего не делаю. Вот, например: Абдулла Тузукин; - будучи студентом, в Петрограде, принимал участие в революционном движении, а теперь он секретарь укома партии в Касимове; или, например наш родственник Худайбердеев Валей, - летчик гражданской войны, был сбит с самолетом и ранен, теперь он секретарь партийной ячейки Татарского волостного управления; вот взять военкома Токарева, который устанавливал Советскую власть в Касимове, за что поплатился жизнью; да и мои старшие братья делают полезное для народа: Фазукай-абзей возглавил в Царицыне комитет бедноты, а потом, после ликвидации этих комитетов, стал председателем сельсовета и уполномоченным по нашей деревне от царицынского сельсовета; брат мой Хаким, старше меня всего на 2 года, в Симферополе примкнул к какому-то отряду по борьбе с басмачеством; я знал, что Симаков Абдрахман – наш сосед был в рядах Красной Армии в период гражданской войны, и погиб там же; знал и то, наш тебеньковский Танкачеев Сафа добровольцем ушел на гражданскую войну, где и сложил голову. Таких примеров о людях беззаветно посвятивших свою деятельность на претворение в жизнь целей и задач партии большевиков. Я знал немало таких революционеров, которыми восхищался, которым старался подражать. Они становились моими идеалами. “Вот бы мне хоть немного быть похожим на них”, - думал я. И приходил к выводу: “Где уж мне до них. Ведь они грамотны, разбираются в политике, - вот и умеют делать добро людям.” Отсюда

вывод: надо учиться уметь делать добро людям, для чего необходимо заниматься самоучением – больше читать газеты, книжки, вдумываться к тому, что и о чем говорят приверженцы Советской власти. Абдулла, Вале́й, Сафа, братья Фазукай и Хаким, да и отец, которому наверняка новая власть не была по душе, говорил: “Большевики молодцы; у них много хорошего против царского строя. Они решительно наводят порядки”. Так я шел пока самостоятельно в комсомол.

И вот однажды приехал к нам Худайбердеев Вале́й, и поручил мне собрать тебеньковских и царицынских ребят. Я собрал их в пожарном сарае, что находился в бывшей усадьбе Турлая. Вале́й много говорил о Ленине, истории партии, революции, Советской власти и о комсомоле. Его беседа убедила меня в том, что я правильно надумал быть комсомольцем. Вскоре я встретился в Царицыне с Давликамовым Абдрахманом; он предложил принять участие в организации комсомольской ячейки, говоря: “Будем спектакли ставить, и ты будешь играть, будем писать свою газету, будем ходить в город в кино, заведем свою библиотеку, в городе будем слушать лекции, и к нам будут приходить лекторы; словом, - будем учиться”.

И я решил: вот то, о чем он говорит, Абдрахман, и то, о чем недавно говорил Худайбердеев Вале́й – мне надо быть комсомольцем!

В 1923 году, в возрасте 19 лет я стал комсомольцем, что определил мой новый образ жизни... От него, комсомола, началась та дорога, по которой я шел прямо, без оглядки, шел на подъем, и как бы это не было трудно, - я не сетовал на судьбу, не огорчился, памятую при этом, что, назвавшись груздем..., взявшись за гуж... А взялся я, за то, чтобы максимально делать своему народу пользу, делать все то, что полезно ему. И этот путь прошел так, что во мне совесть осталась чистой, во мне нет капельки угрызения совести, сожаления в чем-либо. На пенсию вышел с должности заместителя Председателя Совета Министров Казахской ССР, Председателя Госплана этой республики, будучи членом бюро ЦК КПКаз, депутатом Верховного Совета СССР и КазССР; был награжден Орденом Ленина, двумя Орденами Трудового Красного Знамени, Орденом Знак Почета, шестью медалями и Званием лауреата ВДНХ, член КПСС с 1941 года. Пенсию дал Совет Министров СССР персональную союзного значения. Итак, комсомольскую ячейку мы организовали в Царицыне. Инициаторами организации были: Абдрахман Давликамов, Исмаил Дуймакаев, Шакир Кузахметов, Абдулла Давлицаров и я из Тебеньково. Секретарем избрали Давликамова. Он стоял на голову выше нас: был грамотным, развитым, начитанным, владеющим незаурядными организаторскими способностями. Он сумел сколотить нас вокруг себя. Членами бюро были Дуймакаев Исмаил и я.

По нашей просьбе председатель сельсовета Абдулла Асаков выделил нам пустующий большой дом Батыра и лесоматериал. Этот дом мы переделали под клуб, состоящий из зрительного зала, фойе, сцены и другого. Вся работа выполняли мы сами. В этом клубе мы собирались на заседания бюро, проводили вечера встреч молодежи, устраивали лекции, слушали громкие читки газет, писали стенгазеты и обсуждали заметки этих газет, затевали споры и дискуссии с односельчанами на различные темы; там же мы устраивали комсомольские собрания, на которых выступали с докладами мы сами, председатель сельсовета или представитель укома комсомола; в 3-4 недели ставили спектакль, на которых я играл третьестепенные роли, из-за чего злые языки девчонок говорили: Каюма выставляют в качестве декорации сцены. Что соответствовало действительности. В осенне-зимний период мы собирались каждый вечер; если там не происходили те мероприятия, о которых только что я сказал, то мы разучивали песни, или пели уже разученные. Царицынские комсомольцы принимали

активное участие на сельских сходках, а я, - в своей деревне, на которых поддерживали председателя сельсовета, тем самым мы втягивались и вмешивались в общественные дела, направленные в интересах нового строя. На этих сходках приходилось разоблачать, давать отпор тем, которые выступали в какой-то форме против интересов бедных, линии Советской власти. И наши статьи в стенгазете больше носили такой же характер, да и на собраниях наших возникали они нередко. Организованно ходили по вечерам в кино в город, иногда нам удавалось пригласить механика в наш клуб показать фильм, для чего сельсовет обязывал очередника выделить под воду аппарат. Каждый год устраивали в лесу маевки на живописной поляне, где своими силами мы сделали танцплощадку; в киоске продавали сладости, книжки; через уком комсомола приглашали из города духовой оркестр.

В 1924 году уехал из деревни мой брат Фазукай-абзей, исполнявший в то время обязанность уполномоченного от сельсовета /Царицынского/ и председателя комитета взаимопомощи по своей деревне. В связи с этим на эти должности был избран я. Теперь уж моя ответственность комсомольца возросла неимоверно высоко, хотя и до этого меня считали идейным комсомольцем; и действительно, я стремился изо всех сил быть таким. Я не пил, никогда не допускал к обязанностям комсомола хладнокровия, не говоря уж в чем-либо недисциплинированности. Являясь представителем Советской власти, я боялся допустить какую-либо служебную или в личном поведении ошибку, я постоянно искал полезное дело для общества, в первую очередь для бедных семей, каковыми у нас были: Левашова Фазылла и семья дома Гельнай; постоянно думал о том, что я должен сделать полезного для нового строя.

Осуществляя свои общественно-полезные функции, в память о Первом мае я призвал односельчан выйти на осушение болота у речки Макаровка, которое, как говорили старожилы, из года в год на хорошие покосные части луга в этом районе. Первого мая все вышли и за целый день мы прорыли канаву. С годами болото стало убывать, тем самым луг был спасен от заболачивания, а само болото начало давать приличную траву вместо осоки. Другой раз 1-ого мая частично расчистили луг Вороний язык от зарослей тальника, которые с каждым годом сокращали покосные участки, на которых росла замечательная трава – дикие клевер и чечевица. Если раньше луга вокруг речек Мудровки и Макаровка делили в 3 года 1 раз по едокам семей, независимо от изменений количества скота и членов семей, то мы начали делать это ежегодно, что было более справедливым, считая, что количество скота должно содержаться в соответствии с численностью семьи – это было в пользу бедных и малоимущих хозяйств. С помощью агронома и властей уездного земельного управления, мне удалось добиться согласия схода перейти с трехпольной системы земледелия на семирпольную, оставляя по очереди на 3 года одно поле под культурным клевером, что давало отличный корм для скота, и повышало урожайность злаковых и картофеля, тем самым компенсировалась кажущаяся потеря поля под клевером. Ожидания в этом отношении полностью оправдались. В связи с этим перераспределение начали производить ни через 3 года, а по истечении 6 лет, в этом случае полностью использовался посеянный клевер, и не допускалось истощение земли безразличием, считая: скоро она уйдет от него, от такого безразличного нерадивого хозяина. И в этом случае результаты оказались удачными. Как председатель комитета взаимопомощи, я призывал селян помогать бедным и маломощным семьям. Это заключалось в следующем:

- на обмен давать сортовые семена ржи, проса, гречихи, картофеля;
- семьям, у которых нет мужчин, косить обществом сено;

- семьям, не имеющим своей лошади, выполнять некоторые виды работ – подвозка хвороста, дров, сена;
- не допускать несправедливости в договоренности по обработке земли безлошадных семей исполу, и прочим мероприятиям.

Должен сказать, что все это выполнялось соседями аккуратно. При какой-либо нужде, помощь необходимая оказывалась через волостное управление.

Я знал, что овцы в нашей деревне породистые – крупные, много шерстные, высокой упитанности, хвосты у них широкие и длинные. Вот такую нашу овцу я выставил в городе на сельхозвыставке. Комиссия обратила внимание и установила: овца романовской породы, некогда выведенной в Ярославской губернии. Тут же состоялась договоренность с зоотехником об обследовании всего поголовья овец нашей деревни. Он выполнил это и признал всех овец полу породистыми, но близкими к выведению чистокровных романовских, для чего он обещал двух производителей и, кроме того, выделить нам участок заливных лугов в поймах Оки. Мы в свою очередь должны были организовать овцеводческое товарищество и дать обязательство: своих овец и ягнят не забивать, а сдавать в земуправление для целей распространения этой породы в других деревнях, за что мы можем получать деньги или овец равнозначных по весу. На сходке моё предложение об организации товарищества было принято обществом, Назвав его Пионером, председателем которого избрали меня.

Нам земуправление выделило 2-ух чистопородных баранов и 12или15 га заливных лугов, дающих прекрасное сено. Покос на этом участке распределялся ежегодно по хозяйствам в соответствии с численностью овец, оставляемых на зиму и отдельно выделялся участок тому, кто давал согласие зимой содержать у себя производителей. Так у меня возникла по счету третья должность.

Добивался я аккуратного взноса по продналогу всеми жителями нашей деревни, выполнения очередности по гуж налогу. Распространял облигации среди тебеньковских граждан.

Так постепенно я вошел в общественно-полезное дело, о котором я так затаенно мечтал и стремился как на что-то отдаленное. Относясь со всей серьезностью к своим служебным обязанностям, стараясь максимально быть полезным для общества, строя здоровые отношения с односельчанами, я был признан ими своим, справедливым комсомольцем; в результате в какой-то мере стал уважаемым человеком. Это уже явилось противоположностью тому, что было после вступления в комсомол. С этого времени старики, и старухи нашей деревни отвернулись от меня: они не отвечали на мои приветствия и обращения к ним; сами не замечали меня и не обращались ко мне с какой-либо просьбой; они говорили: “Был хороший, старательный парень, молчаливый и стеснительный, вежливый и обходительный человек. И все теперь исчезло. Стал безбожником; совсем испортился”

Кем-то было замечено, что наш “уполномоченный по общественным делам или вызову в город ходит пешком – не требует полагающейся очередной подводы для этого”. И действительно, я считал, что отрывать у кого-то лошадь, чтобы меня отвезти в город и там, целый, день, ждать, и, тем самым нанести какой-то урон его хозяйству Мало того, я не пользовался правом, установленным до меня порядком, - я не брал себе из общественного фонда проездных, полагающихся в таких случаях. Я не позволял себе брать рубль, считая невозможность доказать правильность таких расходов: деньги общественные находятся у меня, никаких документов о поездке в город не имелись, никакой формы отчетности не было. Ведь каждый мог сказать: ты взял больше, чем тебе полагалось. Эту мысль я сравнивал с теми записями бывшего

старосты деревни Шангрей-бабая, являвшимися полностью недоказуемыми. В них значилось: “От Валея получил полрубля, Фатиме отдал гривенник, я взял пятиалтынник, Намуш должен рубль и т.д.” От какого Валея он получил и за что, почему себе взял пятиалтынник, какой Фатиме и за что отдал гривенник. Ему, конечно, вся эта бухгалтерия-память известна, но посторонним – лес темный; и никто ничем не докажет никому. Вот я и думал: брать общественные деньги не только против моей совести, но и потому, чтобы не стать рядом с древним старостой для последующих уполномоченных.

Вот так честно, искренне, со всем вниманием, войдя в общественное дело и в дело интересов государства, я смог отойти от проявившейся тенденции частноблаготворительного интереса, от прежней психологии крестьянства. Я мечтал быть партийно-советским работником.

Наш секретарь ячейки Давликамов Абдрахман, имевший большой авторитет среди нас своим развитием, всесторонним знанием и начитанностью, не раз говорил нам о том, что нам, комсомольцам, надо ехать учиться на рабфак и совпартшколу, которые подготавливают учиться в институтах. Он соблазнял нас приобретениями знаний и образования, а затем специальностями высшего образования, говорил и об условиях содержания студентов. При таких беседах он замечал то наше настроение и горячее желание ехать на учебу, которые выражались нами. Такое сильнейшее стремление к учебе проявлялось Исмаилом Дуймакаевым, Шакиром Кузахметовым, Абдуллой Давлицаровым и мной.

Однажды после комсомольского собрания Абдрахман говорит нам: “Осенью нам дадут 2 путевки на учебу: на рабфак и совпартшколу. А на будущий год обещают дать еще 2 путевки. Давайте решим: кого пошлем в этом году?” Бюро решило послать Дуймакаева и меня. Тут же решили: кому, куда ехать на учебу. По предложению секретаря и обоюдному нашему согласию постановили: Исмаил пишет заявление на рабфак, а я в совпартшколу. Абдрахман дал нам решительный совет срочно и серьезно готовиться к экзаменам, а Шакиру и Абдулле готовиться ехать в будущем году.

Сказано, - сделано. Отдаленная мечта стать хоть немного похожим на Тузукина, Худабердеева, Токарева Козлова приблизилась и могла стать реальностью. Я с особым рвением начал готовиться ехать учиться. Много читал газет, книжек по классовой борьбе, истории революционного движения; вгрызался во все то, что расширило политическую грамотность.

Задумано – сделано! И я себя считал вполне подготовленным выдержать вступительные экзамены. Особенно считал себя знающим политграмоту. Но...

Как-то проходя, через нашу деревню, алешинский Костя Костин, знакомый мне по комсомолу, учившийся в Касимове в педучилище, заглянул ко мне “побеседовать, поговорить, поделиться новостями”. Незаметно для меня он устроил экзамен по моим знаниям. После чего он решительно заявил: “Тебя в совпартшколу не примут. Если ты по политграмоте подготовлен удовлетворительно с натяжкой, то по остальным ты провалишься”. Видя мое огорчение, он говорит: “Вот что, Каюм, возвращаясь из города, куда я хожу каждый день, иногда я буду заходить к тебе и заниматься с тобой. Ты согласен?”, - спросил он. Я с огромной благодарностью принял его такое великодушное предложение. С лета до осени, 2-3 раза в неделю он занимался со мной. Тут уж я понял, - насколько это для меня важно, что он занимается со мной. К осени, и дело подвинулось вперед к учебе.

Наступил долгожданный август 1925 года! И мне вручили путевку ... в Тамбовский рабфак, а Исмаилу в Рязанскую совпартшколу. Что же делать? Нам в волостной парт

ячейке Худайбердеев сказал: “ Путевки вам прислал рязанский губ компартии. Это решение мы не вправе менять. Езжайте учиться, старайтесь хорошо учиться”. Нас уговаривать не надо было, мы оба были до безумия рады.

Узнав о моем предстоящем отъезде на учебу, отец начал уговаривать меня отказаться от стремления к учебе. Он мотивировал тем, что содержание семьи ухудшится, да и жениться уж мне пора. “ Тебе хорошей женой была бы племянница Айши /моей мачехи/.” Когда я объяснил ему, что для меня нет на свете большего желания, чем учеба, да к тому же содержание семьи возьмет в свои руки полноценно младший мой брат Абдрахман, - отец пристально, задумчиво посмотрев на меня, сказал: “ Я портить тебе желание не могу”. Я поблагодарил его. Потом я узнал, что отец хотел моей женитьбы по наставлениям мачехи, которой видимо, нужна была родственная опора, поскольку отец уже чувствовал себя тяжело больным. В день отъезда отец мне сказал: “ Ведь мы тебе ничем помочь не сможем. Вот мои любимые часы “ Лонжерон”, возьми себе”. Я был, тронут добрым отношением отца. О домашней помощи я и не думал.

В конце августа наступил день отъезда. К моему удивлению, вызвавшее безудержное волнение, я увидел во дворе чуть ли не всех односельчан, пришедших проводить меня и подарить на дорогу съедобное. Все они говорили что-то приятное для меня, выражали добрые чувства. Я был, тронут и сильно взволнован – торопился попрощаться со своими родными и пришедшими соседями, чтобы скорее сесть на телегу и поехать.

Выехав из деревни, я слез с телеги и пошел пешком, чтобы в такой трогательный момент остаться наедине.

Много раз оборачивался назад, словно стремясь запечатлеть навсегда в своей памяти родное Тебеньково, его дома, сады, луга, Мудровку, леса, - особенно хотелось оставить на будущее не выветрившимся свой дом, моих родных и любимую Гельсэм. Каждый раз, когда я оборачивался назад, - я хотел запомнить все то, с чем крепко сроднилось мое безмятежное детство и порыв волнений юношества. И охватывало меня тогда странное чувство тоски. Я говорил: “ Прощай моя деревня, в тебе прошли мои детские и школьные годы, в тебе я жил в годы отрочества и юности”. Оборачивался и еще раз говорил: “ Ты – моя деревня. В тебе мой дом, в тебе – я”!

...В первое время в Тамбове я очень скучал по своей деревне. Она безмерно мила мне не только своей живописностью, особо отличительной красотой, а не забываема она мила духовно, согласуясь с восприятием окружающего мира, соответствует с понятием Родина. Здесь я родился, родились и жили своим счастьем, удачами и горестями мои родители, мои предки. В Тебенькове я провел безмятежные, веселые школьные годы, приоткрывшие мне страницы начала познания жизни, которые дали первые находки, раскрывая новое. В нем мое отрочество тесно связалось с деревенским образом жизни: я с полной мерой вошел в трудовую деятельность, вкладывая свой не успевший окрепнуть силой труд на благосостояние нашей семьи. Тебеньково еще особо памятно мне периодом моей юности: стал понимать значение крестьянского труда, морально удовлетворяясь его результатами; рождались и в определенном направлении формировались увлечения миром красоты; возникла первая любовь, освященная чистотой тяготения, загадочностью и идеализированной мечтой; развивалось мировоззрение, полностью соответствовавшее советскому строю, став идеальным комсомольцем; здесь, в Тебенькове, впервые я начал проявлять деятельность на пользу общества, в интересах партии большевиков, заняв служебные посты на деревне. Мой образ жизни в Тебенькове, мои сокровенные желания и

стремления в этот период привели меня на путь высшего образования, что стало реальностью вот теперь в Тамбовском рабфаке, готовившем выпускников в технические институты. Вот вся эта совокупность и представляла мне понятие, Родина... Уж так повелось, - у кого смысл родины воплощен в незыблемый патриотизм, ему нет милее своей родины, т.е. своих родных, ему близких, его волнующих при воспоминаниях мест, мест окружавших, и людей, с которыми общался – все это и означает часть общего смысла Родины, возможно, - главного смысла.